

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Каратаракис Николаос

Эврисемия и полисемия в греческом и русском языках
на материале глаголов лексико-семантической группы ‘перемещение
объекта’

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Новоспаская Н. В.

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Проблема описания эврисемии и полисемии сквозь призму лексического значения	15
1.1. Минималистский и максималистский взгляд на «значение» слова	15
1.1.1. Представление лексического значения в словаре	19
1.1.2. Моносемия vs «тонкая» и «богатая» полисемия	23
1.1.3. Дискретность vs диффузность значения слова	29
1.2. Эврисемия и полисемия в российской лингвистике – проблематика интерпретации эврисемии	32
1.3. «Общее», обобщенное vs широкое значение: обозначение понятий	44
1.4. Эврисемия в иллюзии полисемии: деконструирование понятия	59
1.4.1. Минималистский подход к эврисемии: «квази-моносемия»	60
1.4.2. Семантически опустошенные глаголы ('Light Verbs') и абстрактные существительные: от эврисемии к полисемии	65
1.5. Дискуссионность понятия «эврисемия» в русле методологического принципа «бритвы Оккама»	70
Выводы по Главе 1	78
Глава 2. Сопоставительный анализ глаголов ЛСГ 'перемещение объекта' в греческом и русском языках	82
2.1. Отнесение глаголов в ЛСГ 'перемещение объекта'	82
2.2. Связь словообразования с семантикой: словообразовательные характеристики глаголов ЛСГ 'перемещение объекта'	88
2.2.1. Словообразовательная производность глаголов	89
2.2.2. Сравнение некоторых производных глаголов в греческом и русском языках: семантический сдвиг и отражение действительности	99
2.3. Семантико-синтаксические характеристики глаголов ЛСГ 'перемещение объекта'	103
2.3.1. Корпусный анализ: частотность и дистрибуция глаголов ЛСГ 'перемещение объекта' ...	109
2.3.2. Сопоставительный анализ глаголов подгруппы 'получение' в греческом и русском языках	116
2.3.3. Сопоставительный анализ глаголов подгруппы 'размещение (в пространстве)' в греческом и русском языках	128
2.3.4. Сопоставительный анализ глаголов подгруппы 'передача' в греческом и русском языках .	135
2.3.5. Сопоставительный анализ глаголов подгруппы 'извлечение' в греческом и русском языках	139
Выводы по Главе 2	145
Глава 3. Глаголы ЛСГ 'перемещение объекта' в лингвистической системологии	148

3.1. Общеупотребительные глаголы как маркеры в системной типологии языков на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’: гипотеза «ярких представителей» языка	148
3.2. Роль полисемии в языковой системологии на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’	158
3.3. Грамматическая метафора (перенесение) в системно-функциональной грамматике М.А.К. Halliday на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’	161
3.4. Метафорический перенос от конкретного к абстрактному объекту – от номинативного к фразеологическому значению на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’	166
3.5. Сенсорная метафора на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’	177
Выводы по Главе 3.	185
Заключение	188
Библиографический список	194
Приложения	217

Введение

Проблема описания лексического значения занимает центральное место в современной лингвистике и остаётся одной из наиболее дискуссионных. Многообразие подходов к определению значения приводит к отсутствию общепринятого понимания того, что следует считать значением слова, каковы его границы и как оно функционирует в речи. Особенно остро эти проблемы проявляются в отношении языковых феноменов полисемии и эврисемии, которые описывают количество и характер значений в диапазоне от широких до узких и от единичных до множественных. Понятие «эврисемия» находится в центре современных исследований и представляет собой широкое значение слова характеризуется особым типом семантической организации. В работах лингвистов, занимающихся проблемой эврисемии, подчёркивается, что эврисемия особенно показательна на глаголах, на основе которых выявляются характеристики высокой частотности, широкой сочетаемости, множества денотатов, широкой референции и тенденции к обобщению значения.

Степень разработанности проблемы. К числу исследований, посвященных языковым явлениям эврисемии и полисемии, относятся работы, которые охватывают следующие аспекты:

- описание моносемии: С. Ruhl (1989) об определении моносемии с точки зрения прагматических правил; R. Moon (1987) об обозначении моносемии в языке и словаре; J.C. Catford (1965, 1984) об установлении средних ступеней моносемии;

- описание полисемии: Ю.Д. Апресян (1995) о разработке регулярной полисемии; А.А. Зализняк (2013) о дискретности и диффузности полисемии в языке и мышлении; С. Brugman (2001) о конструктивной полисемии в устойчивых сочетаниях; D.A. Cruse (1986) об установлении полисемии посредством тестов; L. Falkum & A. Vicente (2015) о разных подходах к полисемии;

- описание эврисемии: Н.Н. Амосова (1963) о введении понятия «широкозначность» на материале английской фразеологии; В.Г. Гак (1976,

1977) о широкозначности на материале французской лексики; Л.Я. Гросул (1977), В.Я. Плоткин (1985, 1989) и Е.И. Малютина (2008) об эврисемии на материале английских глаголов; А.М. Аралов (1979) о соотношении широкого и узкого значения слова на материале английских и немецких глаголов; П.С. Федюк (2011) об эврисемии на материале глаголов размещения в пространстве в языках различных групп; М.Ю. Евтеева (2014, 2021) об эврисемии в русском, латышском и немецком языках; И.А. Семина (2019) о разных подходах к описанию эврисемии; А.М. Дудина (2019) об эврисемии на материале французских и белорусских глаголов.

Актуальность.

1. В современной лингвистике сохраняется устойчивая многолетняя дискуссионность проблемы определения лексического значения, лежащая в основе исследований полисемии, моносемии и эврисемии. До настоящего времени отсутствует единое понимание того, что представляет собой значение слова, какова его структура, где проходит граница между значением и употреблением и каким образом значения должны быть представлены в словарях. Выбираемый исследователями подход (минималистский или максималистский, референциальный или когнитивный, структурный или прагматический) приводит к противоположным выводам о природе многозначности и механизмах функционирования сложных глагольных значений. Это порождает терминологическую неоднозначность, методологическое расхождение и требует дополнительного анализа фундаментальных основ семантики.

2. Актуальность исследования определена тем, что эврисемия остается одним из спорных и теоретически неустоявшихся понятий, характерным прежде всего для общеупотребительных глаголов. Явление широко отмечено в разных языках, однако его научная интерпретация остаётся недостаточно прояснённой. Во многих работах подчёркивается отсутствие строгих критериев отличия эврисемии от полисемии, неопределённость границ широкого и инвариантного значения, несогласованность подходов к

выделению семантического ядра и его периферии. Таким образом, изучение эврисемии как самостоятельного семантического явления является актуальной и нерешённой задачей современной лексической семантики.

3. Актуальность сопоставления русских и греческих глаголов ЛСГ 'перемещение объекта' вызвана их флективным характером и различным историческим развитием: греческий язык постепенно движется в сторону аналитизма, в то время как русский язык остаётся преимущественно синтетическим. Анализ того, как в двух родственных, но структурно различающихся языках формируются глаголы, позволяет уточнить семантические, типологические и характерологические особенности. Их сравнение выявляет не только формальные различия, но и культурные, когнитивные и исторические особенности двух народов. Особую научную значимость приобретает анализ общеупотребительных многозначных динамичных глаголов, которые являются ключевыми элементами и ядром глагольной системы. Такие глаголы наиболее подвержены процессам десемантизации, расширения значения, метафоризации и грамматикализации.

Теоретическую базу исследования составили труды по:

- лексической семантике: А.И. Смирницкий (1956); А.А. Уфимцева (1968; 2002, 2010), Д.Н. Шмелев (1973); D. A. Cruse (1986); C. Ruhl (1989); Ю.Д. Апресян (1995); И.М. Кобозева (2000); Л.А. Новикова (2001а, 2001б); Дж. Лайонз (2003); М.А. Кронгауз (2005); А.А. Зализняк (2013); J. Lyons (2016);

- эллинистике: Browning (1983); Г. Μπαμπινιώτης (1985, 2010); Α. Alexiadou (1999); P. Mackridge (1999); Α.-Φ. Χρηστίδης (2005, 2014); Π. Θώμου (2006); И.В. Тресорукова (2009); G. Horrocks (2010); Тресорукова и др. (2021);

- лексикографии: В.В. Виноградов (1977); A. Wierzbicka (1982, 1996); R. Moon (1987); H. Béjoint (1988); Ю.Д. Апресян (1995); И.А. Стернин (2011); С.Д. Кацнельсон (2011); I. Mel'čuk (2012, 2016, 2022, 2023);

- сопоставительным исследованиям лексических систем языков: Н.Н. Амосова (1963); В.Г. Гак (1976, 1977); Л.Я. Гросул (1977); А.М. Аралов (1979);

В.Я. Плоткин (1989); Е.И. Малютина (2008); П.С. Федюк (2011); М.Ю. Евтеева (2014, 2021); И.А. Семина (2019); А.М. Дудина (2019);

- фразеологии: С. Ульман (1962); В.В. Виноградов (1977); С. Brugman (2001); Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук (2007); И.А. Мельчук (2012); М.В. Копотев, Т.И. Стексова (2016); I. Mel'čuk (2012, 2016, 2022, 2023); Д.О. Добровольский (2023);

- типологии: Г.П. Мельников (1967, 2003, 2014); Т.А. Майсак (2005); В.Н. Денисенко, М.А. Рыбаков (2006, 2009); G. Stump, R. Finkel (2013); М.В. Копотев, Т.И. Стексова (2016); M. Haspelmath & S. Michaelis (2017); M. Haspelmath (2018); Т.Б. Радбиль (2020); Е.Д. Поливанов (2023).

Цель исследования: выявить семантические, валентностные и словообразовательные характеристики русских и греческих многозначных глаголов лексико-семантической группы 'перемещение объекта' на основе дискуссионности понятия эврисемии, а также определить их роль в типологической характеристике языковой системы.

Выдвинутая цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Проанализировать теоретические подходы к лексическому значению, полисемии, моносемии и эврисемии; рассмотреть широкое значение как центральное понятие явления эврисемии и обсудить статус эврисемии как самостоятельной категории.

2. Описать семантическую структуру, рассмотреть словообразовательные свойства и диахроническое развитие и выявить валентностные, лексико-грамматические, семантические и сочетаемостные особенности глаголов лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) 'перемещение объекта' в греческом и русском языках.

3. Провести сопоставительный типологический анализ греческих и русских глаголов ЛСГ 'перемещение объекта'.

4. Провести сопоставительный анализ метафорического переноса от конкретного к абстрактному объекту на материале коллокаций,

грамматической и сенсорной метафоры глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках.

5. Определить типологическую роль общеупотребительных многозначных динамичных глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ во флективных русском и греческом языках.

Новизна исследования состоит в том, что:

1. определена концепция широкого значения в отношении понятий общего и обобщенного значения и показана несостоятельность выделения эврисемии как языкового явления;

2. впервые проведено системное сопоставление и выявлены сходства и различия в деривационной продуктивности, валентности, механизмах семантического развития и функционировании глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках, которые рассматриваются как типологические маркеры синтетизма и аналитизма;

3. впервые предложена классификация коллокаций глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках и проанализированы метафорический перенос от конкретного к абстрактному объекту, грамматическая метафора и сенсорная метафора как тенденции во флективных языках.

Объектом исследования являются общеупотребительные многозначные динамичные глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках.

Предметом исследования является семантическая структура, словообразовательная производность и системно-типологические характеристики глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках.

Материал исследования. В качестве языкового материала послужили 12 русских и греческих общеупотребительных многозначных динамичных глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’: *давать, брать, ставить, класть, принимать, получать* в русском и *δίνω* ‘дать’, *παίρνω* ‘брать’, *βάζω* ‘ставить’,

класть’, *δέχομαι* ‘принимать’, *λαμβάνω* ‘получать’, *βυάζω* ‘вынимать, вытаскивать, снимать’ в греческом языке. Анализ произведен на основе дефиниций толковых, этимологических и частотных словарей русского и греческого языков. Для русского языка использованы БТССРЯ (2008), БТСРГ (2008), Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (1986), Этимологический словарь русского языка Г.А. Крылова (2005), Фразеологический словарь русского литературного языка А.И. Фёдорова (2008), Этимологический словарь русского языка А.В. Семёнова (2003), Словарь русского языка С.И. Ожегова (2025), ЧССРЯ (2009). Для греческого языка использованы Словарь древнегреческого языка: краткая версия Большого словаря H.G. Liddell и R.A. Scott (2007), Словарь новогреческого языка М. Триантафиллидиса (1998), Словарь средневековой народной греческой литературы Е. Криараса (1975, 1977, 1985), Этимологический словарь греческого языка Г. Мпампиниотиса (2010). Фактический материал пополняется примерами функционирования глаголов в корпусах Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹, Корпуса греческого языка (КГЯ)² и Национального тезауруса греческого языка (НТГЯ)³, а также контекстами, отражающими особенности употребления глаголов в различных типах дискурса.

Гипотеза исследования состоит 1) в дискуссионности теоретической интерпретации понятия эврисемии и 2) в предположении, что на эмпирическом уровне во флективных греческом и русском языках сопоставление семантических, валентностных и словообразовательных свойств общеупотребительных многозначных динамичных глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ приводит к их оценке как маркеров синтетизма и аналитизма.

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.11.2025).

² Корпус новогреческого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru. (дата обращения: 23.11.2025).

³ Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main (дата обращения: 23.11.2025).

Системный характер исследования потребовал применения комплекса **методов исследования:**

1. Семантический анализ – компонентный, дистрибутивный, комбинаторный и контекстуальный, применяемый для описания лексико-семантической структуры греческих и русских глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’.

2. Сравнительно-исторический и сопоставительный методы были направлены на установление структурных, семантических и валентностных соответствий между русскими и греческими глаголами, а также для выявления межъязыковых различий.

3. Характерологический анализ греческого и русского языков применен с целью установить характерные и типологические особенности.

4. Словообразовательный и деривационный анализ позволили проследить формирование глагольных связей, установить структурные модели и определить роль морфологии в семантической структуре слова.

5. Корпусный метод использовался при подборе языковых примеров.

6. Этимологический и диахронический анализ применялись для исследования исторического развития греческих и русских глаголов, их семантических сдвигов, переходности и функциональности.

7. Метод сплошной выборки языкового материала и метод анкетирования были использованы для опроса.

Методология диссертационного исследования. Методологической основой исследования является комплексный подход к описанию семантической структуры и типологических свойств русских и греческих общеупотребительных многозначных динамичных глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’. Исследование сочетает семантический (компонентный, дистрибутивный, комбинаторный и контекстуальный) анализ, позволяющий выявить набор дифференциальных признаков, с сопоставительным и контрастивным анализом, направленными на выявление межъязыковых соответствий и различий в организации глагольной системы

синтетического русского и аналитического греческого языков. Словообразовательный и деривационный анализ используется для описания глагольных гнёзд, определения продуктивных моделей и роли морфологической структуры в развитии значений.

Эмпирическую базу исследования составляют данные толковых, этимологических и частотных словарей русского и греческого языков, а также примеры из Национального корпуса русского языка и Корпуса греческого языка, что обеспечивает репрезентативность материала и снижает степень субъективности интерпретации. Корпусный метод позволяет фиксировать частотность, типичные коллокации и валентностные рамки глаголов. Этимологический и диахронический анализ используются для установления направлений семантических сдвигов и механизма перехода от конкретных значений к абстрактным. Методы сплошной выборки, опроса, анкетирования и интроспекции применяются для уточнения границ значений и категоризации коллокаций. В совокупности использованные методы обеспечивают системное рассмотрение полисемии и пересмотр статуса эврисемии, а также позволяют интерпретировать общеупотребительные многозначные динамичные глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ как маркеры системно-типологических характеристик русского и греческого языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении дискуссионного понятия эврисемии; во вкладе в описание лексического значения в лексикографии; в развитии теории полисемии; в разработке характерологической типологии на основе глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’, а также в разработке общих универсальных механизмов абстрактной языковой системы путем дедукции; в разработке метафорического переноса от конкретного к абстрактному объекту на материале коллокаций глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’. Диссертационное исследование вносит вклад в расширение типологической базы исследований глагольной лексики и уточняет роль структурных свойств языка в формировании лексического значения.

Практическая значимость исследования определяется широкими возможностями применения его языкового материала и результатов его исследования в прикладной лингвистической практике. Проведённый анализ семантических, валентностных и сочетаемостных свойств греческих и русских глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ позволяет уточнить словарные дефиниции, повысить точность толковых и двуязычных словарей, корректнее представить деривационные связи и распределение значений в системе языка. Материалы работы могут служить основой для подготовки русско-греческих и греко-русских словарей, учитывающих типологические различия двух языков. Результаты исследования могут быть использованы в теории и практике перевода. Материалы диссертации могут использоваться также для учебного процесса: в курсах лексической семантики, словообразования, сопоставительной грамматики, лингвистической типологии, а также при обучении русскому и греческому языкам как иностранным. Полученные данные могут быть также востребованы в прикладной и компьютерной лингвистике: при создании корпусов, лексических баз, систем автоматического перевода, инструментов анализа коллокаций, а также в дальнейшем развитии гипотезы «ярких представителей» языка посредством создания языковых моделей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятия «эврисемия» и «широкое значение» характеризуются дискуссионностью и размытостью методологических подходов, что затрудняет их определение как научных терминов.
2. Семантическая организация глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках обусловлена не абстрактной «широтой значения» понятия эврисемии в виде инвариантного значения, а взаимодействием валентностных характеристик, лексической сочетаемости и типологических особенностей самого языка.
3. Русский язык как представитель тенденции синтетизма имеет более развитую парадигматическую ось, в то время как греческий как

представитель тенденции аналитизма – синтагматическую. Общеупотребительные многозначные динамичные глаголы ЛСГ 'перемещение объекта' во флективных греческом и русском языках рассматриваются как типологические маркеры синтетизма и аналитизма на основании анализа их семантических, валентностных и словообразовательных свойств.

4. На материале греческого и русского языков наблюдается тенденция к тому, что метафорический перенос от конкретного к абстрактному, а также грамматическая и сенсорная метафора могут рассматриваться как продуктивный механизм семантического развития глаголов ЛСГ 'перемещение объекта'.

5. Общеупотребительные многозначные динамичные глаголы, которые обозначают тактильное действие и характеризуются частотой употребления, более подвержены изменению структуры через метафоризацию, десемантизацию, расширение сочетаемости и фразеологизацию.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается представленным анализом обширной теоретической базы по теме исследования, отбором материала, проанализированного в практической части исследования, а также апробацией посредством обсуждения на конференциях различного уровня и публикаций в рецензируемых научных журналах.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены на научных конференциях: XI Международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (Москва, 17–18 апреля 2024, РУДН); Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие теории языка на рубеже веков: научные школы кафедры общего и русского языкознания» (Москва, 24–25 апреля 2024, РУДН); Международная конференция по эллинистике памяти И.И. Ковалевой (Москва, 15–17 апреля

2025, МГУ); XII (XXVI) Международная научно-практическая конференция молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 17–19 апреля 2025, ТГУ); II Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие теории языка на рубеже веков: научные школы кафедры общего и русского языкознания» (Москва, 24–25 апреля 2025, РУДН); VI Летняя школа перевода СПбГУ (СПб, 27–28 июня 2025, СПбГУ).

Соответствие паспорту научной специальности: научные положения настоящей диссертационной работы соответствуют паспорту научной специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно сопоставительная лингвистика»: Направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики; теоретические проблемы лексикологии и лексикографии; типологически ориентированное описание языков.

Структура работы обусловлена целью, задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы (228) и приложений.

Глава 1. Проблема описания эврисемии и полисемии сквозь призму лексического значения

1.1. Минималистский и максималистский взгляд на «значение» слова

На протяжении многих лет описание понятия значения является центральной темой дискуссии между учёными-философами, логиками и лингвистами. Термины «значение», «значение слова», «лексическое значение» в разных научных дисциплинах понимаются по-разному. В знаменитой книге американских философов С. К. Ogden и I. A. Richards «The meaning of meaning» (1923) выделены около 16 типов употребления слов ‘mean’ и ‘meaning’ «значение» [Ogden, Richards 1923]. Под значением понимается как сам *денотат*, противопоставленный смыслу, как *ситуация*, в которой говорящий произносит языковую форму, и как *реакция*, которую она вызывает у слушающего, как *отношение слова к обозначаемому им предмету*, т.е. отношение факта языка к внеязыковому факту (вещи, явлению, понятию), или *отношение между именем и его смыслом*, которое делает возможным вызвать одно другим, как *понятие*, как *отношение между знаком и деятельностью* (прагматизм), знаком и его употреблением (неопозитивизм), знаком и другими знаками (логический синтаксис), как *функция знака* (первичная и вторичная по Е. Куриловичу) и др. [Новиков 2001а: 442]. Не входя в подробное рассмотрение, мы сосредоточимся на языковом значении, а именно на лексическом.

В.В. Виноградов определяет лексическое значение как «предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [Виноградов 1977: 10]. И.М. Кобозева определяет его достаточно широко как «вся та информация, которая передается с помощью языкового знака», к этому относит категорию действительного мира, мыслительные категории, прагматические факторы и отношения между знаками,

включающиеся в понятие значения [Кобозева 2000: 43]. Д.Н. Шмелев пишет, что, будучи отображением в нашем сознании предмета или явления действительности, лексическое значение включает в себя понятие об этом предмете или явлении, находящееся в связи с другими понятиями [Шмелев 1973: 73]. А.А. Уфимцева пишет: «лексическое значение полнозначного слова представляет собой идеальную сущность, отображающую реальные вещи, явления и их связи в предметном мире, а также понятия и представления квалификативных (оценочных) этических и психических сфер носителей языка» [Уфимцева 2010: 135]. Согласно А.И. Смирницкому, если мы учтем два связанных аспекта рассмотрения лексического значения: 1) значение как специфическое языковое отражение внеязыковой действительности и 2) значение как смысловое содержание знака в составе лексической единицы, имеющей в языке соответствующие функции, то под лексическим значением следует понимать: «отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» [Смирницкий 1956: 108,152]. Примечательно, что, несмотря на многочисленные исследования лексического значения, до сегодняшнего дня ученые-лингвисты не приходят к единству в его определении, что, как следствие, приводит к разнообразному и многоаспектному рассмотрению «значения» слова.

При этом, в лингвистике выделяются в широком смысле два направления: минималисты и максималисты. Так, R. Posner пишет, что максималисты пытаются извлечь как можно больше из буквального значения словесных выражений и склонны предполагать богатство и неоднозначность значения слов. С другой стороны, минималисты придают большее значение прагматическим правилам переосмысления в противоположность буквальному значению и склонны принимать только минимальные значения и однозначные 'unambiguous' слова [Posner 1980]. R. Posner в работе L. Cohen [Cohen 1971] усматривает параллелизм между вышеназванными

противопоставлениями “semantists” и “conversionalists”, в котором разъясняет в широком смысле разницу между формалистами и функционалистами: между теми, кто ищет объяснение значения в значительной степени или исключительно в языковой системе, и теми, кто объясняет значение в значительной степени или исключительно условиями использования языка [цит. по Ruhl 1989: 11].

Данное противопоставление представляет собой не что иное, как противопоставление содержания и употребления, в котором минималисты ищут функционирование значения в своем применении, а максималисты – в системе языка. В истории лингвистики оно является дискуссионным аспектом, из которого вытекают различные вопросы, либо соотносимые, либо отдельно задаваемые у минималистов и максималистов, касающиеся: 1) *роли контекста* в актуализации значения, которая для первых считается основной, иногда абсолютизируемая, в то время как другие признают роль контекста, но не в степени изменения значения; 2) *соотношения семантики и прагматики*, в котором первые видят лингвистический континуум между ними, пока другие определяют четкие границы, в том числе между прагматическим и семантическим значением; что относится к *прагматике* и включает определение денотата, референта и смысла; существует ли *многозначность*, если все значения слова конкретизируются в речи; что такое *лексическое значение слова*; как должны отображаться значения в словаре.

В связи с этим выражались разные мнения о том, как и где нужно рассматривать «значение», предполагая тот или иной подход (реляционный, символический, концептуальный, дистрибутивный [Acquaviva et al. 2020]), ту или иную теорию (референциальную, менталистскую, бихевиористскую, верификационную, условно-истинностную теорию, значение как употребление [Лайонз 2003]), ту или иную сторону диалектического единства языка и речи [Кобозева 2000]. Дж. Лайонз отмечает: «ни один из подходов, как мне представляется, в отдельности не может служить основой для всесторонней теории лингвистической семантики» [Лайонз 2003: 55], что

свидетельствует о комплексности и многоаспектности понятия «значения». Н. Хомский ищет значение слова в синтаксических структурах на основе генеративной грамматики [Хомский 1972]; J. Searle считает, что «значение – это больше, чем вопрос намерения, это также вопрос условности» [Searle 1971: 46]; J.R. Firth в духе «британского контекстуализма» пишет: «вы узнаете значение слова по его окружению» [Firth 1957: 179]; J. Austin полагает, что только предложение имеет значение, а также, в итоге, считает, что «значение слова является сомнительной фразой...требуется перепроверка фраз», подобных тем двум, которые он обсуждает в своей работе: «быть частью значения» и «иметь одно и то же значение» [Austin 1961: 24–43]; Л. Витгенштейн придерживается мнения о значении как употреблении и отмечает: «не ищите смысла (значения), ищите способ употребления» (согласно Дж. Лайонзу данное высказывание не побуждает к изучению слова в его использовании) [цит. по Lyons 2016: 64]; Дж. Лайонз рассматривает значение слова достаточно широко, полагая, что предположение о связи значения и коммуникации «позволяет нам лучше, чем любые другие альтернативные предпосылки описать отношения между формой и значением» [Лайонз 2003: 58].

Таким образом, отсутствие единого общепринятого определения понятия «значение» слова является стимулом для его различного интерпретирования и исследования в разных направлениях, что непосредственно влияет на трактовку языковых явлений полисемии и моносемии. В русле рассмотренных взглядов возникают вопросы о том, как нужно описать значение слова, является ли оно многозначным или однозначным, как слово должно быть представлено в словаре.

1.1.1. Представление лексического значения в словаре

Н. Хомский в интервью «The Concept of Language» обсуждает вопрос о том, что значит «выучить слово» для взрослого и для ребёнка. Он приходит к выводу, что сначала нужно определить «толкование слова» и утверждает, что «то, что мы называем ‘определениями’, – это не определения, а просто подсказки... если вы возьмёте Оксфордский словарь, вы увидите, что там дается какое-то длинное описание, которое называют ‘толкованием’ слова (значением слова), что на самом деле это очень далеко от толкования слова»⁴.

J. Sledd отмечает, что читатели словарей не могут знать какими должны быть определения [Sledd 1972: 136]. Данное предположение напоминает высказывания Л. Витгенштейна, в которых он предполагает рассматривать слово во взаимодействии с другими словами в контексте: «То, что скрывают знаки, показывает их применение», «значение слова есть его употребление в языке» [Witgenstein 1953: 39, 43], что в свою очередь является противопоставлением минималистов и максималистов, придерживающихся контекстного и словарного значения. Л.И. Зильберман, комментируя словарное и контекстное значение многозначных слов и слов с широким значением, пишет, что недостатком переводных (да и толковых тоже) словарей является то, что они, как правило, не отражают смысловой структуры слова, не выделяют основных значений, не строят словарное гнездо так, чтобы все значения слов, группируясь вокруг его основного значения, составляли систему, единое целое: «поэтому словари часто плохо помогают догадываться о значении слов в контексте» [Зильберман 1965: 105]. Более того, продолжая эту мысль, он цитирует утверждения Л.В. Щербы: «обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться о их смысле в контексте» [цит. по Зильберман 1965: 104].

⁴ Chomsky, N. The Concept of Language [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=hdUblwHRkY&ab_channel=UWVvideo (дата обращения: 1.11.2025).

А. Вежбицкая предполагает, что для людей, изучающих язык и культуру, словарь играет важную роль, особенно для тех, для кого язык не является родным. По мнению автора, понимание «реального» значения слова предполагает выявление его инварианта, однако она отмечает, что лексикографам часто не хватает смелости и решимости найти этот инвариант, и, следовательно, они не выполняют свой долг по поиску лексикографической истины [Wierzbicka 1996: 251, 264–265]. В своей работе А. Вежбицкая рассматривает мнение Дж. Фодора (J. Fodor), который придерживается мнения о невозможности дать определение слову, большинство понятий являются «психологически простыми» и не поддаются определению [Wierzbicka 1996: 251].

Кроме того, выражается мнение, что нередко к слову приписываются «лишние значения», в результате чего словари содержат максимальное количество значений. Это можно заметить в словарях, где одно и то же слово может интерпретироваться по-разному: в одном словаре слово описывается большим количеством значений по сравнению с другими словарями. R. Moon пишет, что совокупность значений, которые приписываются одному слову в словаре, вероятно, свидетельствуют о типе словаря или стиле издательства: большие словари содержат как больше слов, так и больше значений. Лингвист отмечает, что лексикографы делятся на «сборщиков» ('lumpers') и «разделителей» ('splitters'): первые трактуют множество различных значений, разделенных только точкой с запятой, а вторые рассматривают их как различные значения. Чтобы поддерживать аргумент о делении лексикографов и лишних значений, R. Moon приводит пример слова *take*, которое имеет 341 значение в Оксфордском словаре английского языка⁵, в то время как в словаре С. Джонсона глагол имеет только 134 [Moon 1987: 177].

⁵ В далее в тексте диссертации – OED. Оксфордский словарь английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oed.com/?tl=true> (дата обращения: 1.11.2025).

В связи с этим мнением С. Ruhl пишет: «я считаю, что современные лингвистические теории слишком некритично принимают вывод словарей о том, что слова в целом имеют несколько значений» [Ruhl 1989: vii]. Об опасностях, «подстерегающих лексикографа», уже писал С.Д. Кацнельсон, приводя в качестве примера «расщепление единого недифференцированного значения на ряд "отдельных" значений» [Кацнельсон 2011: 42]. Лексикографы сталкиваются с рядом проблем, как отметил Д.Н. Шмелев, например с диффузностью значений, что иногда допускает добавление таких «лишних» значений [Шмелев 1973: 73].

Н. Véjoint придерживается мнения, что критерии, которые лексикографы используют для определения того, имеет ли слово несколько значений и как их классифицировать (см. например [Cowie 1982; Moon 1987: 176 и др.]), отличаются от тех, которые используются в теоретической лингвистике, и они не должны быть одинаковыми. Лексикографам следует учитывать и другие факторы, например, насколько будет полезна информация и как она будет представлена [Véjoint 1988: 22]. При защите данного аргумента И.А. Стернин отмечает, что значения и их компоненты выделяются лексикографами в первую очередь через логический анализ, чтобы понять и определить слово в пределах его семантической структуры. Лексикографы предполагают, что это слово существует в языке, понимается и используется носителями [Стернин 2011: 23]. Это не умаляет достижений лексикографов и не ставит под сомнение необходимость и ценность толковых словарей: «они соответствуют своему назначению – «натолкнуть» читателя на узнавание слова (как отмечал С.И. Ожегов: «никто не будет с толковым словарем в руках определять, какая птица пролетела»), но однозначно свидетельствует о несводимости реально существующего в сознании носителей языка значения слова к его дефиниции в толковом словаре» [Стернин 2011: 23].

Различные мнения о природе значения и о его представлении в словаре высказывались также в когнитивном аспекте благодаря тому, что слово хранится в более компактном виде в нашем сознании и не предлагает

обширный ряд значений, отказываясь от «списочного» подхода ('checklist'), связанного с категоризацией Аристотеля. Другое мнение у А.А. Зализняк, которая не считает совершенным представление слова в словаре, но не отказывается от него и утверждает: «словарное представление не должно стремиться отразить то, в каком виде информация хранится в сознании говорящего» [Зализняк 2013: 38].

М.А. Кронгауз отмечает: «представление значения слова в виде набора семантических компонентов достаточно традиционно» [Кронгауз 2005: 133]. Компонентный анализ, лежащий в основе гипотезы, что значение единицы языка состоит из семантических компонентов (сем), предполагает существование особого метаязыка. Метаязык может быть описан с помощью ограниченного и небольшого числа типичных семантических признаков [Лысякова 2020: 20]. Принципы компонентного анализа значения, который активно применяется в лексикографической практике, рассматривались на основе описания единиц более высокого уровня представителями Московской семантической школы по лингвистической модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». Деятельность МСШ, по мнению И.В. Кобозевой, «служит прекрасным образцом плодотворного союза лексической семантики с лексикографией» [Кобозева 2000: 73].

Подводя итоги, необходимо отметить, что вопрос об определении и представлении значения в словаре является многоаспектно дискуссионным и находится на стыке более общего и глобального противопоставления: образуют ли разные значения множество дискретных значений или непрерывный континуум. Данное противопоставление дискретного и градуального понимания значения вызывает интерес лингвистов на протяжении многих лет и приводит к дискуссии о природе полисемии и моносемии.

1.1.2. Моносемия vs «тонкая» и «богатая» полисемия

Одним из тезисов радикальных минималистов, которые в том числе выражают мнения об отрицании полисемии, является признание моносемии с одним «общим» значением. Такое мнение выражает J.C. Catford [Catford 1965, 1984], который сомневается в существовании полисемии и предлагает использовать такие термины, как «олигосемия», «эврисемия» и «стеносемия». Лингвист приводит пример глагола *get*, которому в словаре OED приписываются 74 значения и придерживается мнения Л. Витгенштейна о слове как словоупотреблении: «Что подразумевают, говоря, что слово *есть* в предложении «Роза есть красная» имеет иное значение, чем в предложении «Два, помноженное на два, есть четыре»? Если в ответ на это скажут: имеется в виду, что для этих двух слов значимы разные правила, то на это следует возразить, что мы имеем здесь дело лишь с одним словом [цит. по Catford 1984: 8; см. также Wittgenstein 1953: 558].

R. Moon использует термины ‘monosemy’ («моносемия») и ‘quasi-monosemy’ («квази-моносемия») [Moon 1987: 17]. Для первого предполагается, что слово имеет одно значение, один референт и одну грамматическую функцию. Для второго предполагается, что слово имеет одно значение или семантическое ядро, лежащее в основе разнообразного использования, и все же это трудно представить в одном значении с одним толкованием. С этим мнением соглашается С. Ruhl, который в начале своей книги «On Monosemy: A Study in Linguistic Semantics» пишет: «в этой книге я выступаю за моносемию (однозначность); я считаю, что слова вносят гораздо меньший вклад в значение, чем обычно предполагается; очевидное лексическое значение слова включает в себя в значительной степени вклад контекстуальных факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических» [Ruhl 1989: vii].

Лингвист считает, что у многих слов есть одно абстрактное значение, которое составляет семантику слова; что самые частотные слова в английском

языке имеют одно «общее» значение, хотя представлены в словаре как многозначные, например, глаголы *come, go, bring, take* или предлоги *of, to, from, on, in, at* [Ruhl 1989: i]. На основе данной теории G. Fewster выдвигает теорию моносемии в системно-функциональной лингвистической структуре и оспаривает принятые толкования слова *κτίσις* как природы в Послании к Римлянам 8 [Fewster 2013]; R.A. Wishart исследует моносемию и полисемию в библейских текстах с минималистской точки зрения [Wishart 2017].

Противоречие этой теории можно увидеть в развитии лексической семантики в когнитивном аспекте. R. Langacker то, что С. Ruhl определяет «моносемичным абстрактным значением», называет в своих работах «image schema» [Langacker 1987]. Основные различия между когнитивными лингвистами, такими как R. Langacker и С. Ruhl, заключаются в том, что они придерживались иного взгляда на соотношение семантики и прагматики и не пытаются выделить многозначность как отдельную область изучения, но, вместо этого, стремятся соединить понятия «абстрактное значение» и «многозначность». Данная точка зрения считается «инвариантным» взглядом на полисемию, который предполагает, что каждая языковая единица имеет одно значение, а наблюдаемая полисемия сводится к «*sui generis* оптической иллюзии, возникающей при взаимодействии «настоящего» значения и определённого контекста» [цит. по Зализняк 2006: 18]. В противоположении мнению о «моносемической» ипостаси слова С.Н. Kreidler отмечает, что «представление о том, что каждое слово имеет одно значение и каждое значение выражается только одним словом, совершенно неверно и является препятствием для выявления такой комплексности в содержательных выражениях и в выражаемых значениях» [Kreidler 1998: 58].

Более того, немногие лингвисты пытались оценить количественные показатели моносемии, например, сколько слов можно считать однозначными в английском и других языках. Когда предпринимаются попытки такого рода, результаты неожиданно расходятся, что, вероятно, связано с неопределенностью понятия «моносемия» [Béjoint 1988: 13]. D.A. Cruse

использует термин 'univocality' («однозначность») вместо 'monosemy' («моносемии»), поскольку считает, что «значение слова полностью отражается в его контекстуальных отношениях» [Cruse 1986: 16]. Тем не менее D.A. Cruse не является минималистом, не отрицает полисемию, но исследует значение слова сквозь призму сопоставления моносемии – полисемии и неоднозначности; считая, что «только недвусмысленное (однозначное) слово имеет одно толкование». При этом в своей книге 'Lexical Semantics' («Лексическая семантика») приводит ряд тестов (identity test, antagonistic, zeugma), в которых утверждает, что «действительно существуют разные категории слов с точки зрения "количества значений"» [Cruse 1986: 16]. В этой связи J. Zwicky & A. Sadock (1975) приводят тесты о неоднозначности, в которых отмечают определенные типы неоднозначности [цит. по Kennedy 2009: 11].

Сторонники данной точки зрения считают, что хотя неоднозначность обычно представляется наряду с полисемией, на самом деле сближается с моносемией, при этом Н. Véjoint подчеркивает: «поскольку существуют правила, которые учитывают семантические отношения между различными значениями многозначного слова, должны существовать правила, учитывающие отношения между различными интерпретациями однозначного слова, то есть семантические сдвиги, которые не влияют на моносемию слова» [Véjoint 1988: 13]. По мнению Н. Véjoint, исследование моносемии и полисемии, если рассматривать первую вне рамок определения «наличие у слова одного значения», может служить для уточнения различных языковых феноменов. Ж. Рей-Дебов утверждает: «исследование полисемии против моносемии является очень богатой и плодородной» для дальнейших лингвистических исследований [цит. по Véjoint 1988: 23].

С другой стороны, полисемия/многозначность исследовалась намного больше моносемии. Термин «полисемия» впервые употребляется в работе «Очерки по семантике» французским ученым М. Бреалем [Bréal 1897]. Под этим термином М. Бреаль понимал историческое развитие значения слова,

приводившее к возникновению новых значений. Полисемия – это наличие у единицы языка более одного значения, многозначность [Ожегов 2025, электронный ресурс⁶]. Все значения многозначного слова связаны между собой и имеют один общий признак, образуя семантическое единство. В семантической (смысловой) структуре слова выявляется мотивированность значений, что отличает понятия полисемии от омонимии. В русской традиции для обозначения данного феномена используются три термина: многозначность, полисемия и неоднозначность. А.А. Зализняк отмечает, что под многозначностью понимается наличие у некоторой единицы более одного значения; под полисемией понимается только лексическая многозначность, поэтому иногда рассматривается как синоним термина многозначность; под неоднозначностью понимается наличие у языкового выражения или речевого произведения (текста) одновременно нескольких различных смыслов, то есть это свойство языковых единиц, проявляющееся в некотором речевом высказывании [Зализняк 2013: 19].

Тем не менее, под термином «лексическая неоднозначность» нередко упоминается полисемия наряду с омонимией, когда один лексический элемент может интерпретироваться по-разному [Véjoint 1988]. Омонимия традиционно определяется как совпадение в звучании и написании слов, различных по значению [Лысякова 2020: 40]. Лингвисты обычно отмечают сходство в определении омонимии и многозначности/полисемии, однако противоречат друг другу в разграничении полисемии и омонимии. Феномен полисемии отрицали в пользу омонимии лингвисты А.А. Потемня и Л.В. Щерба и говорили, что «на деле есть только однозвучность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки» [Потемня 1958: 15–16].

Такие мнения о природе многозначности, которая тесно связана с интерпретированием понятия «значения» слова, высказывались лингвистами

⁶ Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 23.11.2025).

неоднократно. Исходя из этого положения, некоторые из них даже отрицали существование явления полисемии, поскольку только одно значение реализуется в речи, и выступали за моносемию. Это так называемый «парадокс» полисемии, т.е., то, что слово вне контекста не существует. Действительно, с одной стороны, слово едино и самостоятельно, а с другой, оно как бы распадается на ряд отдельных значений. В русле таких взглядов утверждается мнение ученых о моносемической ипостаси слова, однако само определение моносемии остается размытым и недостаточным: «Моносемия – однозначность, наличие у слова только одного значения» [Catford 1984: 14].

Несмотря на эти взгляды, полисемия получила признание и развитие. I.L. Falkum и A. Vicente делают очень резкое замечание о современном понимании полисемии, которую можно разделить на «тонкую» ('Thin Semantics') и «богатую» ('Rich Semantics'): первый подход к полисемии в «тонкой семантике» ('Thin Semantics') предполагает, что закрепленные значения за словом обеднены по отношению к их окказиональным значениям (т.е. значениям, которые они выражают в определенном случае высказывания, в определенном контексте, иногда подчиняющиеся прагматическим правилам) и обращается к содержательному ядру слова (т.е. «общему значению»), в то время как второй подход, «богатая семантика» ('Rich Semantics'), предполагает, что лексические значения наполнены концептуальной информацией, и, как правило, слушателям приходится выбирать только часть или аспект всего информационного содержания, предоставляемого лексическими значениями [Falkum, Vicente 2015].

Данное разделение фактически является сопоставлением диффузности и дискретности, в котором первые придерживаются подхода к «содержательному ядру», а вторые к части от целого концептуального содержания. Примечательно, что манипулирование «тонкой семантикой» в сторону «буквализма» ('literalism') может поддерживать тезис о моносемии, если она будет рассмотрена с минималистской точки зрения.

Ученые обоих направлений говорят о разных типах полисемии вне рамок своей топологии: радиальной, цепочной, радиальной-цепочной. Самая известная – это регулярная и нерегулярная полисемия. Ю.Д. Апресян отмечает: «Полисемия слова А со значениями a_i и a_j называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово В со значениями b_i и b_j , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как a_i и a_j , – и если $a_i - b_i$, $a_j - b_j$ попарно несинонимичны»; «Регулярность – отличительная черта метонимических переносов; «Кроме метонимических переносов регулярную полисемию закономерно порождает семантическая аналогия (ср. *взять книгу – схватить книгу, взять кого-л. на вокзале – схватить кого-л. на вокзале*), компрессия словосочетаний (*пишущая машинка → машинка, машинка для бритья → машинка*) и различные словообразовательные процессы» [Апресян 1995: 189–191].

На основе регулярной полисемии J. Pustejovsky выделяет ‘inherent polysemy’ или ‘logical polysemy’ («логическую полисемию») как особый тип регулярной полисемии в рамках теории ‘dot objects’ («точечных объектов») [Pustejovsky 1995]. Ещё один тип полисемии – это ‘constructional polysemy’ («конструктивная полисемия»), которая разрабатывается на основе конструктивной или когнитивной грамматики (‘Cognitive Grammar’) [Langacker 1987], в которой полисемия рассматривается в континууме грамматики, семантики и лексикона, а не отдельно.

Особый интерес лингвисты проявляют к нерегулярной полисемии: «нерегулярная полисемия более характерна для метафорических переносов. С другой стороны, регулярность обычно свойственна непосредственной полисемии; опосредствованная полисемия чаще бывает нерегулярной» [Апресян 1995: 189]. В то время как полисемия, основанная на метонимии, привлекла большое внимание специалистов по компьютерной и формальной семантике, полисемия, основанная на метафоре, была в центре внимания большого числа исследований в рамках традиции когнитивной лингвистики [Rosh 1977, 1978; Lakoff 1987; Langacker 1987; Brugman 2001]. Гипотеза,

которую поддерживают многие когнитивные лингвисты, заключается в том, что многозначность, основанная на метафорах, структурирована в смысловых цепях, которые проистекают из прототипического, обычно воплощенного значения слова и расширяются различными способами [Vicente 2018: 12]. В этом направлении развивается когнитивная лингвистика с предположением о недискретности значений слова, придерживаясь мнения, уже выраженного Л. Витгенштейном, о размытости своих границ, которое традиционно приводит нас к масштабному противопоставлению: дискретности и диффузности.

1.1.3. Дискретность vs диффузность значения слова

Дискретность традиционно противопоставляется континуальности, недискретности, диффузности или градуальности на разных уровнях языка, выступая как выражение прерывности в противовес непрерывности, что подчеркивает глобальный характер данной проблемы. Общенаучная концепция дискретности предполагает наличие четких границ и разделений между явлениями или категориями. В лингвистике, как и в других гуманитарных науках, долгое время существовало убеждение, что человеческое сознание по своей природе стремится к конструированию дискретных структур.

В рамках когнитивной лингвистики, однако, выражается мнение о континуальности языка, то есть о том, что языковые явления образуют непрерывный континуум, позволяющий плавно переходить от одного раздела языка к другому. Это связано с тем, что человеческое сознание не способно механистически представлять всё знание дискретно, стремясь к экономии усилий и компактному представлению информации. В русле таких взглядов в лингвистике получила развитие идея о диффузности значения слова, то есть о размытости границ между значениями, которые не всегда воспринимаются как четко отделенные друг от друга.

Еще в 1970-е годы Д.Н. Шмелев ввел принцип диффузности значений многозначного слова [Шмелев 1973: 94–95]. Согласно этому принципу, значение слова в определенных контекстах может одновременно соответствовать нескольким словарным значениям, то есть носить синкретичный характер. Как отмечает М.А. Кронгауз, в таких случаях можно говорить о совмещении нескольких значений многозначного слова [Кронгауз 2005]. Д.Н. Шмелев подчеркивал, что во многих случаях граница между значениями оказывается размытой, а смысл высказывания не покрывается полностью ни одним из значений в отдельности. Для подтверждения этого он приводил примеры употребления слова *новый* в вопросах «Это новая книга?» или «На заводе появился новый мастер?», где не возникает неоднозначности, но при этом трудно определить, в каком именно значении употреблено слово. Ученый пришел к выводу, что принцип диффузности является решающим фактором, определяющим семантику, а лексикографические описания, не отражающие этого, искажают представление о семантической структуре слов [Шмелев 1973: 95].

Ю.Д. Апресян также отмечал, что традиционная концепция многозначности основана на представлении о дискретной организации лексических значений, однако лексикографы часто преувеличивают четкость границ между значениями, тогда как в реальности существует размытая промежуточная область [Апресян 1995: 179–180]. И.А. Стернин, ссылаясь на Л.М. Васильева [Васильев 1981: 5], подчеркивал значение компонентного анализа для структуризации лексического значения, отмечая, что дискретность является обязательным свойством языкового значения, определяющим системный характер языка [Стернин 1985: 29–30].

В противовес этому А.А. Зализняк приходит к выводу, что полисемия в языке как системе устроена недискретно, хотя это не исключает её дискретное представление в словарях. По её мнению, при реализации в речи недискретность уменьшается, но не исчезает полностью и отказываться от словарного способа представления многозначности не следует [Зализняк 2006:

45]. Ученый также отмечает, что в языке присутствует как дискретное, так и градуальное [Зализняк 2013: 18]. Аналогичной позиции придерживается А.А. Кибрик, который считает, что дискретность описывает лишь часть языковых явлений, в то время как другая часть требует описания в терминах недискретности⁷.

Т.М. Шкапенко на основе экспериментальных исследований утверждает, что лексико-семантические варианты (ЛСВ) хранятся в ментальном лексиконе в диффузном виде [Шкапенко 2012: 43]. Она цитирует определение семантической диффузности, предложенное А. Kiklewicz: «недоопределенность содержания языковых знаков различного уровня, размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка и в языковой коммуникации». А. Kiklewicz указывает на необходимость разграничения семантической диффузности и полисемии, предполагая, что в некоторых случаях носители языка не ощущают дискретности отдельных ЛСВ, что свидетельствует о диффузном способе хранения многозначных слов в ментальном лексиконе [Kiklewicz 2007: 302].

Л.В. Власова рассматривает семантическую диффузность как область семантической неопределенности, пересекающуюся с такими явлениями, как полисемия, энантиосемия и оттеночность. Она отмечает, что развитие диффузности может проходить стадию семантической неопределенности, что вызывает сложности в её выявлении и различении с родственными явлениями. Словарное описание таких переходных явлений часто приводит к разногласиям среди составителей словарей [Власова 2014].

А.В. Жуков и К.А. Жуков отмечают, что широкозначность (эврисемия) и диффузность выступают своеобразными аналогами многозначности, относятся к области семантической неопределенности и находятся на границе

⁷ Кибрик, А. А. 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=XIIhev4xoGc> (дата обращения: 1.11.2025).

между оттенками значения, употреблениями и собственно многозначностью [Жуков, Жуков 2003].

П.С. Федюк, исследуя полисемию и эврисемию, предлагает условно разделить их на дискретные (состоящие из множества отдельных значений) и континуальные (привносящие в любой контекст единый смысл) соответственно [Федюк 2011: 67]. И.А. Семина воспринимает диффузность как одну из характеристик широкозначности, связывая её с неопределенностью и наличием у слова общих лексических значений [Семина 2019].

Таким образом, анализ позиций различных исследователей показывает, что диффузность интерпретируется широко: как размытость границ значения, совмещение значений, способ хранения ЛСВ в ментальном лексиконе. Во избежание недоразумений в данном исследовании **под диффузностью понимается размытость границ значения слова, которая не исключает его дискретное представление**. Следуя за А.А. Зализняк, мы признаем, что в языке присутствует как дискретное, так и градуальное, и считаем, что дискретность и диффузность не являются строгими противоположностями, а представляют собой две взаимодополняющие стороны языковой семантики.

1.2. Эврисемиа и полисемиа в российской лингвистике – проблематика интерпретации эврисемии

Проблема широкозначности впервые была затронута в работах В.Н. Ярцевой и получила дальнейшее развитие в работах относительно широкозначных слов английского языка. Термин «широкозначность» введен впервые Н.Н. Амосовой: «Широкозначность – это лингвистическое явление лексико-семантического уровня, которое характеризуется расширением семантического объема слова для обозначения различных денотатов» [Амосова 1963: 114]. Работы по эврисемии начали появляться недавно. Интерес лингвистов к проблеме эврисемии вызван в основном в связи с

исследованием глаголов английского языка. В российской лингвистике исследовалась связь эврисемии и полисемии. Термин «эврисемия» не встречается в зарубежной лингвистике, однако единственное упоминание, которое мы нашли, появляется в работе J.C. Catford, который отмечает: «моносемия – иметь одно значение, олигосемия – иметь несколько значений, полисемия – иметь много значений, эврисемия – иметь одно широкое значение, стеносемия – иметь одно узкое значение» [Catford 1984: 12]. В продолжение он заявляет, что ‘eurysemes’ «эврисеманты» – это слова с одним значением, которое покрывает большой диапазон» [Catford 1984: 12]. Данное явление получило многочисленные названия: «эврисемия» [Гросул 1977; Плоткин, Гросул 1982; Плоткин 1985, 1989; Никитин 2005; Федюк 2011], «платеосемия» [Авдеев 2002; Малютина 2008; Евтеева 2014], «слова широкой семантики» [Арнольд 1966; Барсук 1991], «слова с широкой понятийной основой» [Уфимцева 1968; Дианова 1979] и т.п., хотя самый распространенный, но не общепринятый – это «широкозначность». Эврисемия исследовалась в диахронии и в синхронии и была разработана в когнитивном аспекте.

Все ученые признают роль контекста в функционировании широкозначных единиц и чаще всего выражается мнение, что широкозначные единицы – это слова, которые вне контекста определяются достаточно легко, а также видят взаимосвязь широкой сочетаемости и широкого значения. Тем не менее о природе широкого значения и соотношении с полисемией мнения ученых значительно расходятся; первая природу широкого значения описала Н.Н. Амосова: «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Амосова 1963: 114].

Далее появились два разных направления исследования эврисемии: первое связывает эврисемию с одним «общим» значением, отличительным от полисемии, где «широкое значение по природе моносемическое», эврисемия

представляет собой отдельную категорию, объединяющую специфическую группу слов (Н.Н. Амосова, И.В. Арнольд, Л.Я. Гросул, Е.И. Малютина, Е.Д. Маринова, В.Я. Плоткин и др.). Второе направление считает эврисемию явлением, неразрывно связанным с полисемией, сосуществующим с ней в рамках одной языковой единицы (или как характеристика одного из ЛСВ слова) (А.М. Аралов, С.Н. Димова, Б.Д. Джоломанова, И.С. Лотова, В.М. Соколова, А.А. Уфимцева и др.) [Авдеев 2002: 10].

Анализ ряда работ показывает, что большинство ученых склонны к оценке «однозначной природы» данного явления, у которого есть одно «общее, единое, инвариантное, предельно обобщенное значение», которое конкретизируется в речевой ситуации или в контексте. С целью отграничить эврисемию от полисемии Н.Н. Амосова отмечает, что «при употреблении многозначного слова в речи все эти значения, кроме одного, исключаются и не действуют. Широкое значение в контексте только конкретизируется, но не изменяется, не исчезает и остаётся основой любого своего суженного варианта, или подзначения» [Амосова 1963: 114–115]. Поэтому ученые данного направления всегда затрагивают вопрос об «инварианте», который является «стержнем», «прототипом» значения, не изменяющемся в любом употреблении. Исходя из этого большинство ученых утверждают целостность широкого значения, которая отличает эврисемию от полисемии, которой характерна фрагментарность, в результате чего представители первого направления (Н.Н. Амосова, И.В. Арнольд, Л.Я. Гросул, Е.И. Малютина, Е.Д. Маринова, В.Я. Плоткин и др.) видят несоответствие эврисемии и полисемии, которые, по их словам, являются двумя «различными явлениями».

Специфика языковых единиц с широким значением проявляется в их чрезвычайно широкой и нечетко определенной сфере референции. Следовательно, их лексическое значение не имеет четких границ и характеризуется расплывчатостью, размытостью содержания [Панкина 2013]. В связи с этим О.Е. Феодосова определяет широкозначность как слова с сигнификативным обобщённым значением [Феодосова 2010]; Е.А.

Евдокимова, определяет широкозначность как обобщение или степень обобщенности той или иной лексической единицы [Евдокимова 2009]. А.А. Авдеев определяет широкозначность (платеосемию) как: «особая категория лексической семантики, существующая в языках как аналитического, так и синтетического строя и объединяющая слова (главным образом, имена существительные) с потенциально широкой референциальной отнесенностью и высокоабстрактным лексическим значением» [Авдеев 2002]. М.Ю. Евтеева формулирует следующее определение: «широкозначность основана на существовании «общего» инвариантного значения, которое может быть представлено несколькими прототипическими значениями, участвующими в реализации различных метонимических и метафорических переносов на основании регулярной когнитивной модели, не всегда приводя к образованию нового значения» [Евтеева 2014: 243]. Е.Д. Маринова определяет широкое значение как: «прямое значение, содержащее максимальную степень абстракции, отвлечения, выражающее единое обобщенное понятие, которое получает внешнюю конкретизацию через контекст или речевую ситуацию» [Маринова 1995: 9]; А.М. Дудина даёт следующее компактное определение широкозначных лексических единиц: это «такие лексические единицы, значения которых характеризуются широкой денотативной отнесенностью и контекстуальной обусловленностью» [Дудина 2019: 20].

По мнению И.К. Архипова, специфика узкого круга широкозначных глаголов объясняется тем, что широкозначные глаголы имеют одно лексическое значение, одно общее содержание, и смысл всего высказывания складывается из суммарных значений его компонентов: значение одной единицы высказывания следует за другим, образуя некие «суммы» [цит. по Малютина 2008: 73]. В.И. Кудинова отмечает, что широкозначные слова являются частотными при употреблении из-за «низкой семантической избирательности и широкой сферы соотнесенности» [Кудинова 1994: 15]. Лингвист понимает под широкозначностью высокую степень абстрагирования семантики слова, сопровождающуюся существенным расширением его

комбинаторного охвата, придавая значение сочетаемости в ЛСВ слова [Кудинова 1994: 6]. В.К. Колобаев пишет: «слова широкой семантики, взятые вне текста, могут обозначать безграничное множество предметов и явлений окружающего мира. Однако в изолированном виде слова практически не встречаются. Контекст снимает любую возможность неправильного денотативного соотнесения слова, ведёт к его конкретизации» [Колобаев 1983б: 10–11; см. также Малютина 2008].

Более того, в работе В.К. Колобаева впервые дается описание особенностей слов широкой семантики: 1) полиденотативность, что означает, что широкозначные слова могут обозначать разнородные явления и предметы; 2) синкретизм, при котором несколько оттенков и подзначений слова наслаиваются друг на друга; 3) синсемантизм, т.е. отсутствие определенного денотата; 4) десемантизация, частичная или полная утрата значения, приводящая к грамматикализации; 5) полифункциональность, т.е. возможность слова выступать как в лексической, так и грамматической функции; 6) необходимость широкого контекста для конкретизации значений этих слов [Колобаев 1983б: 4–5]. Большинство ученых признают данные особенности, однако не все признают десемантизацию как признак эврисемии.

В.Я. Плоткин считает, что широкозначность не характеризует широкий понятийный охват, поэтому и не сводится к максимальному абстрагированию, существенному для каждого языка. Он приводит в качестве примеров слова *делать, совершать, существовать, предмет, явление, вещь*, абстрактность семантики которых, по его мнению, не делает их широкозначными [Плоткин 1989; см. таже Малютина 2008]. С другой стороны, А.М. Плотникова отмечает, что «широкозначные слова имеют значение, характерное для широкой денотативной отнесенности и контекстуальной обусловленности (например, английские глаголы *to give, to get, to take, to put* и др.)». В дополнение к этому она разделяет понятия «широко развитая многозначность» и «широкозначность», как уже делали её предшественники, заявляя, что данные понятия не являются синонимичными, поскольку в первом подчеркивается

количественный аспект явления (наличие множества значений), а во втором – семантический (обобщенный характер семантики, широкая референция, зависимость значения от контекста, эксплицитно не выраженные связи между значениями). А.М. Плотникова относит к широкозначным глаголам, имеющим более 7 значений: *бежать* (10); *бить* (11); *брать* (11); *бросить* (10); *быть* (12); *вести* (10); *делать* (8); *держать* (12); *держаться* (10); *идти* (30); *крутить* (9); *лежать* (9); *лезть* (11); *оставить* (12); *падать* (11); *поднять* (16); *подняться* (16); *покрыть* (11); *положить* (9); *принять* (19); *пройти* (16); *пропустить* (13); *пустить* (10); *свести* (16); *сесть* (13); *сидеть* (8); *снять* (13); *стоять* (23); *тянуть* (25); *тянуться* (19); *ударить* (20); *ходить* (17) [Плотникова 2009: 25].

Судя по всему, большинство лингвистов сосредоточиваются на исследовании эврисемии абстрактных существительных: *вещь*, *слово*, *thing*, *matter*, *way* и т.п. и на глаголах *иметь*, *быть*, *делать* и т.п. в разных языках⁸. М.Ю. Евтеева исследует глаголы с «общим» значением ‘делать’ и приходит к выводу, что они являются широкозначными, состоящими из прототипов [Евтеева 2014]. Е.И. Малютина рассматривает глаголы *do*, *have*, *be* на основе прототипической теории и определяет их как широкозначные, однозначные по природе, составляемые одним «общим» значением (лексическим прототипом-инвариантом) [Малютина 2008]. Е.Д. Маринова исследует в диахронии глаголы *get* и *keep*, В.А. Загородняя относит к широкозначным глаголам, такие как *build*, *concern*, *create*, *define*, *deliver*, *develop*, *employ*, *include*, *involve*, *perform*, *provide*, *supply* [Загородняя 2003]; П.С. Федюк относит глаголы размещения предметов, таких как (фр.) *mettre*, (англ.) *to put*, *to set* [Федюк 2011]; Е.Л. Соболева исследует глаголы *turn* и *grow* и относит к широкозначным такие глаголы, как *give*, *take*, *make*, *get*, *keep*, *come*, *go* [Соболева 2001]; И.В. Арнольд исследует такие существительные как *thing*, *matter*, *people* [Арнольд 1959, 1966]; А.А. Уфимцева исследует такие слова,

⁸ Исследования по эврисемии на материале греческих слов не проводили.

как *thing, body, ground, person, fact* [Уфимцева 2002]; С.Н. Димова исследует существительное *way* [Димова 1972]. Таким образом, широкозначность относится преимущественно к частотным прилагательным, существительным, и к интересующим нас глаголам. Чаще всего, в группу широкозначных глаголов включаются многие английские глаголы (*be, come, do, get, give, have, keep, make, take* и др.).

Относительно «общего», инвариантного значения выражались различные мнения о его разложимости. В.К. Колобаев утверждает, что невозможно разложить широкозначное слово на дифференциальные признаки, и не разъясняет, сколько понятий входит в каждое слово, «ведь всем предшественникам удавалось это сделать» [Малютина 2008: 36]. Е.П. Беляева согласна с этим мнением и пишет, что широкозначные слова «имеют обширную понятийную основу, поэтому не представляется возможным привести все значения таких лексем к какому-то единому содержательному ядру» [Беляева 2001: 88]. Как отмечает Е.И. Малютина, это объясняется тем, что «чрезвычайная абстрактность и обобщённость инварианта не позволяет чётко выразить его словами» [Малютина 2008: 43]. Тем не менее, когда предпринимаются попытки определить его, оно выявляется через составление прототипов, либо через определение самого инвариантного значения.

Представители данного направления сходятся в критериях разграничения полисемии и эврисемии. В.К. Колобаев заключает главное отличие эврисемии от полисемии в том, что «многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий; слово с широким значением всегда обозначает только одно понятие, которое является настолько широким, что охватывает ряд понятий» [Колобаев 1983а: 11; см. также Малютина 2008; Евтеева 2014]. В.Я. Плоткин считает, что различие между широкозначным и многозначным словом заключается в том, что широкозначные слова обладают инвариантным значением и не расщепляются на отдельные фрагменты [Плоткин 1989; см. также Малютина 2008; Панкина 2013]. Широкозначность существенно отличается от многозначности тем, что полисемия складывается

путём метафорических или метонимических переносов, и семантическая структура многозначного слова состоит из отдельных, часто не связанных друг с другом значений; ей не свойственна внутренняя целостность [Малютина 2008: 38]. В конкретных употреблениях широкозначного слова устраняются все его значения, кроме одного актуализированного; а широкозначность в речевых употреблениях конкретизируется, но не теряет своей инвариантной природы. В отличие от полисемии, контекстуальная модификация которой во многом зависит от тематики текста и лексического окружения, синтаксическая позиция играет важнейшую роль и влияет на контекстуальную конкретизацию широкого значения [Малютина 2008].

И.А. Семина в своей монографии относит эврисемию к явлению универсальности и аналитизма, утверждая, что в языках данного типа эврисемия имеет особое значение. С этим мнением соглашается и Е.Л. Соболева, которая выявляет, что одним из наиболее значительных проявлений аналитизма является широкое использование аналитического словообразования, которое помогает восполнить снижение образования сложных слов, особенно в глагольной лексике. Кроме того, происходит формирование четкой подсистемы слов с широким значением [Соболева 2001]. М.А. Боровик в своем исследовании изучает глаголы широкой семантики *do* и *take* в диахронии и полагает, что многозначный глагол превращается в глагол широкой семантики, когда в смысловой структуре слова лежит обобщенное значение, которое как раз уточняется и конкретизируется в контексте [Боровик 1958]. А.А. Авдеев, опираясь на идеи В.Г. Гака, полагает, что «широкозначность связывается с опущением, устранением дифференциальных видовых сем, нередко необязательных для передачи информации или ясных из контекста. Остающаяся после упразднения дифференциальных сем, архисема позволяет слову соотноситься с широким и разнообразным кругом референтов, что является одним из основных параметров широкозначности» [Авдеев 2002: 16].

Е.Д. Маринова в своем диссертационном исследовании представляет следующие критерии разграничения многозначности и широкозначности: 1) многозначные слова развиваются по пути от конкретного к общему, в то время как слова широкой семантики развиваются от общего к конкретному; 2) широкозначное слово обозначает одно понятие, но широкое, вбирающее в себя целый ряд понятий, в других языках обозначаемых разными словами, тогда как многозначное слово обозначает два или несколько понятий; 3) семантическая структура широкозначного слова характеризуется целостностью, в то время как семантическая структура многозначного слова характеризуется фрагментарностью; 4) источником многозначности принято считать метафорические и метонимические деривации от первичного значения, в то время как широкозначности присущ прямой способ номинации; 5) ЛСВ многозначного слова является самостоятельной, реально существующей языковой единицей, имеющей определенное и самостоятельное сигнификативное и денотативное значения; структура многозначного слова иерархична; 6) ЛСВ многозначного слова не сводимы к одному, общему для них значению. Значение широкозначного слова всегда инвариантно. Являясь пределом отвлечения, абстракции в языке, в речевой ситуации или в контексте оно конкретизируется. Этот конкретизированный (суженный по объему значения) вариант относится к инварианту как часть к целому; 7) принято считать, что значение широкозначного слова и значение многозначного слова характеризуются вариативностью, не являющейся однородной по природе [Маринова 1995: 48–49].

М.Ю. Евтеева в своей диссертации схематично представляет критерии различения широкозначных и многозначных единиц в рамках традиционного и когнитивного подхода. Согласно традиционному подходу, лингвист отмечает такие характеристики эврисемии как: инвариантное значение, целостная, прямая номинация при увеличивающемся абстрагировании, грамматикализация, гиперо-гипонимические отношения, высокий сочетаемостный потенциал и частотность. С другой стороны, полисемия

является фрагментарной, имеет несколько значений и её семантическое развитие предполагает непрямую (вторую) номинацию при метафорическом и метонимическом переносе [Евтеева 2014: 235].

Согласно когнитивному подходу, исследователь изучает глаголы с общим значением 'делать' и утверждает различную природу эврисемии и полисемии, где первая состоит из прототипов, в которых распределяются признаки данных глаголов, и вторая состоит из ЛСВ [Евтеева 2014: 241]. Инвариант первой является само широкое значение (само слово), пока инвариант многозначного слова – это «научная дескрипция» вербального явления, которая вряд ли относится к «языковой способности обычного носителя языка» [цит. по Евтеева 2014: 236]. Согласно её трактовке, в эврисемии выявляются деривационные отношения в рамках отдельного значения, референциальная и заместительная функции и полифункциональность, которые отсутствуют в полисемии [Евтеева 2014: 241].

Представители второго направления (А.М. Аралов, С.Н. Димова, Б.Д. Джоломанова, И.С. Лотова, В.М. Соколова, А.А. Уфимцева и др.), как мы упомянули, видят «корреляцию» эврисемии и полисемии. М.В. Никитин трактует широкозначность как «более широкое качество между десигнатором (формой слова) и десигнатом (значением слова), обеспечивающее нестесненную широту семантического варьирования», эврисемия как «полисемия на пределе». Он рассматривает широкозначность как некую многозначность, характерную для слов с ненормативно большим числом значений (в отличие от полисемии, когда число значений не чрезмерно большое) [Никитин 2005: 102; см. также Малютина 2008: 41]. М.В. Никитин утверждает, что «широкозначные слова не привносят свое значение в суммарное значение словосочетания (в контекст), а сами «питаются» из него [Никитин 2005: 102]. Кроме того, иногда выражается мнение, что сигнификативное значение преобладает над денотативным [Колобаев 1983а; Уфимцева 2010]. А.А. Уфимцева полагает, что высокая степень сочетаемости

предсказывает «бедноту» семантического содержания слова, которое можно рассматривать как весьма абстрактное понятие [Уфимцева 1968: 106]. Данное предположение перекликается с позицией Г.В. Колшанского: «чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста» [Колшанский 1980: 130].

А.Л. Ленца отмечает, что в значении широкозначных глаголов функциональный фактор преобладает над предметно-логическим. Из чего следует, что употребление данных глаголов целесообразно связывать с семантической вариативностью, со смысловыми вариантами широкого значения [Ленца 1987: 24]. С. Лотова интерпретирует широкозначное слово как «пустой», «чисто структурный» компонент, выявляемый в синтаксической структуре [Лотова 1973]. По мнению О.Н. Судаковой, своеобразная семантическая природа широкозначных существительных играет значительную роль в структуре предложения, которая коррелирует с ролью местоимения. В своем диссертационном исследовании она определила, что функция замещения является важнейшей функцией существительных широкого значения, а наибольшим потенциалом замещения обладает слово *thing* [Судакова 1990: 13]. Н.Н. Николаевская отмечает: «при реализации широких вариантов значения существительного *thing* предмет референции этого существительного может раскрываться путем установления семантических связей с другими лексическими единицами, имеющими более конкретные лексические значения» [цит. по Семина 2019: 34].

С.Н. Димова и Б.Д. Джоломанова отмечают, что слова широкой семантики представляют собой многозначные слова, складывающиеся из связанных между собой ЛСВ, определение каждого из которых базируется на выявлении общих и различительных признаков [Димова 1972; Джоломанова 1978]. С.Н. Димова, анализируя многозначное слово *way*, выделяет в его составе восемь ЛСВ, два из которых автор признает широкозначными. В дополнение она выделяет два типа широкого значения: обобщённо-родовое и обобщённо-категориальное [Димова 1972: 7–10]. Б.Д. Джоломанова

рассматривает многозначное существительное, охватывающее определенное количество лексико-семантических вариантов, причем каждый вариант обладает широким диапазоном ЛСВ-значений [Джоломанова 1978: 7; см. также Малютина 2008].

В таком ключе интересным представляется мнение А.М. Аралова, который в рамках трансформационной теории (речь идет о синтаксических трансформациях) выделяет «поверхностные» семы, опирается на дистрибуцию слова и проводит семный анализ, чтобы показать взаимосвязь лексико-семантических и функционально-грамматических характеристик слова. Он считает, что широкозначность характеризует каждый отдельный ЛСВ, будучи его внутренней характеристикой, с чем соглашается в своей диссертации Н.В. Иевлева, отмечая, что широкозначность является необходимым условием для возникновения полисемии [Иевлева 2010: 7]. При этом в рамках количественной и качественной стороны структуры слова А.М. Аралов упоминает и узкозначность, которая сопоставляется с широкозначностью: с одной стороны, широкозначность и узкозначность; с другой стороны, многозначность и однозначность [Аралов 1979: 4, 6]. Под узким значением он понимает «значение, отражающее конкретное действие и зафиксированное в определенной лексической сочетаемости данного глагола. Естественно, в речи конкретизируются как широкое, так и узкое значения глаголов» [Аралов 1979: 7]. В связи с этим Л.П. Кудреватых относит узкозначность и широкозначность к моносемии, что объясняется как невычленимость отдельных сем в силу «низкой степени дифференциации содержания» [Кудреватых 1997: 35; см. также Евтеева 2014]. Д.И. Квеселевич полагает, что платеесемия (широкозначность) представляет собой разновидность моносемии с широким объемом денотата, где оттенки значения группируются вокруг одного и того же семантического стержня [Квеселевич 1973: 68; см. также Панкина 2013].

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на накопленный опыт ученых в сфере изучения эврисемии, вопросы о природе, о способе

представления семантической структуры широкозначных слов или в общем о существовании эврисемии, до сегодняшнего дня не получили однозначного ответа. Актуальным остается вопрос определения методики описания широкозначных слов и инвариантного значения, а также соотношения и разграничения полисемии и эврисемии, которые сопоставляются согласно первому или перекрещиваются согласно второму направлению.

1.3. «Общее», обобщенное vs широкое значение: обозначение понятий

Понятие о семантическом центре лексемы впервые появляется в работах В.В. Виноградова для описания значения многозначного слова [Виноградов 1977: 34]. Предположение о том, что не все компоненты обладают одинаковым статусом, упоминалось в работах многих исследователей языкового значения [Гак 1976; Гак 1977; Апресян 1995; Вежбицкая 1996; Никитин 1996]. Некоторые признаки являются более существенными, устойчивыми и образуют центр (ядро) значения, в то время как другие выходят на периферию и подвергаются изменениям. С.А. Песина утверждает, что содержательное ядро значения должно обладать определенными характерными признаками, что предполагает наличие единой семантической «нити», связывающей значения многозначного слова, которые при всех контекстуальных вариациях они остаются вариантами слова. «При этом общее значение, несомненно, относится к сфере языка, в то время как частные значения – к сфере речи» [Песина 2005: 17].

Однако проблема состоит в том, что трактовка сущности «семантического центра» воспринимается и интерпретируется лингвистами по-разному: Р.О. Якобсон определяет «общее» значение в основе первого (главного значения), которое остаётся неизменной основой всех ЛСВ, покрывая все смыслы слова. Оно относится к системе языка, тогда как частные (вторичные значения) – к сфере речи [цит. по Кацнельсон 1965: 50–51]. Е. Курилович считает главным исходное значение и предполагает, что

инвариантное значение – это «абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее» [Курилович 1962: 246; см. также Новиков 2001а: 538], вслед за ним Л.А. Новиков считает, что «общее значение – это теоретическое построение, имеющее ценность как некоторый инвариант смысла, определяющий основу и границы смысловой структуры, ее суть [Новиков 2001а: 538]. А.А. Уфимцева, не признавая наличия инвариантного значения, приравнивала его к прямому номинативному [Уфимцева 2002: 85]. М.А. Кронгауз находит инвариантное значение в зависимости от топологических видов многозначности: радиальная, цепочная, радиально-цепочная [Кронгауз 2005: 128]; Н.В. Перцов, исследуя сопоставления вариативности-инвариантности, определяет семантический инвариант как «некоторое свойство языковой единицы, объясняющее ее внешне разнородные частные значения или тем иным образом «скрепляющее» эти частные значения – в соответствии с интуицией носителей и исследователей языка» [Перцов 2001: 47].

В центре внимания всех авторов, занимающихся эврисемией, лежит понятие «общее, инвариантное значение», которое присутствует во всех контекстах, конкретизируется, но не расщепляется на отдельные фрагменты и остается целостным. Применительно к этому Е.И. Малютина отмечает: «Недостаток всех существующих теорий заключается в следующем: несмотря на твёрдое убеждение, что в основе каждого широкозначного слова лежит инвариантное значение, никто не формулирует это значение» [Малютина 2008: 43]. Ученые-лингвисты первого направления (Н.Н. Амосова, И.В. Арнольд, Л.Я. Гросул, Е.И. Малютина, Е.Д. Маринова, В.Я. Плоткин и др.), не соглашаясь с мнением об исследовании отдельного значения, рассматривают слово в обобщенном виде, чтобы оно могло считаться широкозначным. На этом основании исследуют в слове «общее значение», которое является обобщением, абстракцией всех значений слова. С одной стороны, данный аргумент является правильным, ведь как можно назвать единицу широкозначной, если не все её значения проявляют широту? Если опираться

на анализ отдельного значения, тогда нужно отнести все многозначные слова к широкозначным, поскольку все слова могут иметь как широкие, так и узкие значения. Этому мнению придерживается Е.И. Малютина, комментируя классификацию С.Н. Димовой, которая на примере слова *way* выявляет на английском языке обобщённо-категориальное и категориально-широкое значение [Димова 1972; Малютина 2008: 33].

С другой стороны, исследование «общего» значения является проблематичным по многим причинам – одна из них – это убеждение, что «общее» значение является отличительной чертой эврисемии, что, в свою очередь, представляет собой стимул для противопоставления эврисемии и полисемии. **Во-первых**, аргумент о том, что инвариант сохраняет свою целостность и не может конкретизироваться в речи, на наш взгляд, является неверным, так как инвариант в речевых контекстах всегда «расщепляется» на актуальные значения [Малютина 2008; Евтеева 2014]. При этом большинство ученых сходятся во мнении, что широкое значение, соотносимое с понятием широкого объема, обнаруживает высокую степень обобщения в языке, но получает известное сужение, конкретизацию в речи [Амосова 1963]. Как отмечает И.А. Семина, данная трактовка «не обеспечивает как теоретического, так и практического отграничения широкозначности от смежных с ней языковых явлений, а именно – абстрактности, конкретности, многозначности, поскольку «каждое слово уже обобщает» [Семина 2019: 20].

Более того, данная трактовка является актуальной также для полисемии, поскольку ЛСВ многозначного слова реализуется именно в контексте, в котором получает известную конкретизацию, что является убедительным доказательством не «эксклюзивности» «общего» значения в эврисемии. В связи с этим, нам кажется неправомерным соглашаться с мнением Е.Д. Мариновой, что значения многозначного слова «не сводимы к одному общему значению» [Маринова 1995: 49]. Данное предположение подтверждается тем, что «общее» значение является одним из представлений полисемии, как отмечает А.А. Зализняк: «представлено как инвариант и в той или иной

степени выводимые из него варианты (= частные значения), реализующиеся в разных контекстных условиях» [Зализняк 2013: 30]. Таким образом, «общее» значение в той или иной трактовке не должно считаться прямым показателем моносемической ипостаси слова или характеристикой эврисемии, так как нередко может привести «к *sui generis* оптической иллюзии» полисемии, что, следовательно, приводит нас к пониманию того, что «общее» значение является недостаточным доказательством эврисемии.

Во-вторых, между обобщенным значением как результатом абстрагирования и «общим» как абстракцией или стержнем значений слова, отмечается терминологический синкретизм. Несмотря на то, что абстракция слова (общее значение) и абстракция как результат абстрагирования (обобщенное значение) представляются смешанными, они не являются синонимичными: первое приводит нас к рассмотрению семантического «стержня», т.е. к абстракции от значений слова, в то время как второе указывает на характеристику понятийной основы сквозь высокое абстрагирование. Выделение «общего» значения служит стимулом доказательства того, что эти слова имеют одно «общее» значение с широкой референцией, будучи абстракцией, обобщением, выражающим одно понятие с бедным содержанием и широким объемом. На основе этого для доказательства своей позиции ученые искали «общее» значение, которое является обобщенным, имея максимальную степень абстракции, что, в свою очередь, и является широким значением.

Однако структурируя «общее» значение, мы не можем свести результат к обобщенной понятийной основе слова или к объему значения слова, а лишь к обобщенному представлению слова. При этом возникает вопрос, как «общее» значение может стать доказательством эврисемии, если не показывает широту значения, а свидетельствует о содержательном ядре слова? Оперируя тем или иным определением «общего» значения и семантической «нити», можно показать, как обеспечивается единство слова, дать какую-то общую формулу определения слова и/или показать стержень слова, но, на наш

взгляд, остается непонятным, как оно показывает широту и обобщенность значения, ведь оно лишь определяет «основу и границы смысловой структуры, ее суть» [Новиков 2001а: 538].

Вышесказанное приводит нас к **третьему** – обозначению понятия «обобщенное значение». Если мы игнорируем терминологическое смешение «общего» и обобщенного, мы можем отметить, что в русле исследований эврисемии обобщенное и широкое являются равными, неотделимыми друг от друга — аргумент, который неоднократно поддерживался лингвистами в большинстве научных трудов [Амосова 1963; Колобаев 1983а; Маринова 1995 и др.] на основе «растущего абстрагирования» и сопоставления содержания и объема понятия, согласно закону обратного отношения: чем шире объем понятия, тем беднее его содержание, и наоборот. Тем не менее, никто не объясняет, что такое обобщенное значение или что подразумевается под этим, является ли оно абстрактным или общим. При этом все высказывают твердое убеждение в отождествлении широкого и обобщенного, отраженное в определениях широкого значения: «широкое значение как прямое значение, содержащее максимальную степень абстракции, отвлечения, выражающее единое обобщённое понятие, которое получает внешнюю конкретизацию через контекст или речевую ситуацию» (здесь и далее выделено нами – Н.К.) [Маринова 1995: 67]; «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [Амосова 1963: 114]; «значение, которое содержит максимальную степень абстракции, выражает обобщённое понятие и при употреблении данного слова в речи конкретизируется в лексических вариантах» [Соколова 1967: 25].

Одна из проблем обобщения – это его соотношение с абстрагированием. Ученые не приходят к единству в оценке соотношения обобщенности и абстрагирования: одни считают, что они отождествляются [Павилёнис 1983; Резникова 2000], другие придерживаются мнения, что обобщенность является

наивысшей степенью абстрактности [БТСРС 2005: 568]. И.А. Семина, чтобы ответить на вопрос «всегда ли абстракция предполагает обобщение», опирается на выделение В.Г. Гаком и М.В. Никитиным двух видов абстракции: 1) абстракция отвлечения, которая характеризует собственно абстрактные слова *strength, beauty, death, grace, health, youth* и т.д., передающие понятие о свойстве, признаке, состоянии того или иного предмета, явления (или их совокупности) объективной действительности; 2) абстракция обобщения, которая характеризует слова *affair, business, cause, matter, object, problem, question, subject* и т.д., передающие понятие о классе явлений, предметов, объектов действительности» [Семина 2019: 19]. Резюмируя, И.А. Семина приходит к выводу, что широкозначные слова являются абстракцией обобщения.

В результате рассмотрения трудов российских лингвистов о языковом явлении эврисемии, мы отмечаем, что большинство исследователей не уточняют, что представляет собой такое обобщенное значение, хотя, видимо, все склонны отождествлять обобщение с абстрагированием в рамках абстракции обобщения, поскольку, согласно их определениям, это и есть широкое значение. Парадокс в том, что несмотря на убеждения о максимальной степени абстракции, ученые пытаются измерить его на основе инвариантного, «общего» значения.

Данное обобщенное значение в рамках абстракции обобщения служило стимулом для выделения характеристики полиденотативности или синсематии (синсематизм), т.е. отсутствие определённого денотата у слова широкой семантики, взятого отдельно, вне контекста, что лежало в основе исследования широкозначных слов [Колобаев 1983б: 5]. Тем не менее, отсутствие определенного денотата фактически является доказательством широкой денотативной соотнесенности слова, которая, согласно закону обратного отношения, указывает на простоту содержания.

Данное предположение подтверждается тем, что многие ученые говорят о «бедноте» в содержании этих слов: И.А. Семина отмечает, что

широкозначные слова представляют собой «узкие по содержанию», «бедные по своему смысловому содержанию» [Семина 2019: 172]; Е.И. Малютин пишет, что широкозначные слова имеют «максимально обобщенное содержание слова» [Малютин 2008: 175]; согласно В.К. Колобаеву, конкретизация слов широкой семантики требуется наличие одного слова, а иногда даже и целой фразы, а также знания содержания контекста [Колобаев 1983б: 5], что позволяет нам понять предположение ученых о том, что слово вне контекста легко определяется [Боровик 1958; Колобаев 1983б; Малютин 2008], ведь оно представлено в своем «обобщенном» значении. Вероятно, это причина того, что ученые искали «общее» значение, которое может раскрывать обобщенность слова, представленную в абстракции.

Принимая во внимание вышесказанное о бедноте содержания, обобщенном как абстракция обобщения, и синсематизме, мы можем предположить, что абстрагирование (как абстракция обобщения) – мыслительный результат или процесс – отражается в «бедноте» содержания слова и в его широком объеме, поскольку, если словом передается понятие о классе явлений, предметов, объектов действительности в той степени, что денотат не может быть выявлен (синсематизм), то его содержание должно быть максимально «простым» согласно закону обратного отношения между объемом и содержанием. Это приводит нас к выводу о трактуемом обобщенном как **о сочетании обобщенной понятийной основы и широкой денотативной соотнесенности.**

Итак, под обобщенной понятийной основой нами понимается различная степень «пустоты» содержания слова, противопоставленной широкому объему – как сигнификат и денотат в терминологии логики. Реже по отношению к терминам «обобщенная понятийная основа» и «сигнификат» употребляется термин «широкая понятийная основа»; как отмечает О.И. Судакова, термины «широкая понятийная основа» и «широкая денотативная соотнесённость» характеризуют сигнификат и денотат [Судакова 1990].

Данное предположение подтверждается также многими исследованиями в диахронии: И.В. Шапошникова считает, что значительно больший объем значения возникает в результате исторического развития глагола, что приводит к расширению диапазона референтов, которые могут сочетаться с глаголом, сохраняя при этом свое первоначальное значение, отмечая расширенный объём семантико-синтаксических валентностей глаголов широкой семантики [Шапошникова 1999]. Основываясь на этом аргументе, Е.И. Малютина считает, что развитие широкозначности происходит только в направлении расширения значения, в результате чего широкозначные слова получают широкую сочетаемость [Малютина 2008: 25].

В.Я. Плоткин и Л.Я. Гросул отмечают: «широкозначность развивается путем растущего абстрагирования, отвлечения от конкретных свойств первичных денотатов, которые постепенно расширяют свой объем, не теряя при этом своего единства, не распадаясь на характерные для многозначности множества отдельных денотатов» [Плоткин, Гросул 1982: 831]. Опираясь на это, большинство лингвистов соглашались с мнением о широком объеме и расширении значения, хотя говорят о нем как об отличительной характеристике эврисемии, что является полностью неоправданным, поскольку многозначность также подвергается расширению и может обозначать разнородные явления и предметы в ходе исторического развития слова [Москалева 2007; Каратаракис 2022].

Таким образом, мы определили, что подразумевается под «обобщенным значением» и как оно взаимодействует с другими выделенными характеристиками эврисемии. Переходим к **четвертому аспекту** – интерпретированию широкого значения. Интерпретация широкого значения имеет три возможных варианта: 1) широкое это и есть обобщенное; 2) широкое значение – это «общее» значение, абстракция (моносемия «на пределе») в основе одной обобщенной лексической единицы; 3) широкое значение – это широкая сочетаемость. Основное различие между вышесказанными вариантами основывается на отождествлении широкого с обобщенным в

первом варианте, на отождествлении широкого с общим во втором и на дифференциации широкого с обобщенным и общим в третьем варианте.

В первом случае, если под широким значением подразумевается «обобщенное», нужно отнести к ним все глаголы с обобщенным значением, т.е. все базовые слова языка к широкозначным. К таким результатам пришла А.М. Плотникова, которая отметила, что все глаголы без приставок в русском языке не являются широкозначными [Плотникова 2009]. Таким образом, термин «обобщенное» заменяется на термин «широкое», исследование которого не может выходить за рамки одной лексической системы, поскольку возникает вопрос о различии «широкозначных единиц» в разных языках. Объяснение такого предположения лежит в основе третьей интерпретации.

Во-втором случае широкое значение рассматривается в том смысле, который закрепился в научной традиции: одно общее, абстрактное, обобщенное значение. В рамках указанной интерпретации Е.И. Малютина на основе первого производного значения проводит когнитивный анализ дефиниции, лингвистическое описание и контекстуальный анализ для установления механизмов функционирования системного значения в речи. После предусмотренных этапов она приходит к выводу, что у глагола *do* в английском языке выявляется инвариант-прототип ‘to encompass’, который остаётся всегда инвариантом [Малютина 2008: 93–94]. Л.Я. Гросул, применяя дистрибутивный, трансформационный, компонентный и статистический виды анализа, выводит инвариантные значения глаголов *get* ‘переход предмета в новое состояние’ и *keep* ‘сохранение предмета в прежнем состоянии (качественном, пространственном или поссессивном)’ и замечает, что «семасиологическое исследование должно начинаться на синтагматическом уровне» [Гросул 1977: 14–17].

Е.Л. Соболева исследует широкие значения глаголов *turn* и *grow* и приходит к выводу о представлении ими в языке исходных (базовых) концептов «поворот» и «рост» в прототипе концептосферы человека [Соболева 2001: 99]. М.Ю. Евтеева в своей диссертации, опираясь на

когнитивную модель, изучает глаголы с общим значением 'делать' и утверждает различную природу эврисемии и полисемии, где первая состоит в прототипах, в которых распределяются признаки данных глаголов, а вторая состоит в ЛСВ [Евтеева 2014: 241]. Она отмечает: «инвариантом первой является само широкое значение (само слово), тогда как инвариант многозначного слова – это «научная дескрипция» вербального явления, которая вряд ли относится к «языковой способности обычного носителя языка» [Евтеева 2014: 236]. Согласно этому, автор приходит к выводу, что за инвариантным/широким значением, которое «упирается» в речевой уровень, стоит конкретный прототип, что на примере глагола 'делать' представляется как: инвариант 'реализация действия' с прототипами 'создание объекта', 'преобразование объекта' и 'реализация порции действия' [Евтеева 2014: 239, 283].

Согласно вышеописанному подходу, вопреки многочисленным правильным выводам о сущности широкого значения, отождествление широкого с общим является лишь аргументом в пользу термина «эврисемия», поскольку таким образом широкое значение, будучи размытым, покрывается лишь существованием «обобщенного значения» и ограничивается краткой формой, которая представляет собой некую формулировку «инвариантного значения». Такое «общее», «инвариантное» значение, в свою очередь, не может быть как-то верифицировано, поскольку является продуктом субъективного созерцания и не раскрывает сущность эврисемии, а также не позволяет измерить, каким образом слово является широкозначным.

На основе данного аргумента мы считаем, что широкое значение не может подлежать «общему» толкованию слова, выражающему «общие» или обобщенные признаки, характерные для одного определенного языка. Это объясняется также тем, что **широта (охват) значения не может быть выражена каким-либо толкованием, но, наоборот, является диапазоном.** Это исходит из самого толкования слова «широкий», которое является **качественным прилагательным, выступающим всегда в сравнении с**

другим объектом: мы говорим, что небо находится высоко по отношению к земле; мы говорим, что небоскреб высокий по отношению к другим зданиям; мы говорим, что какой-то предмет дорогой, большой, маленький по отношению к другим объектам. В связи с этим мы не можем говорить о широком значении, если не сопоставим его с другим значением, то есть если не определим, что представляет собой узкое значение.

С этим мнением перекликается третья интерпретация, согласно которой широкое значение является по сути **широкой сочетаемостью**. Данное предположение отражается в высказывании А.Н. Степановой и Л.Ф. Кистановой, которые справедливо полагают, что «широкозначность слова всегда предполагает его широкое понятийное содержание, но последнее само по себе ещё не делает слово широкозначным» [Степанова, Кистанова 1990: 103].

Наш аргумент можно представить следующим образом: глагол *делать* в русском языке является обобщенным, ведь вне контекста выражает понятие 'деланье' в обобщенном виде. Тем не менее, его сочетаемостный потенциал не является таким высоким, как у глагола *do* в английском, который появляется в разнообразных контекстах, перифразируя такое количество слов, которое глагол *делать* не может. К примеру, *do a course* 'проходить курс обучения', *do a deal* 'заключить сделку, договориться', *do a fade* 'убегать, сбегать', *do one's duty* 'выполнять свой долг', *do science* 'заниматься наукой' и т.п.

Данный пример является блестящим доказательством того, что обобщенное не должно предполагать широкое, поскольку в данном примере, хотя и предположительно, согласно предшествующим работам [Малютина 2008; Евтеева 2014], можем сказать, что оба глагола *делать* и *do* являются обобщенными, а не широкозначными. В связи с этим, полагается, что каждое широкое значение (широкая сочетаемость) предполагает обобщенную понятийную основу слова и широкую денотативную соотнесенность. Продолжая данный логический силлогизм, можно сказать, что, если не

выявляется широкое и обобщенное значение в одной лексической единице, то мы имеем дело с узким значением.

Исходя из этого, широкое значение не может быть системно определено на основе общих или обобщенных значений. Полученный вывод позволяет опровергнуть два варианта определения широкого значения, основанные на его отождествлении с общим и обобщённым значением, а также показывает **иллюзию полисемии**, что дальше будет предметом анализа. Тем не менее, хотя кажется, что все до сих пор разъяснено, данная интерпретация широкого значения как широкой сочетаемости является лишь термином-заменителем «сочетаемости» и наглядно показывает **иллюзию существования самой эврисемии**: предположение о широте значения ради широкой сочетаемости объясняется тенденцией к аналитизму, который влияет непосредственно на главный мотиватор абстрактного выражения – словообразование. Данный факт подтверждается В.Г. Гаком, который, сопоставляя русский и французский языки, приходит к выводу, что «широкозначность» лежит в основе словообразования, а не столько в особых свойствах мышления определенного народа [Гак 1976, 1977].

Ученые-лингвисты отмечают, что в языках аналитического типа, таких, как английский и французский, одна и та же единица может сочетаться с неограниченным числом лексических и грамматических единиц (сочетаемость), обладая таким образом более широким значением, чем в русском языке. Считается, что это может быть объяснено присутствием одного значения, присущего языковому явлению «эврисемии». Данное предположение впервые отмечено в работах В.Н. Ярцевой и Н.Н. Амосовой, поэтому большинство исследований основывается на английском языке в его сравнении с родным, вероятно, русским языком⁹ [Арнольд 1966; Гросул 1977; Плоткин, Гросул 1982; Загородняя 2003; Малютина 2008; Евтеева 2014, 2021

⁹Автор данного диссертационного исследования не обладает информацией о том, какие языки являются родными авторов других исследований.

и др.]. Данное предположение лежит в самом толковании слова «широкий», которое всегда требует объект для сопоставления.

Тем не менее, широкое значение как широкая сочетаемость не может быть отнесено к существованию специального явления, так как оно просто является результатом изменений в грамматическом строе языка, движущегося к аналитизму¹⁰. Если широкое значение рассматривается как характеристика особого языкового явления, то его следует отнести ко всем обобщённым словам языков аналитического типа, поскольку в сопоставлении с русским языком, принадлежащим к синтетическому типу, они оказываются более широкими. Для этого предположения представим три аргумента: 1) в аналитических языках допускается пополнение слов значениями за счет их сочетаемости, т.е. на синтагматической оси с помощью синтаксических трансформаций (предлоги, частицы, союзы, артикли, порядок слов и т.д.). Здесь можно согласиться с тезисом В.Г. Гака о том, что широкозначность создает условия для парадигматической экономии [цит. по Семина 2019: 159], предполагая соответственно, что в языках синтетического типа парадигматическая ось более развита, что подразумевает более богатое выражение разных понятий;

2) с точки зрения когнитивного подхода, Т.Б. Радбиль пишет, что «аналитический способ представляет собой комбинаторное последовательное выражение отдельных «кирпичиков» смысла, каждый из которых относительно автономен и независим от других (какие-то можно убрать или поменять местами) ... Синтетический способ – это синкретичное, одномоментное выражение разных смыслов в едином комплексе, в результате чего они приобретают взаимообусловленность. Он более громоздок и характеризуется значительной степенью избыточности, но он и более глубоко охватывает мысль явление в многообразии его взаимосвязанных составляющих. Это хорошо знакомое всем, кто интересуется музыкой,

¹⁰ Нужно отметить, что аналитизм и синтетизм не рассматриваются как абсолютные категории [Haspelmath 2018].

различие между последовательным нажатием клавиш (арпеджио) и одновременным (аккордом)» [Радбиль: 2020 11–12];

3) различие синтетизма и аналитизма в определении понятия «эврисемия» представляется наглядно в следующем примере: английский язык строит значения с использованием аналитического подхода (глагол + частица), тогда как русский применяет синтетический подход (глагол с приставкой – префиксацию), поэтому вопрос об эврисемии является нерелевантным. Например, анализируя глагол *go*, полагали бы, что он более широкий, поскольку одна и та же единица *go* обозначает различные направления и различные действия, хотя в русском языке глагол *идти* каждый раз образует более конкретные единицы (*уйти, выйти, войти* и т.д.) с приставками для обозначения более конкретного действия.

Данные аргументы легко могут быть также подтверждены в исследованиях по эврисемии, в которых постоянно упоминается роль аналитизма, однако всегда в рамках эврисемии: А.А. Авдеев пишет, что «аналитизм языка действительно создает благоприятные условия для появления и развития широкозначности, как еще и повышает роль широкозначных слов в функционировании языка, а само их наличие может интерпретироваться как существенная, качественная типологическая характеристика лексической и грамматической систем языка» [Авдеев 2002: 12].

В.Я. Плоткин и Л.Я. Гросул считают, что эврисемия находится в зависимости от типологической характеристики языка. По мнению авторов, эврисемия складывается лишь в языках аналитического строя, где имеется потребность в словах, наделенных высокой степенью способности участвовать в формировании стандартных синтаксических единиц, не теряя при этом своей лексико-семантической самостоятельности [Плоткин, Гросул 1982: 84]. Н.Н. Николаевская пишет, что «широкозначность связана с большим объемом выражаемого понятия и влечет за собой «бессодержательность» лексических значений слов, делая их удобным

инструментом для выражения остаточных морфологических показателей, тем самым соблюдается основной принцип языка аналитического строя – принцип раздельного выражения лексических и грамматических значений [Николаевская 2003: 97–98]. Все вышесказанное создает иллюзию эврисемии, возникающую вследствие смешения лексического значения с широкой сочетаемостью и особенностями аналитического строя языка, в котором синтактика доминирует над семантикой.

Подводя итоги, мы считаем, что такого рода значения как широкое (см. *рисунок 1*) не существует, как и свойственного ему явления – эврисемии, поскольку она является **иллюзией полисемии, созданной тенденцией аналитизации** и выраженной в пополнении сочетаемости слов и возникшей в рамках сопоставления русского с другими языками. Данное предположение будет развернуто в следующих параграфах нашего диссертационного исследования. В противоположность широкому значению, предположение об отношении широкой сочетаемости и обобщенного значения как обобщенной понятийной основы и широкой денотативной соотнесённости актуально, однако в рамках одной языковой системы.

Таким образом, можно полагать, что насколько богаче выражение значений лексических единиц в синтагматике, настолько ближе язык движется к аналитизму. Соответственно, можно полагать, что насколько богаче выражение значений лексических единиц в парадигматике, настолько ближе язык к синтетизму (см. *рисунок 2*). Покажем схематично все вышесказанные предположения.

Рисунок 1. Интерпретация широкого значения

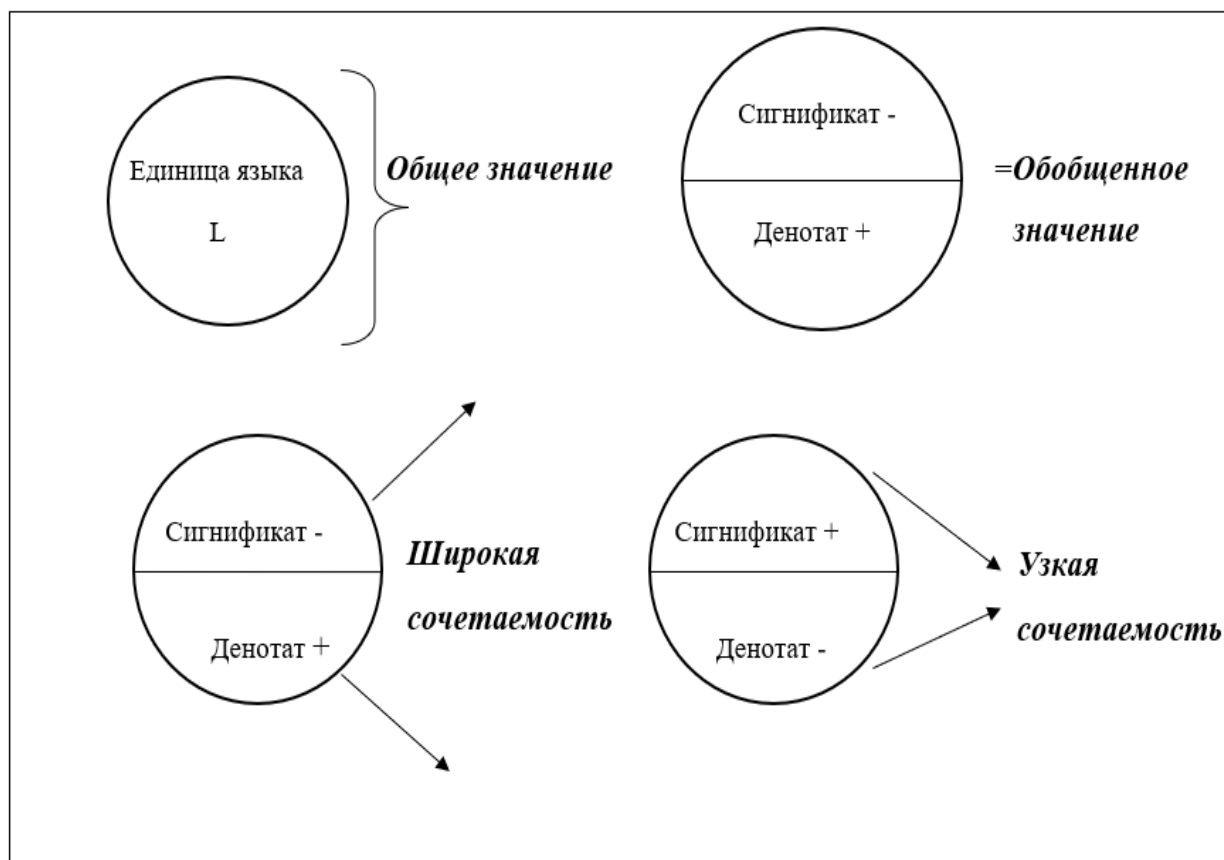
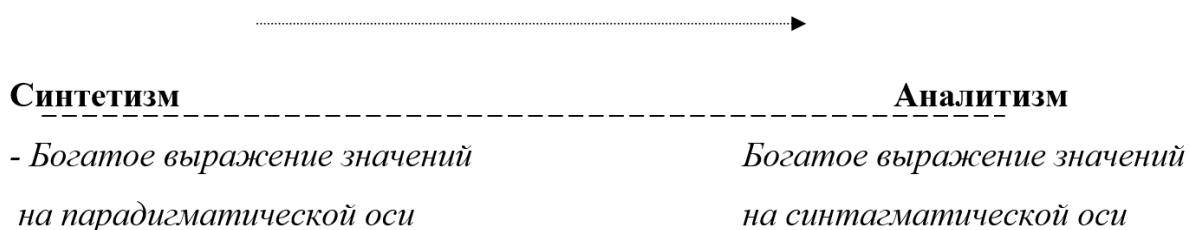

Рисунок 2. Выражение синтетизма и аналитизма на парадигматической и синтагматической оси

1.4. Эврисемия в иллюзии полисемии: деконструирование понятия

В предыдущем параграфе мы обозначили все основные понятия, связанные с эврисемией, исходя из предположения, что данное явление не является самостоятельным и значимым феноменом, а сам термин представляет собой лишь иллюзию полисемии и аналитизма. Аргументация против

эврисемии будет развита далее в рамках данного диссертационного исследования. В частности, в § 1.4. будут приведены все основания, доказывающие неправомочность отделения эврисемии от полисемии и обосновывающие невозможность трактовать её как «моносемию на пределе», что, в свою очередь, опровергает её самостоятельность. В § 1.5. подведем итоги относительно отсутствия методологического обоснования концепции эврисемии. Первая глава служит теоретическим подтверждением, вторая – практическим, а третья индуктивное объяснение восприятия понятия эврисемии в типологии и полисемии.

В данном исследовании приводятся разнообразные примеры, подтверждающие точку зрения против минималистского подхода к языку и против идеи «эксклюзивности» характеристик эврисемии. На самом деле, такие признаки, как десемантизация, выражение «одного понятия», «общее значение», диффузность, неоднозначность и другие, присущи прежде всего полисемии. Поэтому, хотя мы отвергаем понятие и термин «эврисемия» (или «широкое значение»), они будут упоминаться для объяснения противоречий в существующих трактовках данного феномена. Логический аргумент против эврисемии приведён в Приложении 1 и построен по принципу фальсификации (*modus tollens*) в рамках формальной логики.

1.4.1. Минималистский подход к эврисемии: «квази-моносемия»

Одна из основных проблем в описании эврисемии заключается в убеждении, что особый феномен с названием «эврисемия» существует и выражает **одно понятие** ради своего «общего» значения, которое всё же трудно определить. Лингвисты, занимающиеся явлением эврисемии считают, что можно радикально разграничить эврисемию и полисемию. Сторонники данного подхода утверждают, что эврисемия является самостоятельной категорией – как разновидность или промежуточная ступень между моносемией и полисемией. На это указывала R. Moon, вводя термин ‘quasi-

monosemy' («квази-моносемия»), хотя сама она не отождествляла его с эврисемией: по её мнению, слово может иметь одно значение или семантическое ядро, лежащее в основе разнообразных употреблений с широкой референцией, **однако это значение трудно свести к единому толкованию** (см. также § 1.1.3.) [Moon 1987: 177]. Данная трактовка фактически совпадает с традиционным определением эврисемии, **отличаясь лишь терминологией**: то, что у R. Moon называется «квази-моносемией», в работах российских лингвистов обозначается как «эврисемия». Очевидно, это понятие можно определить как «моносемию на пределе», поскольку оно находится на границе функционирования моносемии, сохраняя одно «общее» значение при множестве референтов.

Лингвисты, придерживающиеся концепции «моносемии на пределе» под названием эврисемии, нередко сопоставляют её с полисемией, опираясь на аргумент, что «для эврисемии характерно одно понятие (выраженное в «общем» значении), а для полисемии – разные понятия» [Колобаев 1983; Маринова 1995; Малютина 2008; Семина 2019]. Соглашаясь с этим, В.М. Соколова отмечает, что глагол *go*, несмотря на разнообразие субъектов, дополнений и признаков, всегда выражает понятия, имеющие единую общую основу – ‘движение’ [Соколова 1967]. Таким образом, В.М. Соколова приходит к выводу, что *go* является глаголом широкой семантики. Однако возникает вопрос: почему в таком случае не отнести к широкозначным и глагол *идти*, который также выражает обобщённое понятие ‘движение’? Если мы не относим его к данной категории, то необходимо объяснить, почему он признаётся многозначным.

Примечательно, что в исследованиях по эврисемии глагол *идти* в русском языке практически не рассматривается, хотя он априори считается многозначным. Вероятно, это объясняется тем, что, согласно утверждениям лингвистов, эврисемия характерна преимущественно для аналитических языков. Однако подобный вывод является **необоснованной аксиомой**, так как исследование эврисемии в синтетических языках практически не проводилось

[Гросул 1977; Плоткин, Гросул 1982; Соболева 2001; Загородняя 2003; Малютина 2008 и др.]. Более того, аргумент об «одном понятии» как определяющем признаке эврисемии можно признать несостоятельным, поскольку в многозначных словах значения нередко мотивированы и объединены в рамках одного понятия метафорическими или метонимическими связями. В противном случае такие значения были бы распределены между отдельными словами-омонимами.

Кроме того, среди исследователей отсутствует единство в определении конкретной группы широкозначных слов. Одни рассматривают эврисемию системно – как явление, характерное для одного языка, другие – через сопоставление и перевод. В результате каждый учёный выделяет разные глаголы, существительные или прилагательные, обладающие, по его мнению, обобщённым значением и выражающие «одно понятие». Это позволяет сделать вывод, что границы группы широкозначных слов не определены, так как в неё можно включить практически любое слово с обобщённым значением (*делать, брать, быть, дать* и др.). Следовательно, возникают проблемы и вопросы: каковы отличительные характеристики широкозначных слов? Существуют ли они во всех языках? Является ли природа однозначной или многозначной?

Очевидно, проблематичность гипотезы об «одном понятии» отражается в трудности выявления «общего» значения в эврисемии. Лингвисты отмечают, что одно и то же слово может встречаться в разных контекстах и выражать различные значения, при этом его значение остаётся неизменным. Это приводит их к выводу о наличии обобщённого значения. Однако здесь возникает парадокс: те же исследователи, которые утверждают существование инвариантного значения [Гросул 1977; Плоткин, Гросул 1982; Колобаев 1983а, 1983б; Соболева 2001; Загородняя 2003; Малютина 2008; Федюк 2011; Евтеева 2014, 2021], одновременно отмечают, что слово «питается из контекста»: Е.И. Малютина, разделяя позицию М.В. Никитина, подчёркивает, что

широкозначные слова утрачивают своё лексическое значение в контексте: они не вносят фиксированного значения, а «питаются» им [Малютина 2008: 123].

Противоречие между «инвариантным» значением и зависимостью слова от контекста свидетельствует о смешении понятий «общее» и «обобщённое» и ставит под сомнение возможность их адекватного применения в исследовании эврисемии. Если значение действительно инвариантно, оно должно реализовываться в каждом контексте одинаково, что поддерживает гипотезу о «моносемической эврисемии» (хотя большинство лингвистов её не разделяют, поэтому выделяют эврисемию в качестве отдельной семантической категории) [Плоткин, Гросул 1982; Загородняя 2003; Малютина 2008; Евтеева 2014, 2021 и др.]. Если же значение изменяется в зависимости от контекста, речь идёт не об однозначности, а о **десемантизации**, то есть об опустошении слова. На наш взгляд, эти два положения не являются взаимоисключающими: степень опустошения слова может варьироваться. С одной стороны, слово сохраняет своё значение и воспринимается буквально (например, *держать за руку*), с другой – достигает состояния опустошённости и «питается» контекстом (*держать улыбку*). Таким образом, тезис о едином инвариантном значении широкозначных слов оказывается несостоятельным.

В связи с этим автор настоящего исследования принимает максималистскую позицию в трактовке значения и полисемии и рассматривает эврисемию не как отдельную лексико-семантическую категорию, а как иллюзию полисемии. **Если широкозначные слова реализуются в контексте или привносят в него своё значение, речь идёт не об «общем» значении, а о степени десемантизации.** В этом случае невозможно доказать, что слово выражает одно понятие: напротив, в зависимости от окружения оно способно выражать разные понятия.

Подтверждением иллюзорности эврисемии служат и исследования последних лет, выполненные в когнитивном русле. В них выдвигается идея об «общем» понятии как о прототипе, основанном на принципе «семейного

сходства» [Соболева 2001; Малютина 2008; Федюк 2011; Плотникова 2009; Семина 2019; Евтеева 2014]. Однако когнитивный подход изначально не предполагает отрицания полисемии. Напротив, как отмечает А.А. Зализняк, когнитивная лингвистика утверждает, что все языковые единицы в определённой степени многозначны, поскольку обладают размытыми границами [Зализняк 2006: 35].

Таким образом, мы приходим к выводу, что эврисемия не обладает единым «общим» значением и не выражает одно понятие. Она представляет собой лишь минималистский взгляд на значение, в рамках которого фактически происходит сопоставление моносемии «на пределе» с полисемией. Именно этим объясняется тенденция их сближения. Вследствие этого, если рассматривать её как особый тип моносемии («моносемию на пределе»), то неизбежно возникает множество нерешённых проблем, связанных с недискретностью языка, неопределённостью понятия «общего значения», сложностью представления слова в словаре и неоднозначностью самого понятия «значение слова». К аналогичным выводам пришёл J. Catford, утверждавший, что полисемия в строгом смысле не существует [Catford 1984: 12]. Вместо чёткого противопоставления моносемии и полисемии он предложил систему промежуточных категорий: моносемия, эврисемия, стеносемия, олигосемия [Catford 1984: 12].

Подобная позиция является крайне минималистской, поскольку исключает возможность дискретного анализа полисемии и предполагает моносемическую организацию ментального лексикона. Тем не менее, рассматривая её вне рамок отрицания полисемии, можно признать, что она обладает определённым эвристическим потенциалом, особенно в когнитивном аспекте.

1.4.2. Семантически опустошенные глаголы ('Light Verbs') и абстрактные существительные: от эврисемии к полисемии

Семантически опустошенные глаголы ('Light Verbs') представляют собой большую ценность для языкового явления эврисемии, поскольку имеют достаточно обобщенную понятийную основу, множество сочетаний и широкое «опустошение» (по В.Г. Гаку) своего семантического содержания. Данный аргумент подтверждается исследованиями учёных, занимающихся эврисемией, которые рассматривают семантически опустошённые глаголы как предпосылку широкозначности [Малютина 2008; Евтеева 2014; Семина 2019]. В целом, исследователи говорят о широкозначности таких слов, как *do, make, have, take, get, faire, mettre, put* и т.д. [Амосова 1963; Кудинова 1994; Малютина 2008; Федюк 2011; Евтеева 2014; Семина 2019]. Именно эти опустошённые глаголы, которые изучались указанными авторами, представляют собой лексические единицы «базисного уровня» в языках аналитического строя (таких как английский и французский).

К этим примерам в основном относят глаголы со «слабым значением», «перифрастические глаголы», известные в зарубежной лингвистике как 'light verbs' или LCV 'Light Verbs Construction' (если речь идет об одной конструкции), образующие предикат с ослабленным значением глагола в связи с другими единицами (часто существительным)¹¹.

О семантически опустошенных словах говорил уже С. Ульман. Он отмечал, что частое употребление во французском языке так называемых «mots-omnibus», как например, *chose* 'вещь', *affaire* 'дело', *machine* 'машина', *machin* 'как бишь его...', *truc* 'трюк', 'штука', *faire* 'делать' отражает ту же самую характерную тенденцию [Ульман 1962: 28]. Н. Routsma обсуждает вопрос о комбинации глаголов с неопределенным или «слабым» значением, таких как *do, make, have, give*; М. Rensky называет такого рода глаголы

¹¹ В дальнейшем раскрытии этой темы будут употребляться термины авторов, высказавших свое мнение о «light verbs», а когда будем упоминать их, тогда мы будем называть их «семантически опустошенные слова глаголы».

«пустыми глаголами», D. Bollinger следует за ним, и считает, что сопровождающее существительное как бы дополняет такие «пустые глаголы» [цит. по Matsumoto 2008: 23].

H. J. Schmid, исследуя абстрактные существительные в английском языке, называет их «shell nouns»: данные существительные в конкретном контексте выражают комплексное понятие. Ученый подробно исследует концепцию абстрактных существительных в английском языке как «концептуальных оболочек» ('Conceptual Shells'), которые, по сути, зависят от контекста, в котором они раскрывают свое значение [Schmid 2000]. V. Evans пишет, что содержание, выражаемое этими существительными («shell nouns»), исходит из того, что они есть контекст высказывания, к которому относятся [Evans 2009]. И. А. Мельчук исследует «поддерживающие» глаголы ('supportive verbs') в своей модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», которые, фактически, являются 'light verbs' [Мельчук 2012; Mel'čuk 2016, 2022].

F. Liefrink выделяет группу основных глаголов ('prime verbs'), употребляющихся в аналитических предложениях в составе именного сказуемого, представляющего единое смысловое целое [Liefrink 1973: 17; цит. по Евтеева 2014: 18]; Л. Теньер выделяет полнозначные и неполнозначные «семантически пустые» слова. Лингвист приходит к выводу, что «противопоставление полнозначных и неполнозначных слов – лишь другое обличье противопоставления статического и динамического синтаксиса» [Теньер 1988: 64]. М.А.К. Halliday считает общие слова чем-то средним между грамматической и лексической единицей, которые сами по себе не имеют конкретного значения, но они помогают связать другие слова и заставить предложения звучать правильно [цит. по Евтеева 2014: 16]. С. Ульман, сравнивая французский и немецкий языки в аспекте полисемии, приходит к выводу, что французский язык является «непрозрачным» и в высшей степени «абстрактным», однако это не значит, что в немецком употребляются меньше «абстрактных» слов [Ульман 1962: 27–28].

Семантически опустошенные слова (глаголы) в силу своей простоты содержания и высокой степени абстракции часто вызывают представление о них как о моносемичных, т.е. предполагается наличие единственного значения. Тем не менее, существует значительное разногласие среди исследователей относительно природы этих слов, включая вопросы о полисемии и неопределенности ('vagueness'). R. Moon считает, что семантически опустошенные слова ('Delexical words') представляют собой высокочастотные слова, имеющие широкий спектр контекстов и коллокаций, но только одно значение [Moon 1987]. U. Weinreich относительно глагола *take* приводит примеры в контекстах: *take offense* 'обижаться', *take charge* 'взять в свои руки, принять ответственность за ч.-л.', *take medicine* 'принимать лекарство', *take notice* 'наблюдать, примечать', *take effect* 'вступать в силу' и отмечает, что такого рода глаголы, показывающие сильно развитую многозначность, лучше назвать семантически «пустыми» [Weinreich 1963: 180]. Однако, в отличие от С. Ульмана, автор отделяет их от полисемии, поскольку эти случаи возникают не из-за сверхразвитого значения, а из-за семантического опустошения этих слов [цит. по Евтеева 2014: 16].

С. Brugman пишет, что важным критерием определения моносемии и полисемии может служить один из признаков подкатегоризации, т.е. смысловые свойства аргументов ('arguments') предиката, если рассматриваемая лексема обозначает отношение, а не сущность (т.е. является предикатом). При этом лингвист считает, что слова со слабым значением имеют широкую дистрибуцию и являются многозначными, и что конструктивный взгляд на значение на основе аргументов может служить доказательством полисемии [Brugman 2001: 552, 557]. Такой подход был поддержан А. Вежбицкой в анализе конструкций глаголов *take* и *have* [Wierzbicka 1982]. R. Quirk и соавторы указывают, что словосочетания являются «семантическим расширением» глагола и приводят в качестве примера словосочетание *have an argument*, которое равняется семантическому глаголу *argue* [Quirk et al. 1985: 750]. Интересные результаты были показаны

в работе J. Grimshaw и A. Mester, которые на основе генеративной грамматики исследуют глагол *suru* в японском языке, определяя внутренние, внешние аргументы и θ -роли ('thematic roles') существительного, сочетающего с данным глаголом, однако не заявляют о моносемии данного глагола [Grimshaw, Mester 1988].

Определяя таким образом семантически опустошенные слова (глаголы) как характерную группу эврисемии, мы не решаем вопрос о количестве значений этих слов. Рассмотрев приведенные выше мнения о неопределенности, моносемии и полисемии, мы склонны согласиться с тем, что семантически опустошенные глаголы являются многозначными, что может быть показано на основании исследования конструкции таких глаголов. Во-первых, данный аргумент основывается на том, что, неопределенность не может быть приравнена к моносемии и полисемии, потому что неопределенность проявляется в речи, указывая на наличие у одного слова нескольких значений из-за отсутствия достаточного контекста и не «смешивается» с количественными явлениями языка. Это подтверждается многими учеными в последующих исследованиях в этой области [Caramazza 1976; Bubka, Gorfein 1989; Dopkins et al. 1992]. Тем не менее, если неопределенность рассматривается как неполнота информации [Зализняк 2013], «пересекающаяся с рядом скрытых явлений, порождающих полисемию, энантиосемию», к которой относится семантическая диффузность [Власова 2014], мы должны отнести к опустошенным словам данную характеристику как комплементарную, не отрицая аргумент о многозначности.

Во-вторых, основываясь на предыдущих исследованиях семантически опустошенных глаголов 'light verbs' и рассматривая полисемию, мы поддерживаем мнение, что абстрактное значение этих слов не должно привести к моносемии. С. Brugman отмечает, что различие между полисемией и моносемией частично основано на устаревшей концепции, что существует полностью контекстуально независимое лексическое значение. Если мы рассмотрим значение как конструкции (предложения, словосочетания), а не

строго лексическое значение одного элемента, тогда мы *ipso facto* установим полисемию [Brugman 2001: 557–558].

В-третьих, предположение об одном значении (моносемия) опустошенных слов как и эврисемии перекликается со словом «как употребление» Л. Витгенштейна: «То, что не может выражаться в знаке, выделяется при его применении. То, что скрывают знаки, показывает их применение»; «значение есть применение в языке» [Witgenstein 1953: 20, 39]. Тем не менее, мы не будем рассматривать категорически данные высказывания Л. Витгенштейна, поскольку они приводят к минималистскому изучению значения а, следовательно, к изучению моносемии «на пределе» под заголовком эврисемии. Наоборот, вслед за Л.А. Новиковым, мы считаем, что диалектический материализм может быть использован «как рабочий приём для описания внутреннего механизма языка и прежде всего, лексико-синтаксических связей» [Новиков 2001б: 675]. Подобную интерпретацию значения нельзя абсолютизировать, поскольку «это лишь один из аспектов семантики слова, другой важнейший аспект – описание слова как результат отражения в сознании объективной действительности» [Новиков 2001б: 676].

Таким образом, если мы учтем утверждение когнитивной лингвистики о том, что все слова являются многозначными [Зализняк 2013], вопрос о моносемии покажется достаточно устаревшим, а если он правильный, он должен быть показан вне аргумента об абстрактности и опустошении слова. Таким образом, если семантически опустошенные слова являются широкозначными, мы должны разделить мнение о том, что эврисемия не представляет собой некую моносемию, и что данные языковые феномены не могут противопоставляться. Мы показываем *ipso facto* корреляцию эврисемии и моносемии, и при таком условии становится возможным доказать, что эврисемия не является отдельным языковым феноменом.

1.5. Дискуссионность понятия «эврисемия» в русле методологического принципа «бритвы Оккама»

Автор настоящего диссертационного исследования исходит из методологического принципа «бритвы Оккама», согласно которому «сущности не следует умножать без необходимости» (в оригинальной формулировке: «*То, что может быть объяснено меньшим числом предпосылок, не следует объяснять большим*»; «*Многообразие не должно допускаться без необходимости*») [НФЭ 2010, электронный ресурс¹²]. Это означает, что понятие «эврисемия» оправдано лишь в том случае, если оно позволяет объяснить языковые явления, не поддающиеся интерпретации с помощью уже существующих понятий, и не требует привлечения громоздких гипотез. В противном случае мы имеем дело с необоснованным «умножением сущностей».

В качестве отправной точки формулируется на первый взгляд очевидный тезис: термин «широкозначность» (или «эврисемия») восходит к семантике слова «широкий» (количественное прилагательное), которое всегда требует сравнения с другим объектом, например, *коридор* определяется *широким* по сравнению с другим, более *узким*. Таким образом показывается, что сама идея «широкозначности» возникла в российской лингвистике как результат сопоставления русского языка с преимущественно аналитическими языками (английским и французским), где значения активнее выражаются на синтагматической оси; русский язык как синтетический тип более выразителен на парадигматической оси. В этом контексте «широкое значение» обозначает скорее высокую сочетаемость лексемы, а не единое, общее значение.

¹² Новая Философская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ec01008dba3d6c128fb7> (дата обращения: 1.11.2025)

Отсюда следует важный вывод: лексемы, признанные широкозначными, воспринимались как таковые исключительно в сопоставлении с русским языком, а не на основании универсальных языковых характеристик. Таким образом, «эврисемия» – это не системная языковая категория, а феномен, проявляющийся лишь в межъязыковом анализе. Эврисемия не является внутренней характеристикой языка, а представляет собой «продукт сопоставления».

Однако, понятие «эврисемия» не является таковым, поскольку зачастую не проводится конкретный сопоставительный анализ широкозначных единиц. Наоборот, в научной литературе, посвящённой эврисемии, широкозначные лексические единицы выявляются на основе множества гипотетических характеристик, таких как: полифункциональность, синсемантизм, обобщённое значение, абстракция, частичная десемантизация, синкретизм, полиденотативность, способность вступать в гиперо-гипонимические отношения, широкая референция и т.д.

В результате почти все исследуемые лексемы объявляются широкозначными. Так, М. Ю. Евтеева относит к ним глаголы с общим значением ‘делать’ в латышском, русском, немецком и английском языках [Евтеева 2014]; Е. Л. Соболева рассматривает как широкозначные глаголы *turn* и *grow* [Соболева 2001]; Е.И. Малютина – *do, have, be* [Малютина 2008]; А.М. Дудина относит к широкозначным *иметь/avoir, делать/faire* в белорусском и французском [Дудина 2019]. Перечень таких исследований является огромным.

Отсутствие объективных критериев делает невозможным сопоставление лексем между языками, так как:

1. неясно, по отношению к чему определяется степень широкозначности, если лексемы напрямую не сопоставляются;
2. неясен критерий, на основании которого можно отнести единицу к категории широкозначных без соблюдения некоторых общих методологических принципов и положений.

Проблематика концепции эврисемии раскрывается также в разнообразии исследуемого материала: одна и та же лексическая единица может анализироваться в различных жанрах, типах текста и контекстах, что влияет на интерпретацию её широкой сочетаемости и референции. И.В. Иевлева исследует глаголы с обобщённым значением 'делать' в пяти языках на материале художественной литературы [Иевлева 2010]; С.В. Иванова и П.Е. Гапиенко рассматривают проявления эврисемии в терминосистемах искусствоведения [Иванова, Гапиенко 2021]; Н.В. Литвинова описывает образование отрицательной формы повелительного наклонения глагола *do*, исследуя широту его значения: *don't do it!* 'не делай этого!'; *do not speak!* 'не говори! молчи!'; *don't be afraid!* 'не бойся!'; *don't be silly!* 'не глупи!' [Литвинова 2016: 373]; А.Г. Торжок подчёркивает номинативную широту слова *thing*, сравнивая её с семантическим объемом глагола *do* [Торжок 2021: 213].

П. С. Федюк относит к эврисемии глаголы *to put*, *to set*, *mettre*, исходя из их способности реализовывать широкий спектр значений в разных контекстах и коллокациях [Федюк 2011: 74–75]. Лингвист дает следующие примеры: «*mettre la voiture au garage* 'поставить машину в гараж'; *mettre debout* 'поставить на ноги'; *mettre les gants* 'надевать перчатки'; *mettre la conversation sur le sujet* 'направлять разговор на какую-либо тему'; *mettre la radio* 'включить радио'; *to put more sugar in the tea* 'положить еще сахару в чай'; *to put in order* 'приводить в порядок'; *to put on* 'надевать'; *to put a new handle to the knife* 'приделать новую рукоятку к ножу'; *to set foot on smth.* 'наступить на что-либо'; *to set the table* 'накрывать на стол'; *to set one's mind on smth.* 'сосредоточить мысль на чем-либо'» [Федюк 2011: 75].

Здесь следует отметить, что «эврисемия» фразовых глаголов объясняется аналитическим способом словообразования. Приведем простейший пример в защиту данного аргумента: различие фразовых глаголов, таких как *go in*, *go through*, *go out* и соответствующих им, например, в русском языке глаголов *войти*, *пройти*, *выйти*, заключается в самом

словообразовании: при аналитизме значение передаётся через сочетание, в синтетизме – через суффиксацию и добавление приставок. Также это объясняется десемантизацией, прозрачностью и композициональностью фразеологических единиц. Существуют идиоматические выражения, которые могут быть вообще не членимы или анализированы ('analyzability'), а другие членимы до определенной степени ('decomposable idioms', 'idiomatically combining expressions', 'idiomatic combinations'). Д.О. Добровольский приводит в качестве примера идиомы *объявить вон* и *показать кузькину мать*, где первая идиома может подвергаться пассивизации ради определенной семантической определенности компонента *бой*, в то время как во второй именной группе *кузькина мать* не может быть приписано никакого семантического потенциала [Добровольский 2023: 89].

Таким образом, складывается представление, что эврисемию можно выявить на основе анализа любого языкового материала – афоризмов, фразеологизмов, коллокаций, предложений, текстов и т.д., без учёта семантической специфики контекста и/или текста. Это приводит к методологическому релятивизму, при котором любое слово может быть объявлено широкозначным.

Вероятно, сам термин «широкозначность» впервые был введён Н.Н. Амосовой в контексте её работы «Основы английской фразеологии» [Амосова 1963], где десемантизированные и грамматикализованные элементы фразеологических единиц трактовались как слова с «одним общим значением».

Вследствие этого исследование лексических единиц без чётких методологических рамок и объективных критериев приводит к неопределенности понятия «эврисемия». Если оно зависит исключительно от исследовательского выбора материала, жанра, дискурса или индивидуального употребления, то утрачивает статус объективной языковой категории. До тех пор пока не будут выработаны строгие и воспроизводимые критерии

разграничения «широкого» и «узкого» значения, понятие «эврисемия» остаётся неопределённым и методологически сомнительным.

Более того, поскольку понятие «эврисемия» в его современном толковании не может рассматриваться как системное языковое явление, единственным возможным направлением, на наш взгляд, может быть разработка такой модели анализа, которая позволяла бы рассматривать любую лексическую единицу с точки зрения всех аспектов её функционирования и была бы применима ко всем единицам языка (или, по крайней мере, к отдельным частям речи, например, глаголам, существительным и т. д.). Такая универсальность соответствовала бы методологическим признакам устойчивых лексико-семантических отношений (синонимии, антонимии, полисемии и др.), признанных в лингвистике как системные явления. Только при соблюдении этих условий можно говорить о потенциальной научной целесообразности использования термина «эврисемия».

Тем не менее, концептуализация эврисемии как системного языкового феномена представляется проблематичной даже при соблюдении указанных условий. Почти все исследования в данной области исходят из наличия некоей обобщённой семы, типичной синтаксической конструкции или общей парадигматической принадлежности (общая парадигма), что выражается в устойчивом включении анализируемых лексем в определённые лексико-семантические группы: глаголы обладания, перемещения, действия, бытийности, движения и др. Из этого вытекает закономерный вывод: лексемы с существенно различными характеристиками не могут быть сопоставлены. Иными словами, сравнение несопоставимых, неравных единиц ведёт к неправильным обобщениям.

Рассмотрим три логически возможных способа выявления эврисемии на материале глаголов, принадлежащих к разным лексико-семантическим классам:

1. Индивидуальный подход: если принять за аксиому, что, например, глаголы *go* и *do* являются широкозначными (как это утверждается в ряде

работ) [Гросул 1977; Плоткин, Гросул 1982; Соболева 2001; Малютина 2008; Евтеева 2014, 2021 и др.], то единственным способом обоснования такой трактовки становится индивидуальный анализ каждой единицы (по отдельности) ради выявления их «обобщенного, широкого значения». Однако, если понятие «широкое значение» не соотносится с каким-либо универсальным критерием, оно теряет научную обоснованность и превращается в произвольную и индивидуальную интерпретацию.

2. Неравноправное сравнение: при выявлении признаков эврисемии у глаголов *go* и *do* в рамках одного языка возникает проблема установления общих критериев сопоставления, поскольку их семантические структуры принципиально различны. Указанные глаголы относятся к разным семантическим полям, имеют различную валентность (переходность vs непереходность), выражают разные типы действия (перемещение vs выполнения). Единственным общим свойством может быть аспектуальная характеристика динамичности, которая, однако, недостаточна для такого сопоставления и универсальной категоризации лексем как широкозначных.

3. Межъязыковое сопоставление: если эврисемию пытаться обосновать путём межъязыкового сопоставления, анализ сводится к переводной интерпретации и перестаёт быть частью внутрисистемного лингвистического описания. Таким образом, феномен эврисемии оказывается производным от сопоставления синтетических и аналитических языков, а не результатом внутренней языковой организации.

Дополнительную сложность представляет и тот факт, что даже при выявлении «эврисемии» у типологически сходных глаголов, например, *have* и *avoir*, остаётся нерешённым вопрос о том, относительно чего именно эти глаголы считаются широкозначными. Отсутствие чёткой классификации или шкалы измерения семантической «широты» делает подобные утверждения методологически непроверяемыми.

Учитывая неоднородность и неопределенность понятия «эврисемия» и невозможность его интеграции в систему лингвистических терминов, а также

в систему семантических отношений, автор настоящей диссертационной работы, опираясь на принцип «бритвы Оккама», приходит к следующим выводам:

1. Понятия «эврисемия» и «широкое значение» не обладают достаточной методологической обоснованностью и не имеют чётких дифференциальных признаков, позволяющих выделить их как самостоятельные научные термины.

2. Любая корреляция между лексической единицей и признаками, приписываемыми эврисемии, приводит к априорному признанию её эврисемии без достаточных эмпирических оснований (например, без анализа сочетаемости или семантической вариативности).

3. Эврисемия не обладает универсальностью, так как лексемы признаются широкозначными преимущественно в сравнении с русским языком, что делает обобщение невозможным.

4. Эврисемия представляет собой интерпретационную конструкцию, возникшую в результате сопоставления синтетических и аналитических языков, в частности – через противопоставление парадигматических и синтагматических способов выражения значения.

5. В настоящее время отсутствует методология, способная охватить всё функционирование лексической единицы в языке и применимая ко всем частям речи. Это делает невозможным научное описание эврисемии как системного явления.

6. В соответствии с принципом «бритва Оккама» («сущности не следует умножать без необходимости») следует признать, что понятие «эврисемия» не является необходимым научным инструментом, а представляет собой совокупность разных результатов.

Несмотря на критику концепции эврисемии как теоретически неопределённой и методологически неустойчивой, следует признать, что стремление описывать явления широкой семантики и многозначности отражает объективную потребность в осмыслении лексических процессов, происходящих как в отдельных языках, так и в межъязыковом сравнении.

Таким образом, дальнейшее исследование явления эврисемии может быть продуктивным при условии отказа от терминологической догматики и перехода к операционализируемым, наблюдаемым параметрам анализа вне рамок идеи «одного общего» значения.

На наш взгляд, целесообразно перенести акцент с поиска универсальных определений на описание конкретных механизмов обобщения, синкретизма и семантического расширения в рамках более гибких и эмпирически обоснованных моделей, например, в когнитивной семантике или лингвистической типологии. В этом контексте не сама эврисемия, а исследования, выполненные в её русле, могут стать отправной точкой для новых направлений, в которых «широта значения» в рамках интерпретации эврисемии будет рассматриваться как одна из характеристик слова, а не как его доминирующая или определяющая функция.

Таким образом, использование концепции эврисемии в лингвистических исследованиях требует глубокой теоретико-методологической доработки. В противном случае, в соответствии с принципом «бритва Оккама» мы сталкиваемся с неоправданным «умножением сущностей». В дальнейшей разработке диссертационного исследования мы будем анализировать некоторые глаголы ЛСГ 'перемещение объекта' в сопоставлении греческого и русского языков, которые являются частотными, имеют «обобщенное значение» и широкую сочетаемость. Данные глаголы будут рассматриваться как многозначные с целью практического доказательства неоправданности выделения эврисемии, объяснения явлений, которые в рамках теории эврисемии не получили удовлетворительного объяснения, а также демонстрации богатства полисемии.

Выводы по Главе 1

Проблема определения понятия «значения слова» сохраняет свою актуальность в современной лингвистике, создавая различные интерпретации для разных языковых феноменов. Понятие «значения слова» широко рассматривается с двух точек зрения: с максималистской и с минималистской. Максималисты пытаются извлечь как можно больше из буквального значения словесных выражений и склонны предполагать богатство и неоднозначность значения слов. С другой стороны, минималисты придают большее значение прагматическим правилам переосмысления в противоположность буквальному значению и склонны принимать только минимальные значения и однозначные слова. Максималисты всегда делают акцент на богатство полисемии, в то время как минималисты выдвигают идею о неучтённой роли моносемии в лингвистике. Различия между данными взглядами сосредотачиваются на рассмотрении понятия «значения слова» в языке и в речи, в предложении и в контексте. В этом заключается сам «парадокс» полисемии, т.е. то, что слово вне контекста не существует. Действительно, с одной стороны, слово едино и самостоятельно, а с другой, – оно как бы распадается на ряд отдельных значений. Данный парадокс наиболее ярко проявляется в лексикографии.

Вопрос о представлении значения в словаре является многоаспектно дискуссионным, поскольку он находится на стыке более общего и глобального противопоставления дискретного и градуального: образуют ли разные значения множество дискретных значений или непрерывный континуум. Данное противопоставление дискретного и градуального понимания значения вызывает длительный интерес лингвистов и дискуссию о природе полисемии и моносемии.

На этой основе в российской лингвистике относительно недавно появляется понятие «широкозначность» (или «эврисемия»), под которым понимается лингвистическое явление лексико-семантического уровня,

которое характеризуется расширением семантического объема слова для обозначения различных денотатов. Интерес лингвистов к проблеме эврисемии вызван в основном в связи с исследованием общеупотребительных глаголов английского языка в аспекте полисемии.

Во многих работах, посвященных эврисемии, признается роль контекста в функционировании широкозначных единиц, выражается мнение, что широкозначные единицы – это слова, которые вне контекста определяются достаточно легко, отмечается взаимосвязь широкой сочетаемости и широкого значения. Тем не менее, мнения ученых значительно расходятся в вопросе о природе широкого значения и его соотношения с полисемией.

В связи с этим появились два направления исследования эврисемии: первое связывает эврисемию с одним общим значением, отличным от полисемии, где широкое значение по природе моносемическое, представляет собой отдельную категорию, объединяющую специфическую группу слов. Второе направление считает эврисемию явлением, неразрывно связанным с полисемией, сосуществующим с ней в рамках одной языковой единицы или как характеристика одного из ЛСВ слова.

Анализ ряда работ показывает, что большинство склонно к оценке «однозначной природы» данного явления, у которого есть одно «общее, единое, инвариантное, предельно обобщенное значение», которое конкретизируется в речевой ситуации или в контексте. Данное значение обычно называют широким. С целью уточнения понятия эврисемии исследователи рассматривают слово в обобщенном виде, ищут «общее, инвариантное значение», которое является обобщением, абстракцией всех значений слова. Тем не менее исследование «общего значения» не может свести результат к обобщенной понятийной основе слова или к объему значения слова, а только к обобщенному представлению слова, потому что «общее значение» может показать, как обеспечивается единство слова, дать какую-то общую формулу определения слова и/или показать стержень слова. Здесь отмечается синкретизм «обобщенного» значения с «общим».

Исследуя понятие «обобщенное значение», приходим к выводу, что в большинстве работ оно подразумевает абстракцию обобщения. Учитывая выделенные характеристики эврисемии, становится очевидным, что обобщенное значение является сочетанием обобщенной понятийной основы и широкой денотативной соотнесенности согласно закону обратного отношения объема и содержания. Тем не менее обнаруживается, что «обобщенное значение» не может быть исследовано: во-первых, потому что широта (охват) значения не может быть выражена под каким-то толкованием, но, наоборот, под каким-то диапазоном, что исходит из самого толкования слова «широкий», которое является качественным прилагательным, понимаемым всегда в сравнении с другим объектом; во-вторых, поскольку употребительные глаголы во всех языках обладают подобными характеристиками, понятие эврисемии не получает каких-либо отличительных признаков.

Другая возможная интерпретация широкого значения заключается в широкой сочетаемости, которая показывает несостоятельность феномена эврисемии: предположение о широте значения ради широкой сочетаемости объясняется тенденцией к аналитизму, который влияет непосредственно на главный мотиватор абстрактного выражения – словообразование.

Лингвисты отмечают, что в языках аналитического типа одна и та же единица может сочетаться с неограниченным числом лексических и грамматических единиц (сочетаемость), обладая таким образом более широким значением, чем в синтетических языках. Это объяснялось наличием у слова одного значения, то есть эврисемией. Данное предположение заключено в самом толковании слова «широкий», которое всегда требует сопоставления с другим объектом.

Исходя из вышесказанного, мы понимаем, что широкое значение как широкая сочетаемость не может быть отнесено к существованию специального явления, так как оно является результатом изменений в грамматическом строе языка, движущегося к аналитизму. Если мы считаем

широкое значение характеристикой особенного языкового явления, тогда нужно его отнести ко всем обобщенным словам языков аналитического типа. На наш взгляд, исследование эврисемии как категории заключается в вопросе типологической спецификой языка: в языках аналитического типа синтагматическая ось более развита, чем в синтетических, и, соответственно, в языках синтетического типа более развита парадигматическая ось.

Минималисты приходят к выводу о неоправданности выделения эврисемии и рассматривают в связи с ней явление десемантизации. На примере семантически опустошенных глаголов, которые тесно связаны с понятием эврисемии, рассмотрены обобщенная понятийная основа и широкое опустошение семантического содержания. Выясняется, что семантически опустошенные глаголы являются многозначными, а не широкозначными, как считалось ранее.

На основании вышеизложенного формулируются четыре вывода о понятии эврисемии: 1) все широкозначные лексические единицы считались широкими по отношению к русскому языку, а не в универсальном пространстве, таким образом, эврисемия – продукт сопоставления; 2) в исследовании эврисемии не соблюдаются объективные критерии; 3) любая корреляция между лексической единицей и признаками, приписываемыми эврисемии, приводит к априорному признанию её эврисемии без достаточных эмпирических оснований; 4) классификация по широте значения, свойственная всем лексическим единицам во всех языках, не существует.

Глава 2. Сопоставительный анализ глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках

2.1. Отнесение глаголов в ЛСГ ‘перемещение объекта’

В нашем исследовании будут рассматриваться следующие глаголы: 1) конверсивы *παίρω* ‘брать’ и *δίνω* ‘давать’ и им соответствующие *брать* и *давать*¹³; 2) глаголы *δέχομαι* ‘принимать’ и *λαμβάνω* ‘получать’ соответствующие *принимать* и *получать*; 3) глаголы *στέλλω*, *κάνω*, соответствующие *ставить, класть*, а также глагол *βγάζω* ‘вынести (вывести), вытаскивать, вынимать’, который не имеет полного аналога в русском языке: *вынести (вывести), вытаскивать, вынимать* и т.д.

Выбор данных глаголов не является случайным: они взаимодействуют весьма специфическим образом и объединяются семьей ‘перемещение объекта’ в соответствующей лексико-семантической группе (далее – ЛСГ), поскольку во всех случаях (получение, передача, постановка, извлечение, принятие, взятие и т. д.) объект перемещается из одной точки в другую. Это доказывается общей событийной структурой ‘event-structure’ в генеративной грамматике [см. Jackendoff 1972, 1990]: [X: объект] → перемещение → изменение локализации → [новая позиция]. Далее ЛСГ ‘перемещение объекта’ может быть интерпретирована в терминах концептуальной семантики R. Jackendoff [Jackendoff 1990] как лексическое отражение универсальной событийной схемы GO (X, FROM Y, TO Z), в которой различаются только типами области POSS, AT, IN (овладеть, в-на), наличием CAUSE (каузация) и ролью субъекта.

Под ЛСГ понимается «обширная организация слов, объединенная базовым семантическим компонентом, который обозначает класс классов предметов, признаков, процессов, отношений» [Жеребило 2010: 174]. В нашем исследовании задающий семантический компонент представляет собой ‘перемещение объекта’. Л.М. Васильев считает, что «термином лексико-

¹³ В наше исследование будет включен совершенный вид глаголов в русском языке.

семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем» [Васильев 1971: 102–104]. Глаголы в ЛСГ объединяются семантической однородностью, которая проявляется в том, что слова обозначают однотипные ситуации и имеют однотипную синтаксическую реализацию [Кузнецова 1989: 81]. В Приложении 3 мы покажем эту однородность, анализируя общую типовую ситуацию и подтипы ситуации для исследуемых глаголов (см. Приложение 3) на основе первой словарной дефиниции.

В связи с этими важно предварительно упомянуть, что сема ‘перемещение объекта’ имеет разный статус: находится либо в центре семантической структуры глагола, либо на периферии; занимает разное положение в семантической структуре исследуемых глаголов. Например, глаголы *брать*, *παίρω* / *давать*, *δίνω* / *принимать*, *δέχομαι* / *получать* и *λαμβάνω* включают также семы ‘обладание’ и ‘изменение посессора’, которые не менее важны для их семантики, чем сема ‘перемещение’, в то время как в глаголах *ставить*, *κλᾶσθαι* / *βάζω* и *βυάζω* / *вынести*, *вытаскивать*, *вынимать* и т.п. сема ‘перемещение’ и ‘размещение’ составляют ядро. Однако наличие семы ‘перемещение объекта’ остаётся структурно необходимым, поскольку без фиксации перехода объекта невозможна сама ситуация, обозначаемая соответствующим глаголом.

Кроме того, объединение данных глаголов в одну ЛСГ не нивелирует различий между ними. Напротив, внутри группы выявляются различные подтипы ситуаций перемещения, такие как передача чего-либо между участниками, принятие объекта в сферу субъекта, локальное размещение и извлечение из ограниченного пространства (см. Приложение 3). Эти подтипы не разрушают целостности группы, а, напротив, демонстрируют её внутреннюю структурированность, что создаёт основу для последующего анализа полисемии и межъязыковых различий. Таким образом, согласно

вышеописанным подтипам, мы выделяем следующие подгруппы внутри ЛСГ ‘перемещение объекта’ (см. рисунок 3): 1) глаголы подгруппы ‘размещение (в пространстве)’ *ставитъ, класть, βάζω*; 2) глаголы подгруппы ‘получение’ *братъ, παίρνω, δέχομαι, λαμβάνω, принимать и получать*; 3) глаголы подгруппы ‘передача’ *давать и δίνω*; 4) глагол подгруппы ‘извлечение’ *βγάζω*.

Рисунок 3. ЛСГ ‘перемещение объекта’

ЛСГ ‘перемещение объекта’

Объединение этих глаголов в ЛСГ ‘перемещение объекта’ обуславливает в первую очередь выдвижение гипотезы в третьей главе (см. § 3.1.): во флективных греческом и русском языках сопоставление семантических, валентностных и словообразовательных свойств общеупотребительных многозначных динамичных глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ приводит к их оценке как маркеров синтетизма и аналитизма. В рамках гипотезы данные глаголы были выбраны на основании:

1) предшествующих работ по эврисемии, например *give, take* [Амосова 1963] и *ставить, класть* [Федюк 2011]; 2) выделенных характеристик исследуемых глаголов в рамках понятия эврисемии; 3) аргумента о пересмотре статуса эврисемии. Следует отметить, что данная группа глаголов не рассматривается как количественно репрезентативная выборка всей глагольной системы греческого и русского языков. Их функция иная: они выступают как диагностический материал, позволяющий проследить механизмы формирования эффекта «широкого значения» на материале высокочастотных общеупотребительных глаголов, а также выявить типологически значимые различия между греческим и русским языками.

В связи с этим формулируемая в работе гипотеза имеет характер ограниченного индуктивного обобщения: она выводится из анализа конкретной ЛСГ и описывает тенденции, обнаруженные в пределах исследуемого материала. При этом она не претендует на статус окончательного утверждения о всей глагольной системе обоих языков и требует дальнейшей проверки на более широком корпусе лексических единиц. В данном аспекте ранее были выработаны характеристики «широкозначных» глаголов на материале разных языков через их сопоставление [Арнольд 1959, 1966; Беляева 2001; Гак 1977; Димова 1972; Евтеева 2014; Загородняя 2003; Колобаев 1983а, 1983б; Малютина 2008; Маринова; Панкина 2013; Плоткин 1989; Плотникова 2009; Соболева 2001; Уфимцева 2002; Федюк 2011].

Помимо этого, объединение исследуемых глаголов в ЛСГ ‘перемещение объекта’ объясняется некоторыми общими характеристиками исследуемых глаголов, обусловленными нашей целью, гипотезой и усиливающими выделение данной группы:

Во-первых, данные глаголы имеют сходные валентностные характеристики, а некоторые из них – совпадающие семантические роли (см. *таблицу 3*), что перекликается с идеей общей типовой ситуации.

Во-вторых, исследуемые глаголы являются де факто широкозначными, поскольку относятся к основному фонду языка и характеризуются

обобщёнными значениями, полиденотативностью, способностью вступать в гиперо-гипонимические отношения, десемантизацией, высокой частотностью и широкой референцией. Следует отметить также, что данные глаголы грамматически являются переходными и динамичными с точки зрения аспектуальности. Называя исследуемые лексические единицы «де факто широкозначными», подразумевается, что они являются многозначными.

В-третьих, при переводе с греческого на русский и обратно (см. [Тресорукова 2009]) выявляется определённая корреляция между данными глаголами, которая объясняется историческими, семантико-синтаксическими и типологическими факторами. Семантические различия между данными глаголами будут подробно рассмотрены в последующих разделах (см. § 2.3).

В-четвертых, внутри ЛСГ ‘перемещение объекта’ возникает синонимия: *παίρνω – δέχομαι – λαμβάνω, брать – получать – принимать, ставить – класть*; конверсия, антонимия и антонимическая конверсия¹⁴ по Л.А. Новикову: *βάζω – βγάζω, παίρνω – δίνω, λαμβάνω – δίνω, брать – давать, принимать – давать, получать – давать.*

Мы учитываем тот факт, что в дальнейших исследованиях к разряду глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ могут быть отнесены различные глаголы, поскольку они перекликаются с вышесказанными характеристиками – высокая частотность, обобщенное значение и т.п.: *бросать, таскать, прятать* и т.д. Включение только исследуемых глаголов обуславливает также цель исследования: обсудить теоретический статус понятия эврисемии и провести сопоставительный и типологический анализ общеупотребительных многозначных динамичных глаголов лексико-семантической группы ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках. Эта цель будет достигнута посредством анализа подобранных глаголов, их словообразования, семантики и синтактики.

¹⁴ По Л.А. Новикову: «антонимы-конверсивы обладают выраженной направленностью, что позволяет обозначать с их помощью одно и то же действие с противоположных точек зрения» [Новиков 2001: 249]. Синонимия, антонимия, конверсия и антонимическая конверсия не будут анализированы в рамках данной работы.

После теоретического анализа понятий эврисемии и полисемии в первой главе, в этой главе мы исходим из задачи опровержения понятия эврисемии на практическом материале греческих и русских глаголов. Анализ будет поэтапным и основанным на ряде критериев, позволяющих выявить специфику полисемии, а также показать степень «широты» значений отдельных единиц в обоих языках, которая оправдывается самой типологией языков. С данной целью будут исследованы:

1) словообразовательная производность греческих и русских глаголов, которая покажет, что «широта значения» не может рассматриваться как особое явление конкретного языка, ведь это объясняется историческими сдвигами, отражением действительности и функционированием языка в целом;

2) семантическая структура греческих и русских глаголов на основе анализа словарных дефиниций, что покажет их полисемию;

3) валентность и сочетаемость, что позволит нам показать их богатую полисемию на основе корпусов и словарей, которая актуализируется в разных сочетаниях и контекстах (в том числе в фразеологии – коллокации), а также одновременно защитить аргумент об иллюзии широкого значения, которое интерпретируется как широкая сочетаемость в понятии эврисемии;

4) системно-типологические характеристики **с акцентом на то, что употребляется в разговорной речи сегодня, а не на то, что существует в языке**, такие как: а) частотность исследуемых лексем, чтобы показать важность их частотного появления и объяснить заблуждение о существовании понятия эврисемии и широкозначных единиц; б) языковая норма и стилистическая маркированность, которая играет важнейшую роль в отходе и приходе лексических единиц в сферу активного употребления; в) функциональная принадлежность, указывающая на реализацию того или иного значения в языковой ситуации.

Таким образом, дедуктивное исследование данных характеристик позволит нам в третьей главе индуктивно выдвинуть гипотезу «ярких

представителей» языка и перенести акцент с эврисемии на полисемию и особенно на метафору, а также на системную типологию языка.

2.2. Связь словообразования с семантикой: словообразовательные характеристики глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Греческий и русский языки являются родственными, принадлежащими к индоевропейской семье, поэтому в них отмечается лексико-семантическое сходство. С морфологической точки зрения оба языка являются флективными, а с синтаксической имеют номинативный строй [Денисенко, Рыбаков 2006; Рыбаков 2008]. В данной диссертационной работе будут исследованы именно новогреческий¹⁵ и современный русский языки. Относительно первого языка нужно отметить, что новогреческий¹⁶ по сравнению со своими предшественниками (древнегреческим, койне, средневизантийским, «кафаревусой» и «димотикой» – разновидностями греческого языка) имеет отличительные характеристики, которые объясняются в первую очередь экстралингвистическими факторами (см. [Browning 1983; Μπαλιγιώτης 1985; Χρηστίδης 2005, 2014; Horrocks 2010]) об истории греческого языка). Интралингвистически данные характеристики ярко проявляются в выраженном движении к аналитизму и в отходе от строгого синтетизма, что может доказать «широту значения» в рамках интерпретации эврисемии греческих глаголов в сравнении с русскими в аспекте типологических различий.

Основываясь на этом, мы обязаны включить в наше исследование словообразовательные вариации рассмотренных глаголов в диахронии, чтобы проследить их морфологическое и семантическое развитие. В соответствии с поставленной целью в продолжении диссертационной работы будет показан

¹⁵ Термин «новогреческий» будет применяться при сопоставлении только с древнегреческим языком.

¹⁶ Новогреческий язык был закреплён на государственном уровне только в 1976 году. До этого функционировали две разновидности языка: димотика – устный вариант и кафаревуса – письменный вариант. Новогреческий является сочетанием и закреплением этих двух разновидностей. Некоторые грамматические вопросы не решены до сегодняшнего дня [Χρηστίδης 2005, 2014; Horrocks 2010].

«дух народа» по В. фон Гумбольдту [Алпатов 1998; Гумбольдт 2000], что тесно связано с этимологией и выражается в словообразовании русского и греческого языков. С структуралистической точки зрения мы стремимся показать корреляцию эпидигматики (некоторых деривационных отношений) с парадигматикой и синтагматикой. Учитывая вышесказанное, в первом параграфе предпринимается попытка связать семантику со словообразованием, а также рассмотреть язык в его отношении к отражённой действительности – о чем многократно писал А.А. Потебня [Потебня 1958]. Как отмечают В.Н. Денисенко и М.А. Рыбаков: «в различных языках варьируются не только значения, но и состав лексики, а также многое другое, что с ней связано. Специфика этого варьирования отражает специфику языковых картин мира» [Денисенко, Рыбаков 2009: 31].

2.2.1. Словообразовательная производность глаголов

Во флективных языках синтетического строя префиксация является одним из наиболее распространённых способов словообразования, что особенно характерно для глагольной лексики. Наряду с ней широко используется префиксально-суффиксальный способ, тогда как чистая суффиксация и словосложение играют менее значимую роль. Чтобы понять потенциал «широты значения», предварительно мы рассмотрим словообразовательные возможности глаголов в терминах их производности, что в случае греческого языка отражают путь к аналитизму. Таким образом, обращая внимание на этимологию данных глаголов, мы стремимся связать словообразовательные процессы с современным семантическим функционированием глаголов ЛСГ 'перемещение объекта', выявляя некоторые сходства между данными лексическими единицами в синхронии и диахронии.

В рамках данного исследования будет показано, что основное различие между глаголами, обозначающими основные действия передачи, получения и

помещения в пространстве в греческом и русском языках (в греческом: *δίνω* [дино], *παίρω* [пэрно], *βάζω* [вазо], *βγάζω* [вгазо], *δέχομαι* [дэхомэ], *λαμβάνω* [ламвано] и их русских эквивалентов: *давать*, *брать*, *класть/ставить*, *вынимать/вытаскивать/вынести*, *принять* и *получать*) заключается в путях, которыми развивались их основные формы; в их актуальной частотности; в стилевой принадлежности и типах дискурса, где они используются; в исторических процессах, повлиявших на их значение; а также в способе отражения реальности, играющем ключевую роль в формировании понятий, характерных для греческой и русской языковой картины мира, выражающихся, в том числе, в словообразовании.

Глагол *παίρω* [пэрно] ‘брать’ происходит от древнегреческого глагола *αἴρω* [эро] ‘поднимать’ с приставкой *ἐπί* ‘над чем-то, на что-то’ (< *ἐπί* (*ἐπ-*) + *αἴρω* / *ἀείρω*) и имел значение ‘брать что-то, поднимая его откуда-то’. В средневековом греческом засвидетельствована форма *ἐπαίρω* [Мπαμπινιώτης 2010: 1022]. Кроме того, его производящий глагол *αιρώ* имеет крайне ограниченное количество производных, включая такие формы, как *παίρω* ‘брать’ и *εζαίρω* ‘подчёркивать, демонстрировать’.

Основной глагол *αἴρω* / *ἀείρω* в древнегреческом имел широкую семантику, зависящую от синтагматического окружения: *αἴρειν θυμόν* ‘злиться’, *αἴρειν βῆμα* ‘шагать’, *αἴρειν σημεῖον* ‘давать сигнал’, *φυγὴν ἀρέσθαι* ‘покидать’, *αἴρεσθαι φωνήν* ‘поднимать голос’, *αἴρω τὰς ναῦς* ‘отводить корабль’ и др. [Liddell-Scott 2007, электронный ресурс¹⁷], сохраняя при этом сему ‘поднимать’ в большинстве случаев.

Примечательно, что в новогреческом языке глагол *αἴρω* / *ἀείρω* сохранился в крайне ограниченном значении. Это, возможно, связано с влиянием французского глагола *lever* ‘снимать, удалять’, а также с ограниченной сферой употребления, преимущественно в политическом стиле

¹⁷ Liddell, H. G., Scott, R. A. Λεξικό της Αρχαίας Ελληνικής Γλώσσας : επιτομή του Μεγάλου Λεξικού [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/tools/liddell-scott/index.html (дата обращения: 23.11.2025).

речи: 1) Устранение чего-либо как несуществующего: *Η Αμερική αίρει το casus belli* ‘Америка устраняет (отменяет) повод для войны’; 2) В более редком употреблении ‘возвышаться духовно’: *Οι μοναχοί αίρονται από τα εγκόσμια στα επουράνια* ‘Монахи поднимаются от мирского к небесному’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс¹⁸].

Таким образом, можно утверждать, что глагол *παίρνω* в новогреческом не только семантически отделился от своего глагола-источника в большинстве употреблений, но и стал одним из ключевых глаголов современного греческого языка, избавляясь от семы ‘поднимать’ и получая семантическую самостоятельность. Несмотря на свою производную природу, *παίρνω* служит основой для образования новых префиксальных глаголов, таких как: *αποπαίρνω* [апопэрно] ‘грубить, вести себя дерзко’, *παραπερνώ* [парапэрно] ‘брать в большом количестве’ (разг.) [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс].

Примечательно, что его аналог в русском языке *брать* от праслав. **bъrati* [Фасмер 1986, электронный ресурс¹⁹] не является префиксальным, но при этом образует многочисленные производные глаголы, обозначающие более конкретные действия. Глагол *брать* порождает производные не только с помощью префиксации, но и посредством префиксально-суффиксального способа, значения которых в той или иной степени отличаются от значения исходного глагола: *подбирать, выбирать, набирать, забирать, отбирать, собирать, разбирать(ся), добирать(ся), избирать, убирать(ся), взбираться, вбираться, перебирать(ся)* и др.

Кроме того, глагол *брать* имеет производный совершенный вид *взять*, который является префиксальной формой от праслав. **jьtǫ: jęti*, от которого в том числе произошли *имѣти, имамь*, а также *възѣти, възъмѣ* [Фасмер 1986,

¹⁸ Τριανταφυλλίδης, Μ. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greeklanguage.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html (дата обращения: 23.11.2025).

¹⁹ Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 23.11.2025).

электронный ресурс]. Отсюда *взять, снять, изъять* и другие приставочные глаголы на *-нять/-ять (-емлю)*, как например *принять*. Примечательно, что употребление глагола *взять* в качестве совершенного вида глагола *брать* можно понять в корреляции этимологических гнезд **bher-* и **em-*, которые стали синонимичными в процессе исторических изменений [Пятаева 1969: 141]. Данное предположение легко подтверждается при исследовании этимологических гнезд, следуя историко-диахроническому подходу А.А. Потебни [Потебня 1958].

Кроме глагола *взять*, от праслав. **jьto: jęti* образуется глагол *принять* (приставка *при-* + *-нять*), который, несмотря на префиксальную структуру, чрезвычайно часто употребляется в разговорной речи. Это подтверждается Частотным словарём современного русского языка, где *принять* занимает 41-е место, опережая даже глагол *брать*, находящийся на 88-м месте [ЧССРЯ 2009, электронный ресурс²⁰].

Одной из самых характерных черт глагола *принять* является его активное участие во фразеологических сочетаниях (см. таблицу 9), где он нередко выражает значения, которые в других языках выражаются через глагол *брать*: *take a decision* (англ.) / *παίρνω απόφαση* (греч.) ‘принимать решение’; *take part* (англ.) / *παίρνω μέρος* (греч.) ‘принимать участие’. Более того, от глагола *принимать / принять* производятся новые глаголы путём префиксации, такие как: *предпринимать, воспринимать, допринимать* и др.

Его аналог в греческом языке *δέχομαι* [дэхоме] (диахроническое заимствование от древнегреческого), восходящий к индоевропейскому **dek-* ‘приспосабливаться, соответствовать’ [Μπαμπινιώτης 2010: 342], является **отложительным глаголом**. От глагола *δέχομαι* производятся глаголы, которые выражают более конкретные понятия, связанные с ним: *αποδέχομαι* [аподэхоме] ‘принимать то, что мне предложили’, *διαδέχομαι* [диадэхоме]

²⁰ Частотный словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 23.11.2025).

‘занять место кого-то как чего-то’, *αναδέχομαι* [анадэхоме] ‘брать ответственность, крестить кого-то’, *παραδέχομαι* [парадэхоме] ‘признаваться’, *ενδέχεται* [эндэхете] ‘возможно’ (безличный глагол), *υποδέχομαι* [иподэхоме] ‘приветствовать’, *καταδέχομαι* [катадэхоме] ‘соглашаться на что-либо ниже своего статуса’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс].

Схожая ситуация наблюдается с глаголом *λαμβάνω* [ламвано] ‘получать’, который восходит к индоевропейскому **sleg-* ‘хватать, брать’. Глагол *λαμβάνω* является диахроническим заимствованием из древнегреческого, в котором был очень широко употреблен благодаря его «двойному» первичному значению: ‘получать-брать’ и ‘получать-принимать’ [Liddell-Scott 2007, электронный ресурс]. От глагола *λαμβάνω* производятся самые разнообразные глаголы: *απολαμβάνω* [аполамвано] ‘наслаждаться’, *αναλαμβάνω* [аналамвано] ‘брать ответственность, приступать к чему-то’, *επαναλαμβάνω* [эпаналамвано] ‘повторять’, *καταλαμβάνω* [каталамвано] ‘господствовать, захватывать’, *μεταλαμβάνω* [металамвано] ‘принимать причастие в церкви’, *προλαμβάνω* [проламвано] ‘успевать’, *παραλαμβάνω* [параламвано] ‘получать, забирать’ и др.

Соответствующий ему глагол *получать* является более простым относительно своей словообразовательной производности, поскольку имеет малое количество производных глаголов, таких как *заполучать* и *недополучать*. Он сам является префиксным производным с добавлением *по-* от праслав. **lučiti* «лучить с первоначальным значением ‘смотреть за чем-либо, выжидать’, отсюда ‘метить, попадать, бросать, получать’» [Фасмер 1986, электронный ресурс]. В этимологическом словаре М. Фасмера дается ещё одно объяснение его происхождения, но оно не связанное с глаголом *получать*: «Праслав. **lōčiti*, первонач., вероятно, ‘гнуть, связывать’, получило в сложениях с приставками *отъ* (см. *отлучить*), **orz* знач. ‘разделять’; ср. лит. *lankýti, lankai* ‘посещать’, *lankioti* ‘обходить’, *lankiوتي* ‘гнуть, делать гибким’, лтш. *lūocīt, lūoku* ‘наклонять, направлять’» [Фасмер 1986, электронный ресурс]. Несмотря на всё вышесказанное, глагол *получать* является

достаточно частотным, занимая 22-е место и превосходя по этому показателю все глаголы в подгруппе ‘получение’ – *брать, принимать, принять, взять* [ЧССРЯ 2009, электронный ресурс].

В продолжение мы рассмотрим глагол *βγάζω* [вгазо] ‘вынимать, вытаскивать, вынести и др.’, который не очень далёк по значению от глагола *παίρνω*. Он коррелируется с глаголом *παίρνω* в значении ‘перемещаю что-то из закрытого, внутреннего в открытое, наружное место’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. Глагол *βγάζω* является производным глаголом и происходит от древнегреческого от *ἐκ-* ‘вы-’ + *βιβάζω* [вивазо] ‘поднимать, ставить’, который путем гаплогонии, т.е. выпадения слога *βι-*, стало *βάζω* [Μπαμπινιώτης 2010: 261]. В средневековом греческом отмечается форма *εβγάζω* [эвгазо] < *εκβάζω* [эквазо], которая является предпосылкой сегодняшнего *βγάζω*.

Его антоним *βάζω* [вазо] ‘ставить, класть’ в новогреческом языке не образует префиксальных глаголов, однако парадоксально он имеет несколько префиксальных вариантов. Это объясняется тем, что глагол *βάζω* наследовал все производные от своей предыдущей формы *βιβάζω* [вивазо] ‘поднимать, ставить’ путем гаплогонии: *ανεβάζω* [анэвазо] ‘поднимать’, *κατεβάζω* [катэвазо] ‘опускать, понижать’, *διαβάζω* [диавазо] ‘читать’ *εμβάζω* [эмвазо] ‘отправлять деньги кому-то по чеку’ и *βγάζω* [вгазо] ‘вынимать, вытаскивать, вынести и др.’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс].

Интересно, что по сравнению с древнегреческим, понятие ‘поднимать’ выражается в новогреческом с помощью производного глагола *ανεβάζω* из-за выхода из повседневного употребления производящего глагола *βιβάζω*. На самом деле глагол *βάζω* приобрёл сегодняшнее значение ‘ставить, класть, помещать’ благодаря использованию глагола-предка *βιβάζω* в значении ‘поднимать что-то над чем-то’ [Μπαμπινιώτης 2010: 250]. Несмотря на исчезновение *βιβάζω* из новогреческого, он оставил свой след в производных глаголах, где сохранилась его полная форма при семантическом ограничении в определенных областях (армейская, юридическая, логистическая и т.д.):

μεταβιβάζω [мэтавивазо] ‘донести’, *διαβιβάζω* [диавивазо] ‘передавать’, *συμβιβάζομαι* [симвививазомэ] ‘идти на компромисс’, *αποβιβάζω* [аповивазо] ‘высаживать’, *επιβιβάζομαι* [эпививазомэ] ‘вступать на борт’, *προβιβάζω* [провивазо] ‘продвигать по службе’, *υποβιβάζω* [иповивазо] ‘понижать’ и т.д. [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс].

Отмечаются также случаи употребления древнегреческого *βιβάζω* и новогреческого *βάζω* с одинаковыми приставками в разных значениях. Древнегреческий глагол имеет более специальное или узкое значение в то время, как второй имеет более общеупотребительное: например, *διαβιβάζω* [диавивазо] ‘передавать’ и *διαβάζω* [диавазо] ‘читать’ или *αναβιβάζω* [анавивазо] ‘переносить ударение на предыдущий слог’ и *ανεβάζω* [анэвазо] ‘поднимать’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. Словообразовательная модель глагола *βάζω* осложняется рядом факторов. Во-первых, на неё влияют семантические заимствования-кальки ‘emprunts’ из других языков. Так, например, глагол *συμβιβάζομαι* [симвививазомэ] ‘компрометировать’ восходит к французскому *compromise*. Во-вторых, определённые трудности связаны с вымиранием «кафаревусы» – консервативной разновидности греческого языка, что привело к использованию некоторых единиц из древнегреческого только в определенном стиле речи или дискурсе, например *διαβιβάζω* [диавивазо] ‘передавать’. Наконец, дополнительную сложность создаёт семантическая корреляция *βάζω* с древнегреческими глаголами *βαίνω* [вэно] ‘идти’ и *βάλλω* [вало] ‘бросать, метать’, которые оказали существенное влияние на его семантическое развитие [Μπαμπινιώτης 2010: 250].

В противоположность этому, в русском языке понятие глагола *βάζω* выражается глаголами *ставить* и *класть* в зависимости от того, помещается ли объект вертикально или горизонтально. Супплетивные пары данных глаголов представлены глаголами *стоять* и *лежать*, которые обозначают результат действия: *я ставлю книгу – она стоит; я кладу книгу – она лежит*. Основная разница между парами *ставить-класть* и *стоять-*

лежать заключается в оппозиции статики / динамики [Федюк 2011: 23], выражаемой также в грамматике через косвенное дополнение: «*во что, кого – куда?*» и «*в чем, ком – где?*».

Глагол *ставить* происходит от праслав. **stāvītī* [Фасмер 1986, электронный ресурс], восходящего к индоевропейскому корню **stāw-* ‘ставить’. От глагола *ставить* образуются многочисленные глаголы, в основном через префиксально-суффиксальный способ (-*влять*): *выставлять, заставлять, доставлять, поставлять, расставлять, переставлять, вставлять, представлять, приставлять* и др.; также образуется совершенный вид путём префиксации – *поставить*. Глагол *класть* от праслав. **klādō*, **klāstī*, *klādь* [Фасмер 1986, электронный ресурс] имеет также большое количество производных глаголов, образованных префиксально-суффиксальным способом (-*кладывать*): *выкладывать, закладывать, раскладывать, прикладывать, складывать, докладывать, перекладывать, вкладывать* и др.

Примечательно, что парный глагол *класть*, восходящий к индоевропейскому **klā-* ‘класть’ и к праслав. **ložiti* [Фасмер 1986, электронный ресурс], не употребляется в нормативном языке в форме -*ложить*. Здесь можно отметить аналогию с глаголом *βιβάζω*, исчезнувшим из греческого, но сохранившимся в производных формах. В русском языке такие производные обозначают совершенный вид: *приложить, выложить, заложить, доложить, вложить, сложить, разложить, переложить* и др.; также существует форма совершенного вида к глаголу *класть* – *положить*.

Здесь проявляется парадокс: глагольная основа -*ложить* является не только парной к глаголу *класть*, но и к глаголу -*лагать*. Глагольная основа -*лагать* употребляется в основном с приставками: *прилагать, полагать, предлагать, располагать, слагать* и т.д.; в современном русском языке форма *лагать* употребляется в жаргоне (из англ. *lag*) в значении ‘испытывать задержки’. Вопрос об этимологии глагола является достаточно сложным: глагольная основа -*лагать* «происходит из праслав. **lagati*, от кот. в числе

прочего произошли: ст.-слав. *вълагати*, русск. *налагать, полагать, слагать* и т. п.; укр. *полагати*, болг. *налагам*, сербохорв. *излагати, излажем* ‘выкладывать’. Итер²¹. от *ложить*, которое в свою очередь является кауз. от *лежать*» [Фасмер 1986, электронный ресурс].

Исходя из этого можно отметить, что глагольная основа *-ложить* соединяет очень интересным способом глаголы *класть* и глагольную основу *-лагать*, которые из-за совпадения формы их совершенного вида (что отмечается в большинстве случаев с производными глаголами) могут вызвать недоразумение в определении семантики: 1) «приложил усилия» в наст. время – *прилагаю усилия, а не прикладываю усилия*; 2) «сложил оружие» в наст. время – *слагаю оружие и складываю оружие* [Фёдоров 2008, электронный ресурс²²]; 3) «разложил семы» в наст. время – *разлагаю семы и раскладываю семы* и др.

Наконец, мы рассмотрим глаголы *δίνω* и *дать*. Глагол *δίνω* [дино] ‘дать’ происходит из древнегреческого *δίδομι* [дидоми] ‘дать’. В койне отмечается форма *δίδο* [дидо]. Все префиксальные глаголы образованы от глагола-предка *δίδο*, и иногда через *δίνω*: *παράδιδω* [парадидо] ‘доставлять, донести’, *μεταδίδο* [метадидо] ‘передавать’, *αποδίδο* [метадидо] ‘придавать’, *διαδίδο* [диадидо] ‘распространять, раздавать’, *ανταποδίδο* [антаподидо] ‘отвечать взаимностью’, *προδίδο* [продидо] ‘предавать’, *αναμεταδίδο* [анаметадидо] ‘(ре)транслировать’, *εκδίδο* [экдидо] ‘издавать’, *καταδίδο* [катадидо] ‘сдавать кого-то’ и т.д. Существуют также глаголы, образованные напрямую глаголом *δίνω*: *ξεδίνω* [ксэдино] ‘развлекаться’ *ξαναδίνω* [ксанадино] ‘пересдавать’.

Примечательно, что производные от *δίνω* почти тождественны русским: *передавать, отдавать, раздавать, выдавать, подавать(ся), сдавать(ся), вдаваться, придавать, задавать, предавать, издавать, преподавать* и др. Глагол *давать* является одним из самых употребительных глаголов русского

²¹ Итер. – итератив.

²² Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 23.11.2025).

языка и происходит от глагола *дать*, далее от праславянского **dātī*; **dājātī*; **dāvātī* [Фасмер 1986, электронный ресурс]. Вероятно, самое интересное в корреляции глаголов *дать* и *δίνω* – это их отношение к глаголам *дарить* и *δωρίζω* [доризо] ‘дарить’, что как отмечает Г. Мпампиниотис объясняется общим индоевропейским корнем **do-* [Μπαμπινιώτης 2010: 374].

Рассматривая словообразовательную производность глаголов в греческом и русском языках, можно отметить следующее: если в русском языке префиксальные производные от определённых глаголов например, *дать*, *брать*, *ставить* широко употребляются в разговорной речи, то в греческом их аналоги *παίρνω*, *δίνω*, *βάζω* используются либо только в определённых ситуациях и специальных стилях речи, либо вместо них предпочтительно употребляется сам производящий глагол. Как отмечает И.В. Тресорукова и др.: «утрата димотикой свободного использования приставок привела к выработке альтернативных механизмов смыслообразования» [Тресорукова и др. 2021: 81].

Данная ситуация не наблюдается в древнегреческом языке, где производные глаголы употребляются чаще, поскольку служат для обозначения более конкретных действий. Это подтверждает наш вывод о богатстве выражения значений по парадигматической оси в синтетических языках по сравнению с богатством выражения значений по синтагматической оси в аналитических (см. § 1.3.). Таким образом, можно понять характеристику русского языка как «могучего», которая частично объясняется данным предположением, а также осмыслить влияние аналитизма на современный греческий язык. Аналогичные выводы о корреляции синтетизма и деривационной детализации фиксируются в работах по морфологической и семантической типологии [Stump, Finkel 2013; Haspelmath & Michaelis 2017], где подчеркивается, что переход к более аналитическому способу выражения часто приводит к концентрации значений в меньшем количестве базовых глагольных единиц. Кроме того, этим объясняется и заблуждение о существовании явления «эврисемии», которая будто бы способна

продемонстрировать широту значений лишь на лексико-семантическом уровне, что, по всей видимости, является опровержимым фактом. В Приложении 2 предложены связи исследуемых русских и греческих глаголов.

2.2.2. Сравнение некоторых производных глаголов в греческом и русском языках: семантический сдвиг и отражение действительности

В этом параграфе мы сравним производные глаголы в греческом и русском языках, рассматривая их семантические сдвиги и внутреннюю форму, которая является отражением действительности. Под внутренней формой понимается «отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1998: 98]. Следует ещё раз подчеркнуть наш тезис о том, что словообразование определённого языка отражает действительность в менталитете народа, говорящего на этом языке, который выступает показателем культуры, а не следствием «широты значения». Этот аргумент подтверждается анализом производных глаголов и некоторых образованных от них существительных.

Значение ‘выделять, отбирать из многого (отдавая предпочтение лучшему, более нужному)’ [БТССРЯ 2008, электронный ресурс²³] в русском языке выражается глаголом *выбирать*, тогда как в греческом – глаголом *διαλέγω* [диалего] ‘выбирать’, образованным от *δια-* и *λέγω* ‘говорю, сказать’. При этом, в русском языке акцент делается на выборе нужного среди множества объектов, тогда как в греческом компонент *λέγω* ‘говорить, сказать’ указывает на иной аспект. Сюда относятся также производные глаголы: *избирать* – *εκλέγω* [эклего], *отбирать* – *επιλέγω* [эпилего].

Интересным является глагол *набирать* в значении ‘составлять из каких-либо знаков, цифр, отдельных частей’ [Ожегов 2025, электронный ресурс]. Его греческий эквивалент *πληκτρολογώ* [пликтролого] ‘печатать, набирать’

²³ Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 23.11.2025).

образован от слов *πλήκτρο* [пликтро] ‘клавиша’ и *-λογώ* (<λέγω) ‘говорить, сказать’, и представляет собой семантическую кальку с английского *keyboard* – *πληκτρολόγιο* [Мπαμπινιώτης 2010: 1118]. Глаголы *собирать* и *набирать* в значении ‘сводить воедино, сосредоточивать’ соответствуют греческому *μαζεύω* [мазево] ‘собирать’, происходящему от глагола эллинистического периода (койне) *ομαδεύω* [омадево] ‘группировать, собирать, сосредоточивать’ под влиянием синонима *μαζώνω* от *μάζα* [маза] ‘масса’ или паретимологического *μαζί* [мази] ‘вместе’ [Мπαμπινιώτης 2010: 805].

Значение ‘испытывать наслаждение от чего-либо’ [БТСРЯ 2008, электронный ресурс] в русском языке выражается глаголом *наслаждаться*, тогда как в греческом используется *απολαμβάνω* [аполамвано]. Русский глагол восходит к старославянскому *солодити*, связанному с праславянским *soldъ* и словами *солодкий*, *сладкий* [Фасмер 1986, электронный ресурс]. Его греческий аналог имеет иное происхождение: современное *απολαμβάνω* восходит к глаголу *απολαύω* [аполаво] ‘наслаждаться’, образованному от *από-* и *λαύω*, происходящего от индоевропейского корня **law-* ‘извлекать выгоду, наслаждаться выгодой’ [Мπαμπινιώτης 2010: 186]. От этого же корня образовано слово *ληστής* [листитис] ‘вор’.

Значение ‘чтение’ также различается в греческом и русском языках. В греческом языке *διαβάζω* [диавазо] ‘читать’ (глагол-предок – *διαβιβάζω* [диавивазо] ‘передавать’) связано с идеей ‘пробегать глазами, пролистывать’ [Мπαμπινιώτης 2010: 347]. В русском глагол *читать* восходит к индоевропейскому корню *(s)keit* ‘считать’, откуда также слова *чет*, *число*, *честь* [Семёнов 2003, электронный ресурс]. В древнерусском языке он употреблялся преимущественно с приставками: *прочитати*, *прочести*.

Значение ‘говорить или делать что-либо ещё раз’ выражается в русском языке глаголом *повторять* (от слова *второй*), а в греческом – *επαναλαμβάνω* ‘получать снова’, образованным от *επάν-* (*επί-* + *ανά-*) и *λαμβάνω* ‘получать’. Производное *καταλαβαίνω* [каталавэно] ‘понимать’ (<*καταλαμβάνω* ‘захватывать, господствовать’ в койне) демонстрирует переход от значения

‘схватывать’ к значению ‘постигать умом’, что характерно для многих языков (ср. *get* в англ., *begreifen*, *fassen* в нем.) [Μπαμπινιώτης 2010: 645]. В русском аналогично развился глагол *понимать* (от праславянского *jьmъ: jęti*), а также *воспринимать* и греческий *αντιλαμβάνομαι* [антиламваноме] ‘воспринимать’.

Производные глаголы от глагольной основы *-ложить* в русском имеют разнообразные аналоги в греческом языке. Их перевод осуществляется:

1. с помощью производящего глагола *βάζω* ‘класть, ставить’;
2. с помощью глаголов *βαίνω* [вэно] ‘идти’ и *βάλλω* [вало] ‘бросать, метать’, которые повлияли на семантическое развитие *βάζω*;
3. с помощью гиперонима *τίθημι* (<*θέτω*, *τοποθετώ*) ‘ставить, помещать’.

Интерес представляет пара *сложить* – *разложить* (от *-лагать*), соответствующая греческой *συνθέτω* – *αποσυνθέτω* от *θέτω*. Отсюда также термины *синтез* и *антитезис* в русском языке. Показательно, что в XVIII в. в русском языке активно употреблялось слово *сочинитель* как калька с греческого *συνθέτης* ‘составитель музыкальных произведений’, позже вытесненное словом *композитор* (< старофр. *composer*) [Каратаракис 2022: 602].

Аналогичным образом *предполагать* и *полагать* соотносятся с греческими *προϋποθέτω* и *υποθέτω*. Последний в древнегреческом означал буквально ‘класть под’ (*υπό-* + *θέτω*), а затем развил значение ‘принимать за основание рассуждения’, откуда возникла *υπόθεση* ‘гипотеза’ [Μπαμπινιώτης 2010: 1500]. Современный *προϋποθέτω* имеет значения: 1) ставить условие; 2) принимать как должное и исходить из этого [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. Русский *предполагать* частично калькирует нем. *voraussetzen* [Крылов 2005, электронный ресурс²⁴], а его совершенный вид *предположить* также употребляется в значении ‘выражать неуверенное

²⁴ Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 23.11.2025).

утверждение' [Ожегов 2025, электронный ресурс]. Таким образом, русский глагол охватывает значения двух греческих – *υποθέτω* и *προϋποθέτω*.

Глагол *откладывает* – *отложить* соответствует греческому *αναβάλλω* ‘откладывать’, образованному от *βάλλω* ‘бросать’. Другие производные от *βάλλω* имеют разную корреляцию с русскими: *διαβάλλω* ‘порочить, наговаривать’ дало существительное *διάβολος* ‘дьявол’. Русский *докладывает* – *доложить* ‘делать сообщение’ соответствует греческому *αναφέρω* ‘упомянуть, сообщать’ от *φέρω* ‘нести’.

Сходные корреляции наблюдаются у глагола *дать* и греческого *δίνω*, что объясняется общим индоевропейским корнем и влиянием старославянского *дати* (см. таблицу 1). Так, русское *передать* первоначально означало ‘передать’ (ср. *передать земле*), но затем приобрело значение ‘выдать врагу’ [Крылов 2005, электронный ресурс]. Его греческий аналог *προδίδω* образован сходным образом (*πρό-* + *δίδω*) и в древнегреческом означал ‘сдавать врагу заранее’ [Μπαμπινιώτης 2010: 1160].

Особый интерес представляют отглагольные существительные, связанные с производными глаголами, например: *ονοματοδοσία* ‘выбор имени’, *αιμοδοσία* ‘сдача крови’, *τροφοδοσία* ‘предоставление продуктов’, *μειοδοσία* ‘предложение самой низкой цены на аукционе’, *πλειοδοσία* ‘предложение самой высокой цены на аукционе’ и др.

Таблица 1. Отглагольные существительные от глаголов *дать* и *δίνω*

Отглагольное существительное	Значения		
Παράδοση [парадоси]	доставка (посылки, еды)	традиция	капитуляция (страны)
Επίδοση [эпидоси]	успехи (систематическое и частное занятие)	производительность (в экономике)	мощность (двигателя машины)
Απόδοση [аподоси]	эффективность работы (ученика) - успех	дословный перевод (текста)	передача (смысла)
Έκδοση [экдоси]	выпуск (книги)	выдача (ордера)	версия (программного обеспечения)

Μετάδοση [μεταδοσι]	трансляция (телепередачи)	передача (на радио)	распространение (инфекции)
Σдача	ρέστα (денег)	δόσιμο (отглагольное сущ.)	
Πодача	υποβολή (документов)	σερβίς (подача в теннисе)	
Ζαдача	πρόβλημα 'проблема'	δουλειά 'работа'	

Подводя итоги, отметим, что в данном параграфе мы рассмотрели лишь один аспект корреляций между русскими и греческими глаголами, проанализировав их в терминах «семантического сдвига» и «отражения действительности». Дальнейшее исследование может быть проведено в рамках историко-диахронического подхода, что позволит более полно раскрыть родственные, производные и синонимические связи глаголов в обоих языках. Очевидно, что «широта значения» не может рассматриваться как особое явление конкретного языка; напротив, она определяется функционированием языка в целом, который на протяжении своей истории претерпевал изменения в словообразовании и фонетике, что, в свою очередь, находит отражение в современной семантике. Учитывая сказанное, в следующем параграфе (§ 2.3.) будут рассмотрены семантико-синтаксические характеристики данных глаголов.

2.3. Семантико-синтаксические характеристики глаголов ЛСГ 'перемещение объекта'

Исследуемые глаголы, помимо словообразовательных связей, также характеризуются семантико-синтаксическими отношениями, проявляющимися в их семантической и синтаксической валентности (через актанты), а также в семантических ролях. **Актант** определяется как «любой член предложения, обозначающий лицо или предмет, участвующий в

процессе, выраженном глаголом» [ЛЭС 1990, электронный ресурс²⁵]. Основная причина использования данного термина вместо английского *argument* заключается в разграничении актантов на две группы – семантические и синтаксические, а также в устранении неоднозначности термина «аргумент» [Mel'čuk 2022]. В рамках семантической теории синтаксиса первые отражают элементы ситуации (субъект, объект, адресат и др.), вторые – члены предложения (подлежащее, дополнение и т. п.) [ЛЭС 1990, электронный ресурс].

Для более глубокого понимания понятий «семантический актант» и «синтаксический актант» необходимо обратиться к категориям **семантической** и **синтаксической валентности**. По Я. Г. Тестелцу, семантическая валентность – это «любая (несвязанная) переменная X, входящая в толкование (описание значения) лексемы L» [Тестелец 2001: 158]. Иными словами, если слово A описывает ситуацию, в которой обязательно присутствует участник X, то у данного слова есть семантическая валентность. Классический пример приводит Ю.Д. Апресян на материале глагола *арендовать*: «A арендует C значит, <...> что за вознаграждение D лицо A приобретает у лица B право на эксплуатацию недвижимой собственности C в течение времени T» [Апресян 1995: 120]. Таким образом, семантические актанты – это языковые выражения, называющие обязательных участников ситуации, то есть те, которые заполняют валентности предиката в предложении [Тестелец 2001: 160].

Синтаксическая валентность, в свою очередь, это свойство слова, определяющее, с какими другими словами или фразами оно может сочетаться. По Я.Г. Тестелцу, синтаксическая валентность – это «селективный признак, согласно которому лексема L может иметь в качестве вершины или

²⁵ Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 23.11.2025).

зависимого слово W (или составляющую категории C)» [Тестелец 2001: 162].

Данный «селективный признак» указывает:

- какие зависимые элементы лексема может присоединить (активная валентность), напр.: *Иван уходит* – глагол *уходит* требует подлежащее *Иван*;
- к какой вершине сама лексема может присоединиться как зависимый элемент (пассивная валентность), напр.: *пишет хорошо* – наречие *хорошо* выступает зависимым по отношению к глаголу *пишет*.

Соответственно, синтаксические актаны – это языковые выражения, которые заполняют активную валентность и соответствуют некоторой семантической валентности лексемы.

Определив данные категории, обратимся к понятию **семантических ролей** (θ -roles в генеративной традиции), неразрывно связанных с семантическими актантами. Семантические роли описывают соотношение между предикатом и его актантами [Gruber 1965; Fillmore 1971; Jackendoff 1972, 1983, 1990]. Они характеризуют семантические актаны, указывая на их роль в предикативной структуре. Подходы к их классификации разнообразны; в нашей работе мы ограничимся основными ролями:

1. **Агент (Agent):** одушевлённый инициатор действия (*Иван готовит еду*). Подтипы: деятель, движущийся элемент, посессор, каузатор.
2. **Экспериенцер (Experiencer):** одушевлённый участник, испытывающий психологическое или сенсорное состояние (*Иван чувствует себя плохо*).
3. **Тема (Theme):** объект, перемещающийся или локализованный в предикате (*Иван кинул камень*).
4. **Пациент (Patient):** участник, подвергающийся воздействию и изменяющийся в результате (*Иван бьёт Максима*).
5. **Источник (Source):** объект, откуда что-то перемещается (*Иван забрал тетрадь из школы*).

6. **Локация (Location):** место, в которое направлено действие; подтип роли цели (*Иван кладёт книгу на стол*).

7. **Получатель (Recipient):** участник, получающий объект от агента (*Иван дал книгу Андрею*).

8. **Стимул (Stimulus):** объект или лицо, вызывающее эмоциональное восприятие (*Иван боится собак*).

Существуют и другие роли (бенефициант, инструмент и др.), но они не рассматриваются в нашем исследовании.

Важно уточнить следующее:

1. роли **экспериенцера** и **стимула** реализуются преимущественно с глаголами восприятия и психического состояния (*видеть, бояться, чувствовать*). В выражении *давать развод* актант не является экспериенцером, так как глагол *давать* не обозначает психологического состояния;

2. **пациент** и **экспериенцер** не совпадают: в примере *Иван бьёт Максима – Максим* пациент, но не экспериенцер;

3. **получатель** и **пациент** также не должны смешиваться: в *Иван даёт удар Максиму – Максим* получатель, а не пациент, так как его роль определяется по отношению к глаголу *даёт*, а не по результату действия.

Для анализа взаимодействия актантов полезна концепция «**динамики силы глагольного направления**»²⁶ ‘force dynamics’, по L. Talmy [Talmy 2000: 409]). L. Talmy описывает распределение энергии между участниками. Так, в примере *я кидаю бумагу кому-то* действие переходит от агента «я» к получателю «кому-то». В примере *я держу мяч* субъект препятствует движению объекта, реализуя другую динамику силы.

C. Brugman показывает, что глаголы систематически связаны с так называемыми семантически опустошёнными конструкциями, отражающими

²⁶ Перевод наш.

поток энергии ‘energy flow’. Источником энергии выступает субъект, а её получателем – пациент ‘affected patient’ [цит. по Θώμου 2006: 134].

В настоящем исследовании концепция «динамики силы глагольного направления» применяется лишь частично. Тем не менее её результаты подтверждают полисемию единиц, участвующих в семантически опустошённых конструкциях. Таким образом, при сопоставлении глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ выявляются как сходства, так и различия их значений и функционирования в контексте, что *ipso facto* подтверждает их полисемию.

В заключение представлены схематические семантико-синтаксические характеристики глаголов (см. таблицу 2), выявленные валентностным анализом. Для обозначения лексических единиц на языковом уровне используются переменные X, Y, Z, соответствующие субъекту (подлежащему), прямому и косвенному объекту (см. таблицу 3). Дополнительно применяется обозначение ART = артикль (определённый / неопределённый).

Таблица 2. Корреляция синтаксических позиции и семантических ролей

Обычная синтаксическая позиция (но не стандартная)	Семантические роли			
Косвенное дополнение (куда, где, чему, кому?)	Цель			
	Локация	Получатель		
Подлежащее (кто, что?)	Агент	Экспериментер	Получатель	
Прямое дополнение (кого, что?)	Тема		Пациент	Стимул
Косвенное дополнение (откуда, от/из/с/у чего, от/с/из/у кого?)	Источник			

Таблица 3. Схематические семантико-синтаксические характеристики глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

1. X – получатель/ агент 2. Y – тема 3. Z – источник	Подгруппа ‘получение’	Брать	Принимать	Получать	Общая структура: X – Y от/из/с/у Z-род. 1. от/из/с/у Z-род. 2. ART Z-вин.
		X берет Y от/из/с/у Z-род.	X принимает Y от/из/с/у Z-род.	X получает Y от/из/с/у с Z-род.	
		Παίρνω	Λέχομαι	Λαμβάνω	
		X παίρνει Y από ²⁷ ART Z-αιτ. ²⁸ .	X δέχεται Y από ART Z-αιτ.	X λαμβάνει Y από ART Z-αιτ.	
1. X – агент 2. Y – тема 3. Z – локация	Подгруппа ‘размещение (в пространстве)’	Ставить	Класть	Βάζω	Общая структура: X - Y в/на Z-вин.
		X ставит Y в/на Z-вин.	X кладет Y в/на Z-вин.	X βάζει Y σε ²⁹ ART Z-αιτ.	
1. X – агент 2. Y – тема 3. Z – локация / получатель	Подгруппа ‘передача’	Δίνω	Давать	Общая структура:	
		X δίνει Y σε ART Z-αιτ.	X дает Y Z-дат.	X - Y - Z 1. Z-дат. 2. ART Z-вин.	
1. X – агент 2. Y – тема 3. Z – источник	Подгруппа ‘извлечение’	Βγάζω	Вывести (вывести), вытаскивать, вынимать и т.д.*	Общая структура:	
		X βγάζει Y από ART Z-αιτ.	X вынимает Y от/из/с/у Z-род.	X - Y - Z 1. от/из/с/у с Z-род. 2. ART Z-вин.	

²⁷ από = предлог, показывающий движения. Аналогами в русском языке могут служить: от, из, с, у.

²⁸ αιτ. ‘αιτιατική’ = винительный падеж.

²⁹ σε = предлог, показывающий движения. Аналогами в русском языке могут служить: в, на, к.

2.3.1. Корпусный анализ: частотность и дистрибуция глаголов ЛСГ 'перемещение объекта'

В данном параграфе корпусный анализ используется для уточнения функциональной нагрузки исследуемых глаголов ЛСГ 'перемещение объекта' в греческом и русском языках. На теоретическом уровне корреляция характеристик обобщённости значения, широкой сочетаемости, широкой референции и высокой частотности была уточнена в § 1.4. Было показано, что обобщённость значения создаёт условия для широкой сочетаемости, которая расширяет сферу употребления глагола, а частотность фиксирует степень его функциональной активности в речи. Соответственно, согласно закону обратного отношения объёма и содержания понятия (см. стр. 48), расширение сочетаемости связано с большей степенью семантической обобщённости и широкой референцией.

На практическом уровне данное положение проверяется корпусным анализом частотности и дистрибуции исследуемых глаголов на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Национального тезауруса греческого языка (НТГЯ) и далее подтверждается семантическим, сочетаемостным и контекстным анализом в каждой подгруппе в сопоставительном аспекте (§ 2.3.2, § 2.3.3, § 2.3.4 и § 2.3.5). На данном этапе представляется необходимым уточнить употребление слова «широкий» в терминах «широкая сочетаемость» и «широкое употребление», значение данного прилагательного рассматривается в двух аспектах: внутриязыковом и межъязыковом. Во внутриязыковом аспекте лексическая единица определяется как «широкая» по отношению к другим, более «узким» лексическим единицам внутри одной ЛСГ определенного языка, с учётом выявленных теоретических положений об обобщённом значении и результатов предшествующих исследований. В межъязыковом аспекте «широта» устанавливается при сопоставлении единиц греческого и русского

языков, когда одна единица покрывает более широкий круг употреблений, чем её ближайшее соответствие в другом языке.

Основная задача заключается в том, чтобы в первую очередь показать более частотный характер некоторых глаголов в греческом языке (*παίρνω*, *δίνω*, *βάζω**, *βγάζω*) по сравнению со своими русскими аналогами (*брать*, *дать*, *ставить*, *класть*), а также менее частотный характер глаголов (*λαμβάνω*, *δέχομαι*) по сравнению с глаголами (*получать*, *принимать*) в русском. С этой целью проводится анализ нормализованной частотности (IPM) на материале Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и Национального тезауруса греческого языка [НТГЯ]. В НКРЯ показатели IPM представлены автоматически. В НТГЯ частотность приводится в промилле (‰), поэтому для приведения данных к сопоставимому формату используется формула: $IPM = f\text{‰} \times 1000$. Для русских соответствий дополнительно рассчитывается совокупный показатель нормализованной частотности видовой пары: *брать* / *взять*, *давать* / *дать*, *получать* / *получить*, *принимать* / *принять*, *ставить* / *поставить*, *класть* / *положить*.

Таблица 4. Частотность глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Греческая лемма	IPM	Русская лемма	Вид	IPM	Суммарный IPM (СВ-НСВ)
<i>δίνω</i>	1297,4	<i>давать</i>	НСВ	516,19	1246,72
		<i>дать</i>	СВ	730,53	
<i>παίρνω</i>	898,00	<i>брать</i>	НСВ	225,60	833,40
		<i>взять</i>	СВ	607,80	
<i>δέχομαι</i>	251,40	<i>принимать</i>	НСВ	233,98	619,90
		<i>принять</i>	СВ	385,92	
<i>λαμβάνω</i>	431,50	<i>получать</i>	НСВ	180,53	733,42
		<i>получить</i>	СВ	552,89	
<i>βάζω</i>	363,20	<i>ставить</i>	НСВ	142,41	403,03
		<i>поставить</i>	СВ	260,62	
		<i>класть</i>	НСВ	40,64	223,99
		<i>положить</i>	СВ	183,35	
<i>βγάζω</i>	198,70	—	—	—	

Полученные данные показывают, что греческие *δίνω* и *παίρνω* имеют более высокую нормализованную частотность по сравнению с

соответствующими русскими видовыми парами. Напротив, у *λαμβάνω* и *δέχομαι* более высокая совокупная частотность наблюдается у их аналогов *получать (получить)* и *принимать (принять)* в русском языке. Особый случай представляет *βάζω**: его IPМ ниже совокупной частотности пары *ставить / поставить*, но выше показателя пары *класть / положить*. Поэтому в отношении *βάζω* речь идет не о прямом частотном превосходстве, а о более широкой дистрибуции: одна греческая лемма покрывает значения, которые в русском языке распределяются между несколькими глаголами. Данный аргумент будет подержан в параграфе § 2.3.3 и продемонстрирован ниже, где будет проведен дистрибутивный анализ.

Дистрибутивный анализ проводится с целью выявления того, в каких контекстах и конструкциях реализуются исследуемые глаголы. В отличие от частотного анализа, который фиксирует количество употреблений единицы в корпусе, дистрибутивный анализ направлен на описание распределения глагола по типам сочетаемости и контекстам. На первом этапе формируется корпусная выборка. Для каждого исследуемого глагола отбиралось до 150 случайных корпусных употреблений (в русском языке были выбраны 75 случайных употреблений НСВ и 75 СВ) соответствующих лемм из Национального корпуса русского языка и Национального тезауруса греческого языка в парах «глагол + существительное в винительном падеже³⁰» с расстоянием между компонентами не более двух слов³¹. Такой объём выборки позволяет выявить наиболее регулярные типы контекстов, в которых функционирует глагол, и избежать опоры на единичные иллюстративные примеры.

На втором этапе каждое употребление вводится в таблицу Excel и размечается по нескольким параметрам. Фиксируются: порядковый номер

³⁰ В НКРЯ выбраны параметры винительный и винительный 2, поскольку отличаются параметрами одушевленности\неодушевленности.

³¹ Такой принцип отбора вводится, поскольку в греческом языке между глаголом и объектом могут располагаться артикли, клитики, количественные элементы или краткие определения. Не учет артикля мог означать большое количество идиоматических\ фразеологических сочетаний в греческом.

примера, корпусный контекст, конкретная глагольная форма, представленная в тексте, синтаксическая конструкция, объект, формальный тип объекта, семантический класс объекта, тип контекстной реализации значения, тип употребления и переводное соответствие. Синтаксическая конструкция определяется на основе характеристик, выделенных в параграфе § 2.3: *V + Obj*, *V + Obj + Src*, *V + Obj + Loc*, *V + Obj + Adr*, *V + Obj + Pred* и *V + Obj + Subj*. Причастия и деепричастия, а также формы страдательного залога исследуемых глаголов исключаются из данной разметки. Центральной для анализа является объектная позиция, то есть позиция прямого дополнения в активной конструкции. Для целей разметки фиксируется не вся именная группа, но только существительное. Артикли, определения, количественные модификаторы, предложные группы и другие зависимые элементы не включаются в объект. Далее объект классифицируется по семантическому классу. В разметке используются три основных класса: **конкретное**, **одушевлённое**³², **абстрактное**. К конкретным объектам относятся предметные, вещественные и физически воспринимаемые сущности; к одушевлённым — лица, группы лиц и местоименные объекты, соотносимые с живым участником ситуации; к абстрактным — ментальные, речевые, эмоциональные, временные, событийные и результативные сущности. При классификации учитывается не только форма объекта, но и его значение в конкретном контексте.

Следующий параметр – тип контекстной реализации значения. Он устанавливается на основании ближайшего лексического окружения глагола, характера объекта, синтаксической конструкции и общего смысла предложения. В разметке могут выделяться такие типовые контексты, как пространственное перемещение, извлечение объекта, размещение, передача, получение, создание, изменение состояния, придание свойства и др. Отдельно фиксируется тип употребления: **буквальное**, **метафорическое** или

³² Метка одушевленное относится лишь к людям, животным, насекомым и т.п.

идиоматическое. Буквальными считаются случаи, в которых значение глагола связано с физическим действием, перемещением, извлечением, удалением, снятием, получением или производством объекта. Метафорическими считаются случаи, в которых сохраняется общая семантическая схема действия, но она переносится на абстрактную, социальную, ментальную или оценочную сферу. Идиоматическими считаются устойчивые сочетания, значение которых не выводится полностью из значения отдельных компонентов, то есть идиомы в понимании И. А. Мельчука [Mel'čuk 2012, 2023]. Далее устанавливается переводное соответствие. В таблице фиксируется не буквальный перевод глагола, а контекстуально адекватный эквивалент в сопоставляемом языке. При выборе соответствия учитываются объект, словосочетание, синтаксическая конструкция и общий смысл предложения. Переводные соответствия анализируются также в соответствующих параграфах (см § 2.2, § 2.3, § 2.4 и § 2.5).

На третьем этапе результаты разметки подсчитываются и интерпретируются. Для каждого исследуемого глагола устанавливается: какие синтаксические конструкции представлены в выборке; какие семантические классы объектов регулярно заполняют объектную позицию; какие типы контекстной реализации значения являются наиболее продуктивными; как распределяются буквальные, метафорические и идиоматические употребления; а также каким глаголам и устойчивым выражениям сопоставляемого языка соответствует данная лемма. В работе разграничиваются два уровня количественного анализа. Первый уровень направлен на выявление числа уникальных глагольных соответствий и используется как показатель переводной широты исследуемой леммы. Вторым уровнем связан с анализом распределения этих соответствий в пределах выборки и позволяет оценить степень концентрации или, напротив, распределённости переводных решений. Если одна лемма в языке А регулярно соответствует нескольким глагольным лексемам или устойчивым выражениям

языка Б, это рассматривается как показатель более широкого дистрибутивного охвата данной леммы, который далее уточняется в семантическом и контекстном анализе.

Следует отметить, что для обработки материала использовалась автоматическая разметка с применением языка программирования Python и инструментов NLP. Программный код применялся для предварительного уточнения выделенных критериев, а также для последующего подсчёта распределения параметров. Автоматическая разметка использовалась не как самостоятельный источник интерпретации, а как технический инструмент предварительной обработки и систематизации материала. Все результаты проверялись вручную с учётом заданных параметров. Полные материалы корпусного анализа размещены в открытом научном репозитории Zenodo [Karatarakis 2026, электронный ресурс³³]. В основном тексте диссертации приводятся итоговые данные количественного анализа (см. таблицу 5-6) в последующих таблицах:

Таблица 5. Первый уровень: переводная широта. Доля от общего числа уникальных глагольных соответствий и типов контекста

Лемма / видовая пара	Доля		
βγάζω	26,0%	давать/дать	4,9%
βάζω	24,0%	δέχομαι	3,7%
δίνω	11,0%	класть/положить	3,7%
παίρνω	7,3%	λαμβάνω	2,8%
брать/взять	6,1%	получать/получить	2,4%
принимать/принять	5,7%	ставить/поставить	2,4%

³³ Karatarakis, N. Дистрибутивный анализ глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках на материале корпусов / Distributive Analysis of Verbs of the Lexico-Semantic Group ‘Object Movement’ in Greek and Russian Based on Corpus Data [Data set] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zenodo.org/records/20101792> (дата обращения: 10.05.2026).

Таблица 6. Второй уровень: распределённость переводных решений

Лемма / видовая пара	Всего токенов соответствий	Уникальных глагольных типов	Эффективное N
βγάζω	234	68	23,12
βάζω	222	59	15,32
δίνω	215	33	6,07
παίρνω	296	23	5,35
принимать/принять	201	14	5,14
λαμβάνω	277	13	4,64
δέχομαι	346	13	3,87
ставить/поставить	281	6	2,81
получать/получить	321	6	2,54
класть/положить	274	9	2,43
давать/дать	207	19	2,27
брать/взять	187	16	2,01

Полученные данные в целом подтверждают предположение о более широкой функциональной нагрузке ряда греческих глаголов, прежде всего *βγάζω* и *βάζω*. Эти леммы лидируют как по числу уникальных глагольных соответствий, так и по показателю эффективного N, что свидетельствует не только о большом количестве переводных вариантов, но и об их относительной распределённости внутри выборки. *δίνω* и *παίρνω* демонстрируют более умеренные показатели, однако также подтверждают более широкий охват по сравнению с ближайшими русскими соответствиями. *δέχομαι* не превосходит свое русское соответствие *принимать/принять* в обоих анализах. *Λαμβάνω* превосходит свой аналог *получать/получить* по некоторым параметрам. Кроме того, у некоторых русских пар, особенно *давать/дать*, наблюдается расхождение между числом формально выявленных типов и низким эффективным N, что указывает на концентрацию переводных решений вокруг нескольких доминирующих вариантов. Поэтому полученные результаты следует рассматривать не как абсолютное доказательство, а как количественный показатель, который далее уточняется семантическим и контекстным анализом.

2.3.2. Сопоставительный анализ глаголов подгруппы ‘получение’ в греческом и русском языках

Глаголы подгруппы ‘получение’ в греческом и русском языках являются частотными в разговорной речи. В греческом языке наиболее употребительным является глагол *παίρνω* (30 719 вхождений), далее *λαμβάνω* (13 956) и реже *δέχομαι* (5 804). Данные о частоте взяты из Корпуса греческого языка [КГЯ]. В Национальном тезаурусе греческого языка *παίρνω* имеет (75 093 вхождений), *λαμβάνω* (36 950) и *δέχομαι* только (19 690) [НТГЯ]. Согласно частотному словарю современного русского языка, самым употребительным является глагол *получить* (22-е место), затем *взять* (25-е), *принять* (41-е) и реже *принимать* (100-е) [ЧССРЯ 2009, электронный ресурс]. Эти данные подтверждаются также Национальным корпусом русского языка, однако с некоторыми различиями: *взять* оказывается более частотным, чем *получить*: *взять* – 236 509 вхождений, *брать* – 87 909; *принять* – 149 374, *принимать* – 90 959; *получить* – 215 227, *получать* – 70 311 [НКРЯ]. Основное различие между греческими и русскими глаголами – это относительно низкая частотность *δέχομαι*.

Можно выдвинуть следующее предположение: исследуемые глаголы подгруппы ‘получение’, как и глаголы других ЛСГ в греческом языке, имеют более широкую сферу употребления, чем в русском. Это связано не с наличием в греческом «широкозначных единиц», а с тем, что русский язык, как яркий представитель синтетизма, предпочитает конкретные единицы для выражения более узких понятий. Наблюдаемая синтагматическая организация греческого языка хорошо согласуется с выводами А. Alexiadou, которая показывает, что относительная свобода порядка слов в новогреческом обусловлена развитыми механизмами согласования и сложной структурой глагольной группы [Alexiadou 1999]. Показателями данного предположения являются: высокая частотность, обобщённость значения, широкая сочетаемость и широкая референция. Исключение составляют глаголы *δέχομαι* и *λαμβάνω*.

Дополнительный аргумент можно увидеть во фразеологии: если принять тезис И.А. Мельчука и Л.Н. Иорданской, что «люди говорят не словами, а фраземами», т.е. устойчивыми словосочетаниями [Иорданская, Мельчук 2007: 218], то исследуемые единицы действительно демонстрируют широкое употребление в повседневной, разговорной речи.

Здесь важно уточнить два момента.

1. Все глаголы получают конкретизацию в зависимости от контекста, который уточняет их значение. По Л.А. Новикову, вторичные значения «включают в себя семантическое содержание исходного немаркированного ЛСВ в качестве идентификатора плюс отличительные признаки (семы), выступающие как конкретизаторы содержания вторичного ЛСВ» [Новиков 2001а: 531]. Например, в предложении *я беру книгу из магазина* глагол *брать* может означать либо *покупать*, либо *красть* в зависимости от намерения субъекта. Подобные выводы, вероятно, можно считать универсальными: они свойственны всем языкам и зависят скорее от прагматики, чем от семантики, поэтому не объясняют, почему в русском в ряде случаев предпочитается иной глагол.

2. Наличие в русском языке конкретных лексем не свидетельствует об их семантической нередуцируемости к более абстрактным уровням выражения. Так, в предложении *я беру детей с собой* возможно заменить *беру* на *забираю*. Основное различие заключается в стремлении русского языка к устранению неоднозначности и точной передаче смысла.

Исходя из вышеизложенного, в дальнейшей работе применяются семантический, корпусный, дистрибутивный, валентностный и контекстный анализ, чтобы подтвердить данное предположение. Начнём с глагола *παίρω* [пэ́рно] ‘брать’ и его соответствия *брать*.

Глаголы *брать* и *παίρω* имеют почти одинаковые значения (см. таблицу 7). Основное различие заключается в том, что глагол *παίρω* реализует больше значений синтагматически, что можно проследить в словаре:

Таблица 7. Словарные дефиниции глаголов *брать* и *παίρω*

<i>Брать</i> (толкования по БТССРГ)	<i>Παίρω</i> (толкования по словарю М. Триантафиллидиса)
Касаться, схватывать, захватывать руками или иным способом.	I. Предметные значения (вещи, средства)
Собирать, захватывая рукой или орудием.	Брать, хватать предмет рукой (для использования, удержания, переноса, перемещения, еды/питья, приёма веществ).
Выбирать, отбирать необходимое из ряда объектов или фактов.	Приобретать, получать в собственность или владение (покупать, получать, зарабатывать, присваивать, завоёвывать).
Достигать цели или успеха благодаря качествам или обстоятельствам.	Пользоваться транспортным средством для передвижения.
Использовать за плату, брать во временное пользование (напрокат).	II. Значения, относящиеся к лицам
Получать в своё обладание или пользование.	Иметь кого-то с собой, забирать человека, сопровождать.
Добывать, получать в результате разработок, раскопок и т. п.	Принимать на работу, нанимать.
Принимать с определённой целью или обязательством.	Жениться, вступать в брак.
Получать во временное пользование за плату.	III. Контекстно-зависимые и аналитические употребления
Принудительно изымать, заставлять уплатить.	Образовывать перифрастические сочетания с существительным (выполнять действие, выраженное существительным).
Получать плату в определённом размере.	Заболеть, заразиться, подхватывать.
Отнимать, захватывать силой в ходе борьбы или войны.	Измерять величину с помощью прибора.
Захватывать силой или хитростью.	Улавливать органами чувств случайно, мимолётно.
Приобретать за деньги.	Фиксироваться устройством записи или наблюдения.
Брать внаём, арендовать.	Следовать направлению, пути, маршруту.

Получать плату за выполненную работу или изготовленную вещь.	Быть унесённым или захваченным природной силой.
Овладевать человеком, вызывать определённое эмоциональное состояние.	Вмещать, иметь вместимость.
	IV. Разговорные и переносные значения
	Понимать, воспринимать, усваивать информацию.
	Принимать за кого-то или что-то, интерпретировать, считать.
	Попадать, задевать; ранить, травмировать.
	Брать на себя ответственность, обязанность.
	Побеждать, выигрывать.
	Производить родоразрешение (мед.).
	Быть изъятым, поглощённым (о пространстве, территории).
	Образовывать перифрастические сочетания с существительным (выполнять действие, выраженное существительным).
Заболевать, заражаться, подхватывать.	

Ядерная конструкция $X \text{ παίρνει } Z \text{ από } \text{ART } Y\text{-вин.}$ в греческом языке соответствует четырём возможным конструкциям в русском:

1. $X \text{ берёт } Z \text{ от } Y\text{-род.}$
2. $X \text{ берёт } Z \text{ с } Y\text{-род.}$
3. $X \text{ берёт } Z \text{ из } Y\text{-род.}$
4. $X \text{ берёт } Z \text{ у } Y\text{-род.}$

Различия между конструкциями *брать* и *παίρω* связаны с особенностями русского языка, где тип пространственных или логических отношений выражается предлогами *от*, *с*, *из*, *у* в зависимости от референта объекта *Z*. Аналогичное различие отмечается и в других случаях с предлогами *к*, *в*, *на* и греч. *σε*.

В конструкции X *παίρνει* Z *από* ART Y-*вин.* в греческом используется *παίρνω*, тогда как в русском – чаще *забирать* или *подбирать*, либо более общее *брать*:

1. *забирать* – когда речь идёт о присвоении;
2. *подбирать* – когда акцент на поднятии.

Например: *Ο Ιβάν παίρνει την μπλούζα από το πάτωμα* ‘Иван берёт футболку с пола’ может передаваться как *Иван подбирает футболку с пола*, *Иван забирает футболку с пола* и *Иван берет футболку с пола* – в зависимости от нюанса. В греческом во всех случаях используется *παίρνω*.

Однако существуют ситуации, где *брать* в русском не подходит. Так, *Ο Νίκος παίρνει τα παιδιά από το σχολείο* переводится только как *Никос забирает детей из школы*, а не *берёт*. То же и в: *εμείς παίρνουμε τον φίλο μας από το μαγαζί* – *мы забираем друга из магазина*.

Кроме того, *παίρνω* в ряде контекстов заменяется глаголами *отобрать* и *убирать*, но с добавлением нужного наречия:

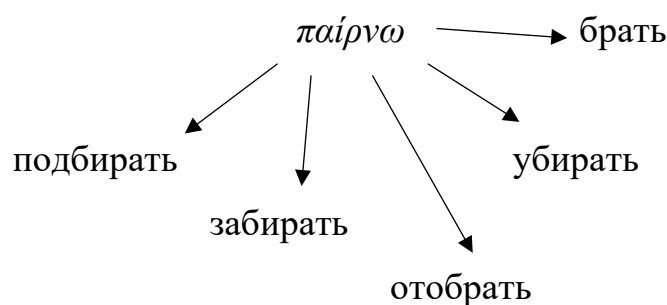
- *отобрать* – если взять обратно ранее данное: *η γυναίκα отбирает детей у своего бывшего мужа* ‘η γυναίκα παίρνει πίσω τα παιδιά από τον πρώην άντρα της’;
- *убирать* – если уносим предмет подальше: *убирает стакан со стола* ‘παίρνω μακριά το ποτήρι από το τραπέζι’.

Здесь можно отметить два взаимосвязанных факта: 1) словосочетание *παίρνω μακριά* в вышесказанном предложении коррелирует с глаголом *βγάζω* ‘вынимать, вытаскивать, вынести и др.’, а также с глаголом *αφαιρώ* ‘уносить’, который не очень часто замечается в разговорной речи, хотя с точностью выражает это значение; 2) словосочетание *παίρνω μακριά*, а также *παίρνω πίσω* – это и есть продукт аналитизации языка, так как была расширена сочетаемость глагола *παίρνω* (которая не была широкой в древнегреческом языке) за счёт добавления наречий.

Итак, *παίρνω* является более семантически «компактным» по сравнению с русским *брать*, так как в греческом нет необходимости заменять его другими

глаголами для выражения конкретных значений (см. рисунок 4). Это объясняет его более широкое и частотное употребление: он постоянно появляется в речи, уточняя значения через контекст и сочетаемость. Последнее объясняется типологическими характеристиками греческого, а не понятием эврисемии.

Рисунок 4. Соответствие греческого и русских глаголов

В продолжение нашего диссертационного исследования рассмотрим глаголы *λαμβάνω* и *получать*. Данные глаголы семантически являются почти идентичными (см. таблицу 8):

Таблица 8. Словарные дефиниции глаголов *получать* и *λαμβάνω*

<i>Получать</i> (толкования по БТСРГ)	<i>Λαμβάνω</i> (толкования по словарю М. Триантафиллидиса)
Получать разрешение, согласие, санкцию.	Получать, принимать что-либо от кого-либо; быть получателем.
Брать то, что вручается, выдается или присылается.	В сочетании с различными существительными образовывать перифрастические конструкции, эквивалентные по значению соответствующему глаголу.
Становиться обладателем чего-либо предоставляемого или присуждаемого.	
Подвергаться воздействию; становиться объектом обучения, воспитания и т. п.	
Принимать на себя поручение, обязанность, задание.	
Получать разрешение, согласие, санкцию.	

Все представленные значения глагола *получать* восходят к двум значениям глагола *λαμβάνω*, что связано с греческой лексикографией, в

которой предпочитается выделять в качестве толкования в словаре блоки значений, в том числе синтагматическое обусловленное значение и фразеологическое значение.

Основное различие между ними заключается в том, что если в русском языке *получать* является одним из самых употребительных глаголов, то в греческом языке наблюдается его постепенное вытеснение из активного употребления или, по крайней мере, его ограничение. Этот факт фиксируется в словаре средневековой народной греческой литературы Э. Криараса [Κριαράς 1985, электронный ресурс³⁴], где глагол *λαμβάνω* имеет больше 33 значений, тогда как в словаре новогреческого языка М. Триандафилидиса – только два [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс].

Примечательно, что в древнегреческом языке глагол *λαμβάνω* был общеупотребительным и имел двойное значение: ‘получать-брать’ и ‘получать-принимать’ [Liddell-Scott 2007, электронный ресурс]. Однако в результате языковых изменений последних столетий, кульминацией которых стал XX век с его острой проблемой разделения письменного литературного и разговорного греческого языка [Χρηστίδης 2005, 2014; Horrocks 2010: 467], употребление глагола *λαμβάνω* заметно сократилось. Его основным аналогом стал глагол *παίρνω*, который не только присвоил себе фразеологические сочетания (далее – коллокации в смысле полуфраземы [Mel’čuk 2012, 2022, 2023]) с глаголом *λαμβάνω*, но и частично получил его значения. В результате *λαμβάνω* употребляется преимущественно в официально-деловом стиле (в частности, в политическом дискурсе), чаще в форме прошедшего времени *έλαβα*.

Глагол *παίρνω* выступает как его доминирующий аналог преимущественно в свободных словосочетаниях с ядерной конструкцией: *λαμβάνω γράμμα από τον Νίκο* → *παίρνω γράμμα από τον Νίκο* ‘я получаю письмо

³⁴ Κριαράς, Ε. Επίτομο λεξικό της μεσαιωνικής ελληνικής δημόδους γραμματείας (1100–1669) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greek-language.gr/greekLang/medieval_greek/kriaras/search.html?lq= (дата обращения: 23.11.2025).

от Νικосα', *λαμβάνω χρήματα από τη δουλειά* → *παίρνω χρήματα απ'τη δουλειά* 'получаю деньги с работы', *λαμβάνω μήνυμα* → *παίρνω μήνυμα* 'получаю сообщение' и т.д. Более наглядно глагол *παίρνω* выступает как доминирующий аналог во фразеологии современного греческого языка: *λαμβάνω την απόφαση* → *παίρνω την απόφαση* 'принимаю решение', *λαμβάνω μέτρα* → *παίρνω μέτρα* 'принимаю меры', *λαμβάνει διαστάσεις* → *παίρνει διαστάσεις* 'приобретает масштабы', *λαμβάνω υπόψη* → *παίρνω υπόψη* 'учитываю', *λαμβάνω διαταγές* → *παίρνω διαταγές* 'принимаю приказы', *λαμβάνω ευχαρίστηση* → *παίρνω ευχαρίστηση* 'получаю удовольствие' и т.д.

Интересно, что, хотя глагол *παίρνω* выступает в значениях глагола *λαμβάνω*, не наблюдается обратный процесс: *παίρνω τσιγάρα από το περίπτερο* ^{→35} *λαμβάνω τσιγάρα από το περίπτερο* 'беру сигареты из киоска', *παίρνω καινούργιο υπολογιστή* \neg *λαμβάνω καινούργιο υπολογιστή* 'беру новый компьютер'. Возможное совпадение *παίρνω* и *λαμβάνω* происходит при использовании производного глагола *λαμβάνω* – *παραλαμβάνω*, означающего 'брать что-то, что принадлежит мне; брать что-то, что мне доставили' [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]: *Ο Νίκος παίρνει τα παιδιά από το σχολείο* 'Νίκος берет детей из школы' → *Ο Νίκος παραλαμβάνει τα παιδιά από το σχολείο*. Таким образом, ещё раз подтверждается широкое употребление глагола *παίρνω*, который является доминирующим «перифразатором» в греческом языке. Фактически, единственное значение, которое сохраняет *λαμβάνω* и не делит с глаголом *παίρνω* является 'воспринимать на слух (по радио, телеграфу, телефону)' в контексте радиокommunikации: *Με λαμβάνεις;* 'Ты меня слышишь?'

Итак, согласно вышесказанному, мы считаем, что ослабление семантики глагола *λαμβάνω* стимулировало развитие глагола *παίρνω*, в результате чего были определены обстоятельства их использования в разных стилях речи. Данный аргумент доказывается, если мы рассмотрим употребление глагола

³⁵ знак отрицания, противоположное знаку тождественности.

λαμβάνω в официально-деловой и публицистической речи, в которой он имеет более широкое употребление, чем *παίρνω*. Возможно, также, что более частотное употребление глагола *παίρνω* является результатом контаминации.

В русском языке ситуация совсем иная: глаголы *брать* и *получать* употребляются достаточно активно и в равной степени, при этом сохраняя чёткие семантические границы, что не позволяет им подменять друг друга так, как в греческом: я получаю пенсию \neg я беру пенсию, я получаю зарплату \neg я беру зарплату, я получаю письмо \neg я беру письмо, я получаю стипендию \neg я беру стипендию, я получаю вознаграждение \neg я беру вознаграждение и т.д. При употреблении глагола *брать* вместо *получать* значение первого не совпадает со вторым, так как *брать* всегда подразумевает тактильное действие, тогда как *получать* нет: ‘брать деньги, хватая их руками’; ‘получать деньги, даже не трогая их’.

Кроме того, в случае с *брать* субъект выступает как заинтересованное лицо, и значение может колебаться между ‘покупать’ и ‘красть’. В случае с *получать* субъект – это ожидающее лицо, которому что-то предоставляют, иногда даже без его согласия: я никогда не хотел получить пенсию! \neg я никогда не хотел брать пенсию!; я беру сыр из магазина \neg я получаю сыр из магазина. Примечательно, что подобная оппозиция наблюдается и у пары *παίρνω-λαμβάνω*, которые находятся в дополнительной дистрибуции, так как именно *παίρνω* может заменить *λαμβάνω* почти во всех случаях: *ποτέ δεν ήθελα να λάβω σύνταξη!* \rightarrow *ποτέ δεν ήθελα να πάρω σύνταξη!*; *παίρνω τυρί από το μαγαζί* \neg *λαμβάνω τυρί από το μαγαζί* (перевод вышесказанных примеров). Таким образом, показывается предсказуемый характер глагола *получать* по отношению к другим единицам в подгруппе ‘получение’.

Далее рассмотрим глаголы *δέχομαι* и *принимать*, последний из которых, как было отмечено выше, имеет больше коллокаций (см. таблицу 9), чем *получать* и *брать*, охватывая значительное количество перифраз основных глаголов:

Таблица 9. Коллокации глаголов принимать, брать и получать

Глагол	Принимать	Брать	Получать
Коллокация V + N	<i>принимать меры, души, гостя, экзамен, ответственность, присягу, веру, бой, закон, предложение, приглашение, вызов, обстоятельство участие, решение, удар, форму, интервью, ванну и т.д.</i>	<i>брать ответственность, интервью, пример, штурм, плен, такси, отпуск, грех, ванну, урок, трубку, взятку и т.д.</i>	<i>получать удовольствие, удар, образование, заказ, доступ и т.д.</i>

Примечательно, что глагол *παίρνω* в греческом языке имеет коллокации, соответствующие всем трём глаголам, что стало результатом анализизации языка и вытеснения других синтетических лексем, описывающих данные понятия. В русском языке наблюдается обратная тенденция: создавая коллокации («аналитические дублеты») в основном через заимствования, он не вытеснял собственные синтетические лексемы, а, напротив, активно продолжает их использовать. Как отмечает Т.Б. Радбиль, в современном русском языке «сначала закономерно образуется аналитическое глагольное образование с заимствованным субстантивным элементом – *делать селфи, ставить лайки* и под. Потом, по мере языкового освоения, уже возникает его окказиональный синтетический вариант – *селфить, лайкать* и пр.» [Радбиль 2020: 8].

Глагол *δέχομαι* во многом коррелирует с глаголом *принимать*, поскольку выступает в первичном значении ‘получать что-то в свою сторону’ в ядерной конструкции *X принимает Y* по трем обстоятельствам: 1) X-агент/получатель превращается в X-пациента. В результате получения объекта Y реализуется значение ‘подвергаться’: *δέχομαι επίθεση* ‘подвергаюсь нападению’, *δέχομαι πίεση* ‘подвергаюсь давлению’, *принимаю удар* → *δέχομαι χτύπημα* ‘подвергаюсь удару’; 2) Y-тема является одушевленной. Тогда реализуется значение ‘получать, соглашаться’: *принимаю гостей* → *δέχομαι επισκέπτες*, *принимаю мигрантов* → *δέχομαι μεταβάστες*; 3) Y-тема является

неодушевленной, но не материальным предметом. Тогда реализуется значение ‘получать, соглашаться, признавать’: *принимаю предложение* → *δέχομαι την προσφορά*, *принимаю условия* → *δέχομαι τους όρους*, *принимаю ваше мнение* → *δέχομαι την άποψη*, *принимаю ставку* → *δέχομαι το στοίχημα*.

Именно в последнем случае отмечается наиболее широкое употребление данных глаголов, поскольку реализуются значения: 1) ‘определять (определить) кого-, что-л. условно как нечто иное, не соответствующее действительности’, 2) ‘относиться (отнестись) к кому, чему-л. положительно, соглашаться (согласиться) с кем- чем-л., обычно проявляя свое отношение словами, поступками’ [БТСРГ 2008, электронный ресурс³⁶]. В русском языке также возможно сочетание всех трёх случаев, что приводит к неоднозначности словосочетаний; в греческом неоднозначность частично снимается употреблением определённого артикля, задающего значение ‘соглашаться’. В целом неоднозначность снимается контекстом, который выступает главным фактором конкретизации:

- *δέχομαι την κριτική* → *принимаю критику* ‘соглашаюсь с критикой’;
- *δέχομαι κριτική* → *принимаю критику* ‘подвергаюсь критике’;
- *δέχομαι την τιμωρία* → *принимаю наказание* ‘соглашаюсь с наказанием’;
- *δέχομαι τιμωρία* → *принимаю наказание* ‘подвергаюсь наказанию’;
- *δέχομαι τις κυρώσεις* → *принимаю санкции* ‘соглашаюсь с санкциями’;
- *δέχομαι κυρώσεις* → *принимаю санкции* ‘подвергаюсь санкциям’.

Во всех этих случаях глаголы *принимать* и *δέχομαι* сохраняют архисему ‘получаю что-то в свою сторону’. В конструкции *X принимает Y*, где *Y*-тема является неодушевлённым, но материальным предметом, наблюдается интересный факт: оба глагола могут обозначать ‘получать что-либо в качестве подарка, дара, безвозмездно’ [БТСРГ 2008, электронный ресурс], например, *принимаю цветы* → *δέχομαι λουλούδια*. Однако глагол *принимать* также

³⁶ Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovani/bolshoj-tolkovij-slovar-russkikh-glagolov> (дата обращения: 23.11.2025).

образует словосочетания, где источник энергии ('energy source' – субъект) является одновременно получателем энергии ('energy sink' – тот, кто подвергается действию) согласно концепции «динамики силы глагольного направления»: *принимаю лекарство, принимаю души, принимаю пищу* и др.

Различия между данными глаголами можно заметить также в конструкциях: 1) *X принимает Y* за другое (по ошибке), что выражается в греческом с помощью глагола *περνάω* 'проходить, переходить, проводить': *την πέρασα για αγόρι* → *её принял за парня*, где реализуется значение 'признавать'; 2) *X принимает Y* в свое распоряжение, что выражается в греческом с помощью глагола *παίρνω* 'брать' или производным глаголом *αναλαμβάνω* 'беру ответственность, приступаю к чему-то': *ο διευθυντής πήρε το εργοστάσιο σε άσχημη κατάσταση* → *ο διευθυντής ανέλαβε το εργοστάσιο σε άσχημη κατάσταση* → *Директор принял завод в плохом состоянии*; 3) *X принимает Y* на слух, зрение (по радио, телеграфу, телефону), что в греческом выражается с помощью глагола *λαμβάνω*, как отметили выше: *λαμβάνω σήματα* → *принимаю сигналы*. В этом случае, согласно выделенным ролям, X-агент/ получатель оказывается экспериенцером.

Рассмотрев глаголы *παίρνω*, *λαμβάνω*, *δέχομαι* в греческом языке и *брать*, *получать*, *принимать* в русском, можно сделать следующие выводы: 1) глагол *παίρνω* обладает широкой сочетаемостью, позволяющей ему перефразировать множество других глаголов и заменять даже синонимичные ему *δέχομαι* и *λαμβάνω*;

2) глагол *брать* более развит на парадигматической оси, активно употребляются его производные формы;

3) глагол *принимать* является главным «перифразатором» в русском языке;

4) глагол *брать* не пересекается с *получать* и *принимать*, поскольку имеет чёткие семантические границы, что подтверждается их частотностью;

5) глагол *λαμβάνω* постепенно выходит из активного употребления, сохраняясь в официально-деловой речи;

б) глагол *δέχομαι* сопротивляется анализу языка, поскольку в отличие от пары *παίρνω* – *λαμβάνω* не позволяет *παίρνω* полностью «поглотить» его значения. Тем не менее, его низкая частотность в новогреческом языке объясняется преимущественным использованием в официально-деловом стиле, контекстуальной спецификой и активным развитием производных глаголов, отдалившихся от исходного значения ‘получать что-то в свою сторону’.

2.3.3. Сопоставительный анализ глаголов подгруппы ‘размещение (в пространстве)’ в греческом и русском языках

Глаголы подгруппы ‘размещение (в пространстве)’ в греческом и русском языке принадлежат к основному фонду языка и имеют общую валентностную, ядерную конструкцию **X ставит/кладет/βάζω Y в/н/σε Z**. Следует отметить, что в данном параграфе акцент делается на семантические и контекстные различия глаголов, поскольку, как будет показано далее, элемент Y независимо от того, является ли он материальным или нематериальным, не препятствует употреблению глагола как в первичных, так и во вторичных значениях. Особого упоминания заслуживает случай, когда в конструкции **X ставит/кладет/βάζω Y в/н/σε Z**, Y является одушевлённым: в этом случае Y всегда выступает пациентом, а значение конструкции реализуется как ‘поселять’, ‘записывать’ или ‘класть’ (см. примеры ниже).

В греческом языке основным представителем данной лексико-семантической группы является глагол *βάζω*, в то время как в русском находим глаголы *ставить* и *класть* в зависимости от помещения (размещения) объекта в вертикальную плоскость или на горизонтальную поверхность. Глагол *ставить* согласно частотному списку глаголов занимает 172 место, глагол *класть* – 727 [ЧССРЯ 2009, электронный ресурс], что указывает на более широкое употребление первого в сравнении со вторым.

Эта тенденция прослеживается и во фразеологии современного русского языка: *ставить условия, ставить ограничения, ставить препятствия, ставить подпись, ставить диагноз, ставить задачу, ставить ловушку* и т.д. Н.В. Друзина считает, что функция глагола *ставить* в образовании подобных аналитических дублетов может быть определена как «глаголообразующая» [Друзина 2005: 33]. Однако, на наш взгляд, если принять тезис Т.Б. Радбиля о функционировании современного русского языка [Радбиль 2020], данное предположение подлежит уточнению: аналогичные процессы наблюдаются и у других глаголов, что объясняется общим синтетическим характером русского языка, а не специфическим статусом *ставить*. Примеры этому будут приведены далее.

Интересно, что глагол *класть* чаще встречается в свободных словосочетаниях (*класть что-то в карман, кладу сахар, кладу тарелку* и т.д.), в которых выполняет свою первичную номинативную функцию: ‘приводить кого-либо, что-либо в лежачее положение, помещать куда-либо в лежачем положении’ [БТССРЯ 2008, электронный ресурс]. Его коллокации в основном характерны для письменной речи и имеют узкую контекстуальную обусловленность: *класть фундамент, класть поклон, класть начало, класть отпечаток, класть резолюцию* и т. п.

Глагол *βάζω*, являясь единственным носителем значений ‘ставить’ и ‘класть’ в греческом, демонстрирует более широкое употребление. В словаре средневековой народной греческой литературы Э. Криараса [Κριάρας 1975, 1977, электронный ресурс] глагол *βάζω* представлен больше, чем тремя значениями, тогда как в словаре новогреческого языка М. Триандафилидиса значения занимают целую страницу [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. В современном греческом *βάζω* не ограничивает положение объекта и по сочетаемости соответствует суммарной сочетаемости *ставить* и *класть*. Дополнительным аргументом в пользу более широкого употребления *βάζω* является его словообразовательная непроеизводность в новогреческом (ср. отмеченное в § 2.2.1.).

В результате чего глагол *βάζω* выражает преимущественно описательно на синтагматической оси то, что выражается в русском языке на парадигматической оси по двум основным направлениям: 1) глагол *βάζω* употребляется с определенным наречием или сочетанием, например, *переставлять* → *βάζω σε άλλο μέρος (αλλού)* ‘ставить в другое место’, *расставляя* → *βάζω σε σειρά* ‘ставить в порядке’, *вставляя / вкладывая* → *βάζω μέσα* ‘ставить внутрь’, *подставляя / подкладывая* → *βάζω από κάτω* ‘ставить под чем-то’; 2) глагол *βάζω* употребляется без определенного наречия или сочетания, чтобы передавать значения производных глаголов *ставить* и *класть*, например, *раскладывая на столе* – *βάζω στο τραπέζι*, *прикладывая* → *βάζω στο τραπέζι*, *выкладывая на стол* – *βάζω στο τραπέζι*, *приставит к столу* → *βάζω στο τραπέζι*; это также касается глаголов в первом случае. Отмечается также случай, когда глагол *βάζω* заменяется на другой глагол при переводе на русский, например, *αλλάζω σειρά* ‘меняю порядок’ = *βάζω σε άλλο μέρος (αλλού)* → *переставлять*, *выставить в социальные сети* → *ανεβάζω στα κοινωνικά δίκτυα* и т.д.

Более того, применительно к глаголу *ставить*, наблюдается этимологическая корреляция с древнегреческим глаголом *στέω* [стио], имевшим значение ‘поднимать вверх’ [Фасмер 1986, электронный ресурс; Liddell-Scott 2007, электронный ресурс], что в свою очередь оправдывает его семантическую близость к глаголу *βάζω*, а также присутствие значения ‘направлять’ [Федюк 2011: 33]. П.С. Федюк в своем диссертационном исследовании рассматривает глаголы *ставить* и *класть* и обнаруживает на основе дефинитивного анализа следующие значения³⁷:

А) Ставить: 1) ‘придавать чему-либо нужное, определенное положение, форму, приводить в нужное состояние’: *ставить часы* (ср.: *поставь будильник на семь* = заведи звонок; *поставь радио на полную громкость* = сделай радио

³⁷ Дефинитивный анализ проводится на основе словарей: Большой толковый словарь современного русского языка под ред. Д.Н. Ушакова (2008); Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой Том 2 (1982) / Том 4 (1984); Толковый словарь русского языка по ред. Д.Н. Ушакова (1994); Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля (1980).

погромче); 2) ‘давать’ и ‘отпускать, отдавать, поставлять’: размещать предмет в пространстве путем переноса объекта из личной сферы субъекта действия в сферу другого субъекта. «Приведённые значения не отмечаются в современных словарях, так как считаются устаревшими» [Федюк 2011: 34-35]; 3) ‘вносить какую-либо ставку в банк, делать ставку на что-либо’, также подразумевающее товарно-денежные отношения; 4) ‘осуществлять постановку на сцене’ – *ставить оперу, спектакль* (это значение синонимичное значению глаголу *делать*: ‘создавать произведение искусства’ – *этот художник делает прекрасные пейзажи*); 5) ‘создавать для кого-либо какое-либо положение, условия, приводить кого-либо в какое-либо положение, состояние’ – *ставить в затруднительное положение, ставить в тупик, в замешательство* (это значение синонимичное значению глаголу *делать*: ‘заставлять кого-либо принимать какое-либо положение, состояние, вид’: *делать счастливым*) [Федюк 2011: 34-35].

Б) Класть: 1) ‘приводить кого-либо, что-либо в лежачее положение, помещать куда-либо в лежачем положении’; 2) ‘оценивать’: *во что кладешь лошадь*; 3) ‘прибавлять, подмешивать, всыпать’: *он никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп* (локативное значение); 4) ‘накладывать слой чего-либо’: *класть румяна, пудру* (локативное значение); 5) ‘строить, сооружать из камня, кирпича’: *пора уже было класть фундамент, но не приходили каменщики* (в этом значении, как глагол *ставить*, оказывается синонимичным глаголу *делать*); 6) ‘производить расчет предполагаемых на что-либо затрат, определять предположительно необходимое на что-либо количество времени, денег’: *Дибич клал на весь марш пятеро суток* [Федюк 2011: 37-39].

Глагол *βάζω* может выражать практически все перечисленные выше значения глаголов *ставить* и *класть*, а также дополнительные – на основе более абстрактных значений, которые ему присущи. В толковом словаре греческого языка М. Триандафилидиса выделяются четыре блока таких абстрактных значений, каждое из которых включает как минимум четыре

значения и ряд подзначений [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. Основные блоки значений представляют собой следующие: 1) ‘помещать (размещать) что-то в какое-то место, где его не было’; 2) ‘привести в движение какую-нибудь машину, механизм, процесс’; 3) ‘глагол производится от сочетаемого существительного, употребленного с артиклем/без артикля в перифразах’; 4) ‘побуждать, давить, принуждать к действию’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. В таблицах 10-13 даны наиболее распространённые значения по толковому словарю греческого языка [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс], распределённые по выделенным блокам³⁸:

Таблица 10. Блок значений ‘помещать (размещать) что-то в какое-то место, где его не было’

ставить (размещать - помещать)	класть (размещать - помещать)		<i>βάζω την μπλούζα στο πλυντήριο</i> ‘кладу блузку в стиралку’
класть (в еду)	дополнить - добавить		<i>βάζω αλάτι στο φαγητό</i> ‘кладу/дополняю/добавляю соль к еде’
Наливать			<i>βάζω νερό στο ποτήρι</i> ‘наливаю воду в стакан’
инвестировать – вложить (деньги)	Копить (что-то ценное)	внести (деньги)	<i>βάζω λεφτά στην εταιρεία</i> ‘инвестирую/вложу деньги в компанию’ <i>βάζω λεφτά στον λογαριασμό</i> ‘копить/кладу/вношу деньги на счет’
записать (кого-то)	поселить (кого-то) ³⁹		<i>βάζω τη γιαγιά μου στο γηροκομείο</i> ‘поселяю свою бабушку в дом престарелых’ <i>βάζω τον γιο μου σε ιδιωτικό σχολείο</i> ‘записываю своего сына в частную школу’
надевать-носить (одежду)			<i>βάζω μπλούζα</i> ‘надеваю блузку’
подключать (устройство)	установить		<i>βάζω την τηλεόραση στην πρίζα</i> ‘подключаю телевизор к розетке’ <i>βάζω την βρύση στην κουζίνα</i> ‘устанавливаю кран на кухне’
Настроить			<i>βάζω κανάλια στην τηλεόραση</i> ‘настраиваю каналы в телевизоре’

1. помещать (размещать) что-то в какое-то место, где его не было

³⁸ не включаются коллокации в таблицах 10,11,13.

³⁹ в конструкции *X ставит/кладет/βάζω Y в/н/σε Z*, где Y-одушевлённый.

Таблица 11. Блок значений ‘привести в движение какую-нибудь машину, механизм, процесс’

активизировать - установить (устройство)	включать (устройство)	<i>βάζω ράδιο</i> ‘включаю радио’. <i>βάζω νέο πρόγραμμα στον υπολογιστή.</i> ‘устанавливаю/активизирует программу в компьютере’.
ставить (будильник)	поджечь	<i>βάζω ξυπνητήρι</i> ‘ставлю будильник’. <i>βάζω φωτιά</i> ‘досл.: ставлю огонь - поджигать’
ставить подножку	включать передачу (в машине)	<i>βάζω τρικλοποδιά</i> ‘ставлю подножку’. <i>βάζω πρώτη</i> ‘включаю первую передачу’.

2. привести в движение какую-нибудь машину, механизм, процесс

Таблица 12. Блок значений ‘глагол производится от сочетаемого существительного, употребленного с артиклем/без артикля в перифразах’

<p><i>βάζω σε τάξη</i> – τακτοποιώ ‘досл.: ставлю (привести) в порядке -упорядочивать’ <i>βάζω στοίχημα</i> – στοιχηματίζω ‘делаю ставку’ <i>βάζω βαθμό</i> – βαθμολογώ ‘ставлю бал – оценивать’ <i>βάζω τα γέλια</i> – γελάω ‘досл.: ставлю смех - смеяться’ <i>βάζω τα κλάματα</i> – κλαίω ‘досл.: ставлю слезы - расплакаться’ <i>βάζω στεφάνι</i> – παντρεύομαι ‘досл.: ставлю венки - жениться’ * <i>δεν το βάζω κάτω</i> (наречие) – παρτάω ‘досл.: ставлю/кладу вниз - сдаваться’ * <i>βάζω μπροστά</i> (наречие) – ξεκινάω ‘досл.: ставлю вперед - начинать’</p>

3. глагол производится от сочетаемого существительного, употребленного с артиклем/без артикля в перифразах

Таблица 13. Блок значений ‘побуждать, давить, принуждать к действию’

заставлять- обязывать	побуждать - принуждать к действию	<i>Τον βάζω να κάνει την άσκηση</i> ‘его заставляю делать упражнение’
начинать что-то (процедуру) – вступать (к чему-то)	в контексте «заказа» - в значении ‘добавлять’ (в повелительном наклонении)	<i>βάλε μια σαλάτα</i> ‘добавь салат’ (в контексте заказа) <i>βάζω να φτιάξω καφέ</i> ‘начинаю, приступаю к приготовлению кофе’
Добиваться	забить гол - забить в корзину	<i>βάζω καλάθι</i> ‘забиваю в корзину’ (спорт.) <i>βάζω γκολ</i> ‘забиваю гол’ (спорт.)

4. побуждать, давить, принуждать к действию

Во всех таблицах отмечается следующее: глагол *βάζω* конкретизирует своё значение в зависимости от сочетаемого существительного, что указывает на его широкую сочетаемость. В ряде случаев наблюдается неоднозначность, а чаще – неопределённость: *βάζω λάδι* → кладу/добавляю масло (к еде) – ставлю/кладу масло (куда-то); *βάζω λεφτά* → вложу деньги (в банкомат) – кладу деньги (куда-то) и т.д. Неоднозначность возникает тогда, когда возникают достаточно близкие по смыслу значения, например: *βάζω λάδι* → добавляю масло (к еде) – дополняю маслом (еду). Как бы ни было, окончательная интерпретация глагола определяется только контекстом. Примечательно, что определённый/неопределённый артикль⁴⁰ выступает главным «конкретизатором» значений глагола *βάζω*:

- *βάζω τηλεόραση* → включаю телевизор
- *βάζω την τηλεόραση* → ставлю телевизор – подключаю телевизор (к розетке)
- *βάζω μπλούζα* → надеваю блузку (на себя)
- *βάζω την μπλούζα* → кладу блузку (куда-то)

Пожалуй, самый интересный факт заключается в том, что как глагол *βάζω*, так и глаголы *κλαсть* и *ставить* употребляются значительно чаще, чем их гиперонимы *τοποθετώ* и *помещать/размещать*. Объяснить это можно следующим образом: гиперонимы (*размещать, помещать, τοποθετώ*) со временем стали употребляться преимущественно в официально-деловом стиле речи или в более нейтральном контексте, тогда как их гипонимы широко используются в повседневной речи. В НКРЯ у глаголов *размещать* и *помещать* фиксируется лишь 1.479 и 4.530 примеров соответственно; в

⁴⁰ Определённый артикль употребляется тогда, когда говорящий и слушающий могут однозначно идентифицировать предмет или лицо. Существительное с определённым артиклем обозначает уже известный объект: либо потому, что он был упомянут ранее, либо потому, что является уникальным, либо потому, что говорящий предполагает наличие у собеседника необходимой фоновой информации [Mackridge 1999].

ЧССРЯ они даже не упоминаются. В КГЯ глагол *τοποθετώ* имеет 4.674 вхождения, тогда как *βάζω* – 11.817 [КГЯ].

Подводя итоги, мы приведем следующие выводы:

1) глагол *βάζω* употребляется более широко, чем *κλαсть* и *ставить*, поскольку его семантика не накладывает ограничений на способ размещения объекта;

2) глагол *ставить* используется чаще, чем *κλαсть*, и обладает более широкой сочетаемостью;

3) в русском языке все производные формы глаголов *κλαсть* и *ставить* активно функционируют, что не характерно для глагола *βάζω*;

4) глаголы *βάζω*, *κλαсть* и *ставить* являются общеупотребительными в повседневной речи и применяются чаще, чем их гиперонимы;

5) глагол *βάζω* обладает более широкой сочетаемостью, чем его русские аналоги, что объясняется общей тенденцией к аналитизму в современном греческом языке, а не эврисемией этих глагольных единиц.

2.3.4. Сопоставительный анализ глаголов подгруппы ‘передача’ в греческом и русском языках

Глаголы *давать* и *δίνω* по сравнению с ранее рассмотренными глаголами демонстрируют наибольшую семантическую корреляцию. Этот факт объясняется прежде всего их этимологической общностью. Их общая валентностная (ядерная) конструкция имеет вид **X даёт Y Z**, в рамках которой *давать* и *δίνω* функционируют одинаковым образом: *Δίνω συμβουλές* → *даю советы*; *Δίνω το στιλό*⁴¹ → *даю ручку*; *Δίνω λεφτά* → *даю деньги* и т.д. Однако основное различие между данными глаголами, как и в других случаях, заключается в более развитом парадигматическом выражении понятия

⁴¹ Στιλό ‘ручка’ пишется также через -υ (στυλό), хотя в новогреческом принято писать через -υ (στυλό), поскольку имеет паретимологическую связанность со словом *στύλος*, которое было заимствовано из древнегреческого во французский язык. В новогреческом языке, полагается, правильно писать через -ι, так как любые слова, заимствованные из иностранных языков, пишутся самым простым способом написания (в данном случае с -ι, а не с -υ).

‘давать’ в русском языке. Это подтверждается постоянным и активным употреблением его производных форм в разговорной речи. Рассмотрим наиболее распространённые из них.

В случае, когда выражается значение ‘дать что-л. обратно, возвращать (возвратить) что-л. ранее взятое’ [БТСРГ 2008, электронный ресурс], в русском языке употребляется глагол *отдавать*; в случае, когда выражается значение ‘проверить испытанием знания, умения, навыка или передать в надлежащее место или надлежащему лицу что-л. (имеющееся, исполненное, порученное) для дальнейшего его использования’, употребляется глагол *сдавать* [БТСРГ 2008, электронный ресурс]; в случае, когда выражается значение ‘дать кому-л. что-л. через третье лицо, отдавать (отдать) что-л. кому-л. через посредничество кого-л.’ [БТСРГ 2008, электронный ресурс], употребляется глагол *передавать*; в случае, когда выражается значение ‘определить что-л. как имеющее значимость в отношении самого себя; приписать что-л. чему-л.; вложить какой-л. смысл во что-л.’ [БТСРГ 2008, электронный ресурс] употребляется глагол *придавать*; в случае, когда выражается значение ‘дать кому-л. что-л. в большом количестве, разделив это так, чтобы каждому досталась часть даваемого’ [БТСРГ 2008, электронный ресурс], употребляется глагол *раздавать*.

Использование глагола *дать* во всех перечисленных значениях ощущается носителем русского языка неправильным, неточным. С другой стороны, в греческом языке глагол *δίνω* употребляется без каких-либо «неправильных ощущений» во всех вышесказанных значениях, не мешая выражению подобного смысла: *δώσε χαίρετίσματα στη Μαρία* → *передай привет Маше*; *δίνω ιστορία την Δευτέρα* → *сдаю историю в понедельник*; *δίνω το στίλο πίσω στον Γιάννη* → *отдаю ручку обратно Яннису* и т.п.; *ο θεός δίνει νόημα στη ζωή μας* → *Бог придает смысл нашей жизни* и т.п.

Объяснение вышесказанного лежит в общепринятом тезисе, что контекст является окончательным «дешифровщиком смысла», иначе коммуницировать было бы невозможно. Тем не менее отмечается следующий

интересный факт, который различен для русского и греческого языков: тогда как в греческом контекст определяет значение глагола *δίνω* и вносит свой вклад в понимание высказанного смысла, **в русском языке форма глагола (выбор приставки) предопределяется контекстом.** Доказательством данного предположения служит тот факт, что русский язык выражает свои понятия более конкретно, и было бы невозможно употребить глагол, который не соответствует конкретной ситуации. Сравните следующие предложения: *дай привет Маше* (неправильный семантический пример) – *передай привет Маше*; *дай! это моё!* – *отдай! это мое!*; *давайте конспекты до 26.12.* – *сдавайте конспекты до 26.12.*; *я не даю значение возрасту* (неправильный семантический пример) – *я не придаю значение возрасту*; *даю ведомости бухгалтерам* – *раздаю ведомости бухгалтерам.*

Естественно, в случае, когда глагол *давать* подходит к языковой ситуации, он может быть использован, однако, опираясь на опыт, мы считаем, что это происходит редко, по крайней мере, у носителей языка. Это объясняется тем, что, хотя в греческом языке существуют также одинаковые с глаголом *давать* производные формы глагола *δίνω*, они редко применяются. Данное суждение оправдывается анализом частотности данных лексем в Национальном корпусе русского языка и в Национальном тезаурусе греческого языка [НТГЯ]. Таким образом, мы понимаем, что глагол *δίνω* является более «наполненным значениями», чем его аналог в русском языке просто потому, что он может выступать во многих значениях его производных форм, имея более широкое употребление. Данное утверждение позволяет нам сделать очень справедливый вывод в русле типологии и полисемии: при синтетизме полисемия базовых глаголов сужается, однако не исчезает, поскольку отдельные значения выражаются разными производными глаголами, в то время как при аналитизме те же глаголы расширяют свою полисемию. Таким образом, можно сказать, **что аналитизм, который якобы поощрял эврисемию, неизбежно приводит к полисемии.**

Естественно, глаголы *давать* и *δίνω* имеют также коллокации, которые либо перифразируются с помощью глагола, отличного от родственного существительного, либо не перифразируются в конструкции **X дает Y Z**, где Y-тема представляет собой нематериальный объект. Чаще всего, но не всегда, такой объект является **отглагольным существительным** ('Deverbal Noun'), выражая состояние, процесс или действие глагола, что приводит к рассмотрению семантически опустошенных глаголов ('Light Verbs') [Иорданская, Мельчук 2007]. Напротив, в конструкции **X дает Y Z**, где Y-тема представляет собой материальный объект, в большинстве случаев выполняется первичная функция и глагол выступает в своем основном, первичном значении: *даю шоколад* → *δίνω σοκολάτα*, *даю подарок* → *δίνω δώρο*, *даю сигарету* → *δίνω τσιγάρο* и т.п.

<i>давать</i> ответ – отвечать	<i>δίνω</i> απάντηση – απαντάω
<i>давать</i> обещание – обещать	<i>δίνω</i> υπόσχεση - υπόσχομαι
<i>давать</i> приказ – приказывать	<i>δίνω</i> διαταγή – διατάζω
<i>давать</i> заботу – заботиться	<i>δίνω</i> φροντίδα - φροντίζω
<i>давать</i> клятву – клясться	<i>δίνω</i> όρκο – ορκίζομαι
<i>давать</i> воспитание – воспитывать	<i>δίνω</i> ανατροφή – ανατρέφω
<i>давать</i> разрешение – разрешать	<i>δίνω</i> άδεια – επιτρέπω

В конструкции **X дает Y Z**, где появляется W-чем-то/με κάτι (орудием, рукой, головой и т.п.), Y-тема является пациентом, подвергающимся действию глагола согласно подходу «динамика силы глагольного направления» [БТСРГ 2008, электронный ресурс]: *дал головой Сереже* → *του έδωσα μία* με το κεφάλι*. Возможно, появление актантов, таких как Р-во что/ πού: *дал головой Сереже в живот* → *του έδωσα μία* με το κεφάλι στο στομάχι*; также, возможно совсем пропустить дополнение для выражения данного смысла: *я дал ему* → *του έδωσα μία**. Примечательно, в греческом не пропускается минимальное упоминание синтаксического актанта Y, который появляется как числительное *μία** или как неопределенный артикль *μια* для выражения данного смысла.

Различиями между глаголами *давать* и *δίνω* являются: 1) значение глагола *давать* 'продавать' [БТСРГ 2008, электронный ресурс] в русском языке устарело, хотя в греческом языке употребляется на регулярной основе;

2) значение глагола *давать* ‘призыв к действию’, выраженное в форме повелительного наклонения *давай*, выражается на греческом с помощью глагола *έρχομαι* ‘приходить’ в форме *έλα* [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]; 3) значение глагола *давать* ‘определять чей-н. возраст’ [БТСРГ 2008, электронный ресурс] в греческом языке преимущественно выражается глаголом *κάνω* ‘делать’, однако это не отрицает возможность глагола *δίνω* выступать в этом значении. После рассмотрения значений глаголов *давать* и *δίνω* в словаре новогреческого языка М. Триандафилидиса, БТСРГ и БТССРЯ можно сделать вывод о высокой степени корреляции данных глаголов. Прочие различия могут быть обнаружены только в коллокациях. Следует отметить сходство глаголов *давать* и *δίνω*, которое проявляется также в сленговом языке, например, когда реализуются в значении ‘предлагать половой акт’.

Подводя итоги рассмотрения глаголов *давать* и *δίνω*, можно выделить следующие моменты: 1) глагол *δίνω* имеет более широкое употребление, чем глагол *давать*, поскольку не нуждается в конкретизации его значений с помощью производных форм; 2) в греческом языке значение глагола *δίνω* определяет контекст, в то время как в русском языке для выражения определенного смысла контекст предопределяет выбор формы глагола; 3) глаголы *давать* и *δίνω* во многом являются семантически близкими, функционируя схожим образом в каждом контексте, в каждой конструкции; 4) глаголы *давать* и *δίνω* перифразируют значимо большое количество глаголов и имеют широкую сочетаемость.

2.3.5. Сопоставительный анализ глаголов подгруппы ‘извлечение’ в греческом и русском языках

В этом параграфе завершается сопоставление глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках на примере глагола *βγάζω*. Как было отмечено выше, в русском языке отсутствует его точный аналог. Это объясняется не «эврисемией» греческого языка, а

типологическими и специфическими особенностями русского. Глагол *βγάζω* является полным антонимом глагола *βάζω*, хотя он является производным глаголом его предка-глагола *βιβάζω*. Основная валентностная конструкция *X βγάζει Y από ART Z-αιτ.* глагола *βγάζω* поощряет выполнение как первичной, так и вторичной функции, поэтому особый акцент делается на контекстный и семантический анализ (как в случае глаголов *βάζω-ставить/класть*).

Глагол *βγάζω* может быть переведен на русский язык с помощью любого глагола (обычно с приставкой *вы-, у-, из-*), который, одним или другим способом, выступает в значении ‘вытаскивать, вынести, вынимать и т.п. что-то откуда-то или куда-то’. Его аналог с пассивной диатезой представляет собой глагол *βγαίνω* ‘выходить’, а перевод на русский язык зависит от конкретных обстоятельств и контекста, который, как мы отметили выше, предопределяет значение. Глагол *βγαίνω* в значении ‘перемещаю что-то из закрытого, внутреннего в открытое, наружное место’ в словаре М. Триандафилидиса представляет собой первый блок значений – общие значения [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. Глагол *βγάζω* по смыслу коррелирует с глаголом *παίρνω*, например, *βγάζω μια μύρα από το ψυγείο* ‘вытаскиваю пиво из холодильника’ → *παίρνω μια μύρα από το ψυγείο* ‘беру (достаю) пиво из холодильника’.

Этим объясняется отсутствие в греческом языке глагола *доставать*, коррелирующего с глаголом *get* на английском. При этом его значение может быть выражено глаголами *παίρνω* и *βγάζω* и соответственно, *доставать* и *вынести, вытаскивать* в зависимости от прилагаемого смысла: *βγάζω μια μύρα από το ψυγείο* ‘достаю пиво из холодильника’, *βγάζω τα ρούχα από το πλυντήριο* ‘достаю одежду из стиральной машины’, *βγάζω μαχαίρι* ‘достаю нож’ и т.п. Во всех данных примерах выступают также глаголы *вынести*, например, *βγάζω μαχαίρι* ‘выношу нож’ и *вытаскивать*, например, *βγάζω τα ρούχα από το πλυντήριο* ‘вытаскиваю одежду из стиральной машины’ и *βγάζω μια μύρα από το ψυγείο* ‘вытаскиваю пиво из холодильника’. Таким образом, *βγάζω* может покрывать значения ‘убирать’ и ‘выбирать’ – производных от глагола *брать*,

когда речь идёт о ‘вынимать, отбирать, сортировать’ или ‘удалять, изгонять’ [БТССРЯ 2008, электронный ресурс].

Более того, поскольку данный блок значений реализуется в ядерной конструкции глагола *βγάζω*: **X βγάζει Y από ART Z-αιτ.**, он охватывает огромное количество значений кроме вышесказанных: *извлекать, снимать, удалить* (в контексте медицинской операции), *вычитать, исключать, вывихивать, откачать* и др. с разнообразными существительными: *βγάζω το καπέλο από το κεφάλι μου* → снимаю шапку из головы, *βγάζω την μπλούζα μου* → снимаю свою футболку, *βγάζω από τα πέντε, τρία* → вычитаю из пяти три, *ο γιατρός του έβγαλε το δόντι* → врач удалил ему зуб, *βγάζω το ακάθι* → извлекаю занозу, *βγάζω τον Νίκο από τον πίνακα* → исключаю Никоса из списка ‘досл.: вычеркиваю Никоса из списка’, *βγάζω τους λεκέδες από τα ρούχα* → удаляю пятна с одежды, *βγάζω νερό από το πηγάδι* → откачаю воду из колодца, *βγάζω το χέρι μου* → вывихиваю свою руку, *βγάζω μέταλλα από το ορυχείο* → извлекаю металлы из шахты и т.п.

Второй блок значений ‘создавать, производить’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]: *создавать, производить, вырвать, рожать* (когда объект - одушевлённый), *выпускать* (обучая), *вырастать/отрастать/расти* (биологический процесс), *испускать* (искру, дым) и др.: *το εργοστάσιο βγάζει τα καλύτερα αυτοκίνητα* → завод производит лучшие автомобили, *βγάζει σπίθες* → испускает искру, *το πανεπιστήμιο πρέπει να βγάζει επιστήμονες* → университет должен выпускать (обучать) ученых, *η γάτα μας έβγαλε τρία γατάκια* → наша кошка родила трех котят, *βγάζω γένια* → отрациваю бороду, *βγάζω δόντια* → растут зубы, *το δέντρο βγάζει κλαριά* → у дерева растут ветви, *η Ρωσία έβγαλε εμβόλιο για τον καρκίνο* → Россия создала прививку против рака и т.п.

В третьем и четвертом блоке значений ‘делаю что-то известным’ и ‘печатать, опубликовать, издавать’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]: *опубликовать, издавать, печатать, подавать/оформить* (чтобы мне что-то выдали), *выпускать* (газету), *покупать* (билет), *снимать* (сфотографировать), *делать* (рентген) и др.: *δεν βγάζουν πια αυτή την εφημερίδα*

→ не издают больше эту газету, βγάζω βίζα για να πάω στη Ρωσία → оформляю визу (подаю документы), чтобы поехать в Россию, βγάζω ακτινογραφία → делаю рентген, βγάζω φωτογραφία → снимаю (делать фотографию), βγάζω εισιτήριο → покупаю билет, έβγαλε τα χαρτιά του για να σπουδάσει στο εξωτερικό → он оформил (подал) свои документы, чтобы учиться за границей, βγάζει καινούριο άλμπουμ σύντομα → скоро выпускает новый альбом, έβγαλε καινούριο άρθρο → опубликовал новую статью и т.д. Во всех вышесказанных значениях глагол βγάζω выражается в конструкции X βγάζει Y, где Z-источник либо превращается в цель (получатель, локация), либо не требуется, либо выпадает, если это определяется самим существительным (например, βγάζω βίζα για να πάω στη Ρωσία → оформляю визу (подаю документы), чтобы поехать в Россию).

Глагол βγάζω также употребляется в конструкциях, выражающих избавление от неприятной или затруднительной ситуации: με έβγαλε από τη δύσκολη θέση → это вывело меня из сложного положения ‘досл.: это спасло меня от неприятностей’, η δασκάλα τον έβγαλε από την τάξη → учительница вывела его из класса ‘учительница выгнала его из класса’, ο διαιτητής τους έβγαλε από τον αγώνα → рефери вывел его из игры, βγάζω τις ευθύνες από πάνω μου → снимаю с себя ответственность, τον έβγαλαν από ταμεία, γιατί έκλεβε → они уволнили/вывели его с должности кассира, потому что он воровал ‘досл.: они вывели его с должности кассира, потому что он воровал’ и т.п.

В конце мы отмечаем использование глагола βγάζω в основном значении ‘водить (с приставками также)’: που βγάζει αυτός ο δρόμος; → куда ведет эта дорога?, σε βγάζω για περίπατο → я провоожу/сопровоождаю тебя на прогулку, αυτός ο τρόπος σκέψης δεν βγάζει πουθενά → такой образ мышления никуда не приводит, τι συμπεράσμα βγάζεις; → какие выводы делаешь? ‘досл.: какие выводы выводишь?’, δεν βγάζω τα γράμματα σου → я не различаю/понимаю твои буквы и др.

Таким образом, *βγάζω* демонстрирует столь широкую десемантизацию, что может функционировать в самых разнообразных конструкциях, участвуя во множестве коллокаций и идиом:

Κολλοκακίες	Ιδιόμεις
<i>βγάζω</i> κραυγή – вскрикнуть, издавать воплъ	<i>βγάζω</i> την ψυχή - возмущать, утомлять ‘досл.: вынимаю душу’
<i>βγάζω</i> βόλτα τον σκύλο – выгуливать собаку	<i>βγάζω</i> το λάδι – возмущать, утомлять ‘досл.: вынимаю масло’
<i>βγάζω</i> χρήματα – зарабатывать	<i>βγάζω</i> από τη μέση – убивать ‘досл.: снимаю с середины’
<i>βγάζω</i> φωτοτυπία – делать фотокопию	τη <i>βγάζω</i> καθαρή - уйти безнаказанным ‘досл.: вынимаю её чисто’
<i>βγάζω</i> φωτογραφία – снимать фото	<i>βγάζω</i> το παιδί (Γιώργο) – называть ребенка (Йоргос) ‘досл.: даю имя ребенку’
<i>βγάζω</i> λόγο – выступать с речью	<i>βγάζω</i> τη νύχτα – пережить ночь, выживать ‘досл.: вынимаю ночь’

Практически невозможно перечислить все реализации глагола *βγάζω*, поскольку его сочетаемость настолько широка, что её полное рассмотрение могло бы занять всё диссертационное исследование. В связи с этим, по-видимому, в русском языке не существует глагола-аналога, способного передать весь семантический объём *βγάζω*. Русский язык, как уже отмечалось, использует различные лексические единицы, соответствующие конкретной речевой ситуации: именно она «подсказывает» выбор подходящего глагола, тем самым частично предопределяя его употребление. Это объясняется типологическими характеристиками русского языка, в котором многозначность общеупотребительных глаголов сужается по сравнению с

греческим языком, в котором полисемия этих глаголов расширяется. Последнее служит практическим доказательством несуществования понятий широкого значения и эврисемии, под которыми понималась широкая сочетаемость.

В заключение в Приложении 4 предпринята попытка систематизации всех русских глаголов, способных передавать отдельные значения глагола *βγάζω*. В дальнейшем исследовании на основе дедуктивного анализа фактического материала и дискуссионности понятия эврисемии построим гипотезу об общеупотребительных многозначных динамичных глаголах в системной типологии языка. Также акцент исследования переносится на роль полисемии, выраженную в трех типах метафоры, которые позволяют выявить некоторые универсальные механизмы при анализе упоминаний об эврисемии.

Выводы по Главе 2

Проведённое исследование глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ показало, что широкое употребление глаголов с обобщённым значением не связано с каким-то особым явлением, а обусловлено сложным характером языковой системы.

Начиная со словообразовательного уровня, было проанализировано развитие производности глаголов в греческом и русском языках, что позволило сделать следующие выводы:

1. Продемонстрировано, как исследуемые глаголы диахронически стали общеупотребительными: глаголы *δίνω* и *βάζω* объединили значения своих производных; глаголы *λαμβάνω*, *получать* и *брать* сохранили свой статус общеупотребительных глаголов; производные глаголы *взять* и *принимать*, стали общеупотребительными.

2. В русском языке префиксальные производные от глаголов основного фонда языка *дать*, *брать*, *ставить* чрезвычайно активны в разговорной речи. В греческом их аналоги *παίρνω*, *δίνω*, *βάζω* чаще ограничены определёнными ситуациями или стилями речи; во многих случаях используется сам производящий глагол. В древнегреческом языке ситуация была иной: производные глаголы употреблялись чаще, обозначая более конкретные действия. Это подтверждает тезис о богатстве выражения значений по парадигматической оси в синтетических языках по сравнению с богатством выражения по синтагматической оси в аналитических. Таким образом, подтверждается статус русского языка как синтетического и соответственно греческого как аналитического.

Далее было рассмотрено «внутреннее значение слова» в понимании В. фон Гумбольдта, что подтвердило: словообразование конкретного языка отражает действительность в менталитете народа, говорящего на этом языке. Язык, являясь отражением действительности, одновременно выступает показателем культуры. Особенно показательным в этом плане сходство

греческого и русского языков в глаголах *дать* – *δίνω*, исторически связанных между собой.

Сопоставление проводилось не только на словообразовательном, но и на семантическом и синтаксическом уровнях (включая анализ актантов и семантических ролей), что привело к следующим результатам:

1. Все исследуемые глаголы в греческом языке, кроме *λαμβάνω* и *δέχομαι*, встречаются и употребляются чаще, чем их русские аналоги.

2. Глагол *λαμβάνω* постепенно выходит из активного употребления, хотя ранее был одним из ключевых общеупотребительных глаголов греческого языка.

3. Глагол *принимать* в русском языке выступает главным «перифразатором», что подтверждается его частым сочетанием с абстрактными существительными во фразеологии.

4. Глагол *δέχομαι* противостоит процессам аналитизации: в отличие от пары *παίρνω* – *λαμβάνω*, он не допускает полного «поглощения» своих значений глаголом *παίρνω*.

5. Глагол *βάζω* имеет более широкое употребление, чем русские *класть* и *ставить*, поскольку его семантика не накладывает ограничений на способ размещения объекта.

6. В русском языке *ставить* используется чаще, чем *класть*, и обладает более широкой сочетаемостью.

7. Глаголы *βάζω*, *класть* и *ставить* являются общеупотребительными в повседневной разговорной речи и употребляются активнее, чем их гиперонимы.

8. Глагол *βάζω* обладает более широкой сочетаемостью, чем его русские аналоги, что объясняется общей тенденцией к аналитизму в современном греческом языке.

9. Глагол *δίνω* имеет более широкое употребление, чем глагол *давать*, поскольку не нуждается в конкретизации его значений с помощью производных форм.

10. В греческом языке значение глагола *δίνω* конкретизируется контекстом, тогда как в русском языке контекст предопределяет выбор одного из нескольких глаголов для точного выражения смысла.

11. Глагол *βιάζω* имеет максимально широкое употребление, охватывая огромное количество значений, что подтверждается дистрибутивным и семантическим анализом.

12. При синтетизме полисемия базовых глаголов сужается, однако не исчезает, поскольку отдельные значения выражаются разными производными глаголами, в то время как при аналитизме те же глаголы расширяют свою полисемию.

Все эти выводы подтверждают, что в греческом языке основные глаголы обладают более широким спектром употребления не из-за «широкозначности», а вследствие перехода грамматического строя от синтетического к аналитическому. Показателями этого служат: высокая частотность, обобщённость значений, широкая сочетаемость и референция. Этот факт находит подтверждение и в словообразовательных процессах, с учётом исторических сдвигов значений.

Таким образом, исследование подтверждает выдвинутый тезис: в русском языке используются более конкретные единицы по сравнению с греческим, что отражает типологические различия между синтетическим и аналитическим строем языков.

Глава 3. Глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ в лингвистической системологии

3.1. Общеупотребительные глаголы как маркеры в системной типологии языков на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’: гипотеза «ярких представителей» языка

Общеупотребительные глаголы, то есть глаголы основного фонда языка, будучи «яркими представителями» описываемых языков, занимают в нашем исследовании особое место, поскольку мы предполагаем, что они являются маркерами грамматического строя. Данное предположение имеет характер индуктивного обобщения, практически основывается на результатах настоящего диссертационного исследования в связи с проблемой эврисемии и теоретически обосновывается и разворачивается в рамках учений диалектического материализма. С целью уточнения нашего последнего утверждения в продолжение изложения мы кратко рассмотрим применение диалектического материализма в лингвистике.

В советское время учёные различных научных направлений во многом исходили из мировоззренческих оснований диалектического материализма, который являлся идейным фундаментом советского государства [Березин 1975: 267]. Диалектический материализм – это «система философских воззрений К. Маркса и Ф. Энгельса, связанная, во-первых, с материалистической переработкой идеалистической диалектики Гегеля и, во-вторых, с диалектической переработкой прежнего метафизического материализма» [НФЭ 2010, электронный ресурс]. Ф. Энгельс определял его предмет как «всеобщий диалектический процесс, совершающийся как в природе, так и в обществе». Диалектика, подчёркивал он, есть «наука о наиболее общих законах всякого движения» [НФЭ 2010, электронный ресурс].

В раннем советском языкознании вопросы соотношения языка и мышления рассматривались именно сквозь эту призму. Особое влияние

оказали работы В.И. Ленина: «Язык есть средство человеческого общения»; «история мысли = история языка?»; «подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятия) с неё не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя отлёт фантазии от жизни» [цит. по Березин 1981: 7–8]. В.И. Ленин отстаивал основное положение материалистической диалектики – принцип всеобщей связи явлений действительности, который позволяет рассматривать предметы и процессы в их системной обусловленности. Как писал Ф. Энгельс: «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом» [цит. по Березин 1981: 8]. Подобные высказывания поощряли формирование «марксистского языкознания».

Однако чрезмерное и зачастую догматическое применение марксистской теории в «новом учении о языке» Н.Я. Марра значительно задержало развитие советской лингвистики. «Марристы» отвергали существующие лингвистические концепции и методы, включая сравнительно-исторический, что приводило к абсурдным результатам [Березин 1975: 271–274]. В.М. Алпатов отмечает, что из-за монопольного господства идей марризма целые направления были объявлены «буржуазными», а учёные, спорившие с Н.Я. Марром, лишались возможности работать [Алпатов 1998: 228]. Тем не менее даже в годы наибольшего давления, особенно в первой половине 1930-х, исследования продолжались [Алпатов 1998: 228]. Решающий удар псевдомарксистскому движению нанёс сам И.В. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950), после чего идеи «яфетидологии» и тезис о языке как «классовом понятии» окончательно исчезли.

Несмотря на ущерб, нанесённый марризмом, марксистские идеи были плодотворно применены в работах Е.Д. Поливанова, Г.О. Винокура, Н.Ф. Яковлева, И.И. Мещанинова, Л.В. Щербы, П.С. Кузнецова и др. [Березин

1975]. Так, Г.П. Мельников на основе диалектического материализма разработал направление системной лингвистики: «Системная лингвистика – это очередной этап осмысления и упорядочения того опыта и тех достижений, которые получены различными направлениями лингвистики, и в том числе – структурализмом, а также опыта, который можно позаимствовать из других наук (в первую очередь – из кибернетики), имеющих дело со сложными самонастраивающимися системами» [Мельников 1967: 102]. Именно в системной лингвистике (лингвистической системологии) мы рассматриваем вопросы полисемии и типологии.

Основные положения марксизма в языкознании, отражённые в работах советских лингвистов, представляются в кратком виде как: 1) «единство (взаимообусловленность, взаимопроникновение) и борьба (взаимоисключающее, взаимоотрицающее взаимодействие) сторон противоречия» [Новиков 2001а: 58]; 2) системность причинно-следственных отношений языка, позволяющих объяснить всеобщего функционирования языков [Мельников 2003, 2014]; 3) ощущения, восприятие и понятия как результат влияния материальной действительности на органы чувств, представляющие собой, по выражению В.И. Ленина: «субъективный образ объективного мира» [цит. по Березин 1981: 7]; 4) восприятие материальной стороны языка, не идеализированной, находящейся во взаимодействии с действительностью и мышлением, т.е., восприятие языка «в действии»; 5) типологичность языков, выраженная в постоянном использовании языка как не статичного механизма; 6) социальный акцент на язык, который подвергается изменениям из-за развития общества, в которое каждый носитель данного языка вносит свой вклад.

В этой связи можно согласиться с А.А. Зализняк, утверждавшей, что лингвистика в России всегда была когнитивной [Зализняк 2013: 19]. Как писал Е.Д. Поливанов ещё в 1931 г., вопросы общего языкознания (*вопросы соотношения языка и мышления*, выделено нами Н.К.), включая соотношение языка и мышления, «рассматривались как основная ценность и главная цель

лингвистических штудий» [Поливанов 2023: 4], и отнюдь не были открытием структурализма Ф. де Соссюра [Поливанов 2023: 3].

На основе вышесказанного предпринимается попытка рассмотреть русские и греческие глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ сквозь призму материального понимания единства языка и мышления, а также выдвигается гипотеза о «ярких представителях» определенного языка, которые являются «намёками» на типологические тенденции всей языковой системы. Рассматривать данный тезис целесообразно на материале флективных языков.

Как было отмечено ранее, общеупотребительные глаголы, которые привлекали внимание исследователей в связи с проблемой эврисемии, характеризуются широкой сочетаемостью, обобщённым значением (сигнификат +, денотат –), широкой референцией, постоянным присутствием в речи (тексте) и тенденцией к десемантизации. Эти характеристики свойственны основным глаголам разных языков и потому могут рассматриваться как **универсальные**.

Ещё одна общая черта, отмечаемая в работах по эврисемии: **признак динамичности** в категории аспектуальности. Под аспектуальностью традиционно понимается «характер протекания и распределения глагольного действия во времени, то есть внутренняя темпоральная структура глагольного действия» [Бондарко 1987: 40–41; Smith 1991: 6].

В нашем исследовании аспектуальность как категория подробно не анализируется. Однако будет дано краткое описание лексического аспектуального класса, т.е. более абстрактной лексической категории, выделяемой по признаку динамичности/нединамичности (статичности), с целью уточнить роль общеупотребительных глаголов как возможных маркеров в характеристике грамматического строя языка.

Таблица 14. Статичные и динамичные глаголы

Статичные глаголы	Динамичные глаголы
<i>Быть, иметь, знать, думать, понимать, верить, любить, хотеть, нуждаться и т.д.</i>	<i>Делать, идти, бегать, писать, брать, дать, лететь, играть, прийти, ставить, прыгать и т.д.</i>

В приведённой выше таблице показаны наиболее абстрактные примеры динамичных и статичных глаголов без учёта дополнительных факторов – только по признаку способности выражать процесс или действие (см. таблицу 14). Эта таблица носит иллюстративный характер и не может считаться окончательной. Следует учитывать, что существуют глаголы, которые могут выражать как состояние, так и действие или процесс, например, *быть*, *иметь*⁴².

В случае исследуемых глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ можно отметить, что все они относятся к динамичному аспектуальному классу. Это находит отражение в следующем: основные динамичные глаголы любого языка часто появляются в речи в разных значениях, описывающих «реальное (физическое) движение», которое мы замечаем в повседневности (например, *кто-то берет, дает, ставит, кладет что-то*). Данный факт подтверждается, в частности, исследованием E. Traugott & V. Heine, где подчёркивается, что наиболее простые и частотные слова, в том числе глаголы, чаще других подвергаются грамматикализации⁴³ [Traugott, Heine 1991: 8]. Дополнительным аргументом может служить число идиоматических выражений, ведь идиоматизация является частным случаем общего процесса грамматикализации, в результате которого единица «теряет свою автономность, становясь объектом ограничений языковой системы» [цит. по Копотев, Стексова 2016: 24].

Напротив, статичные глаголы, не требующие физического изменения или движения, не столь открыты к новым значениям: они имеют более абстрактное и «идеальное» значение, не вызывающее конкретных визуальных образов, тогда как динамичные глаголы связаны с обобщённым⁴⁴ образом движения, регулярно наблюдаемым в реальной жизни. Поэтому, когда мы

⁴² Глаголы, имеющие как признак динамичности, так и нединамичности не будут анализированы.

⁴³ Последнее не означает, что статичные глаголы не грамматикализируются; пути грамматикализации различаются и не будут рассматриваться в данном диссертационном исследовании (см. [Майсак 2005]).

⁴⁴ Понятие обобщенное тут употребляется в смысле обобщенного образа, т.е. как абстракция обобщения всех образов движения, в то время как абстрактное выше, подразумевает абстракцию отвлечения.

говорим об общеупотребительных глаголах как маркерах грамматического строя языка (и далее, как о «ярких представителях»), речь должна идти прежде всего о динамичных глаголах. Они представляют собой отражение актуального состояния языка и являются неотъемлемой частью повседневной действительности. Вероятно, именно по этой причине динамичные глаголы в работах лингвистов нередко признавались «широкозначными».

Итак, высокая частотность динамичного общеупотребительного глагола в лингвистическом плане свидетельствует о его широкой сочетаемости и обобщённом значении (сигнификат +, денотат –), что следует из результатов предыдущих глав. В социально-лингвистическом плане частотность намекает на изменения в обществе, которые находят отражение в языке. Так, глагол *παίρνω* присвоил себе почти все фразеологические сочетания с глаголом *λαμβάνω* и даже его основные значения, что привело к ограничению последнего рамками официально-делового стиля. Причина такого процесса связана с отходом от «кафаревусы» и закреплением «димотики» в роли разговорного языка. Аналогичные явления наблюдаются и в случае других глаголов: *βυάζω* (наследник *ἐκβιβάζω*) стал полным антонимом *βάζω*. Далее глагол *βάζω* расширил свою сферу применения за счёт значений, ему изначально не присущих, и фактически вытеснил гипероним *τοποθετώ; δίνω* поглотил значения своих производных; *βυάζω*, благодаря богатой сочетаемости, утратил дифференциальные признаки и заменил ряд синонимов (например, *αφαιρώ*).

Таким образом, мы полагаем, что состояние языка отражает состояние общества, а изменения в языке являются результатом общественных изменений. Язык можно объяснить через материальное понимание единства языка и мышления, где лежат принципы языковой эволюции. Движущая сила этой эволюции – это типологичность языка. В связи с этим общеупотребительные глаголы можно рассматривать как маркеры типологической принадлежности языка, так как их высокая частотность и

активное употребление непосредственно влияют на систему в целом по принципу «все вносят свой вклад».

Принцип «все вносят свой вклад» действует и в отношении языка: каждый элемент играет свою роль, но «яркие представители», то есть наиболее частотные динамичные глаголы, определяют тенденции развития системы (см. рисунок 5). В реальной жизни аналогичный процесс наблюдается в обществе: политические деятели, обладая инструментами власти, способны инициировать радикальные перемены, в то время как рядовые члены общества влияют на изменения лишь тогда, когда становятся «яркими представителями». В языковом плане преобладание одного глагола над его синонимами свидетельствует о тенденции к аналитизму. Этот процесс можно проследить, например, в современном греческом языке: глагол *παίρνω* вытеснил конкурентов, *βάζω* занял место гиперонима *τοποθετώ*, а *δίνω* и *βυάζω* расширили свои функции за счёт семантического ослабления (десемантизации).

Вышесказанное служит лишь примером, подтверждающим данное предположение, поскольку к таким же результатам мы приходим, рассматривая и другие общеупотребительные, динамичные глаголы, такие как *κάνω* ‘делать’, *αφήνω* ‘оставлять’, *κρατάω* ‘держатъ’ и т.д., а также примеры в других аналитических языках (например, английский *get*).

Важно подчеркнуть системный характер явления. Как всякая система, язык обеспечивает определенные отношения между своими членами в результате системных или асистемных тенденций [Маковский 1980]. Язык функционирует как целостная система, в которой действует также **принцип «устранения и заполнения»**: когда один элемент ограничивает свое употребление или вытесняется, другой занимает освободившуюся нишу (см. рисунок 6). В русском языке примером может служить замена слова *господин* на *товарищ* в советский период.

Таким образом, мы утверждаем, что преобладание одного глагола над другими, которые ему синонимичны и широко до этого употреблялись в

разговорной речи, наблюдается тогда, когда замечается отход данных синонимичных глаголов от активного применения, что в первую очередь станет заметным фактом во фразеологии языка. Сопутствующее расширение сочетаемости такого глагола превращает его в общеупотребительный элемент. Если подобный процесс наблюдается у достаточного числа «ярких представителей», можно говорить о тенденции к аналитизму в языке. Это доказывается результатами исследования во второй главе.

Синхронный аспект позволяет выявлять это явление при сопоставлении языков с разной типологической принадлежностью (например, русского как синтетического и греческого как аналитического). Диахронический аспект – при сравнении состояния одного языка в разные периоды.

Индуктивное сопоставление выводов из глав 1 и 2 позволяет обобщить результаты:

1. в русском языке понятия ‘брат’, ‘давать’, ‘помещать’, ‘размещать’ выражаются множеством синонимичных и производных глаголов, тогда как в современном греческом языке эти значения сосредоточены в одном общеупотребительном глаголе с широкой сочетаемостью;

2. общеупотребительные динамичные глаголы первыми подвергаются изменениям и отражают сдвиги в грамматическом строе;

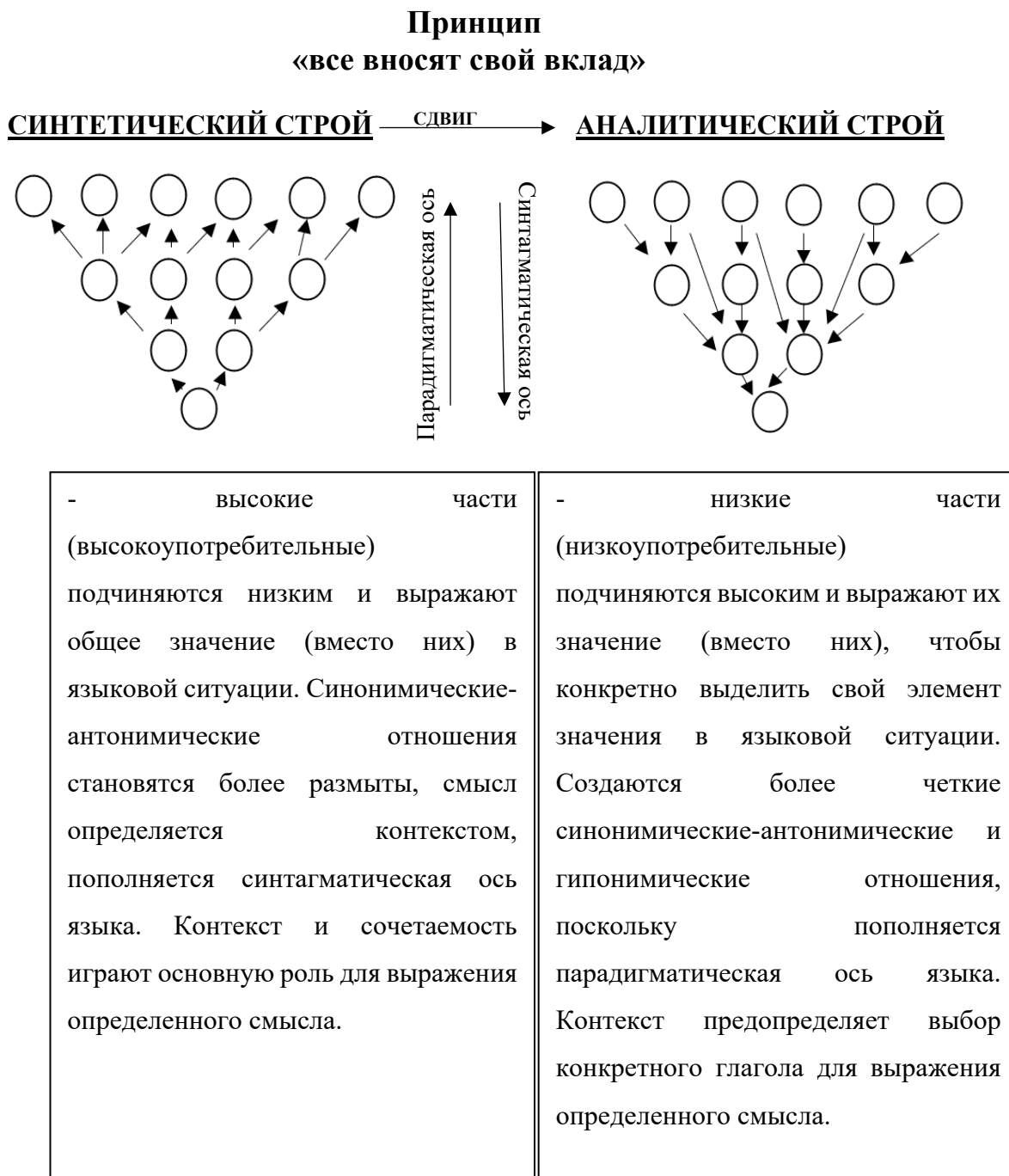
3. исследование таких глаголов подтверждает, что в русском языке доминируют синтетические тенденции, тогда как в греческом аналитические;

4. в типологическом плане русский язык более развит на парадигматической оси, а греческий в синтагматической.

Итак, в узком аспекте соотношения синтетизма и аналитизма можно утверждать, что общеупотребительные глаголы являются маркером грамматического строя языка. Наиболее наглядно это проявляется при системном рассмотрении языка в связи с действительностью и при учёте общих критериев его эволюции (см. [Χρηστίδης 2005, 2014; Horrocks 2010]) об истории греческого языка). Особую роль здесь играют принципы «все вносят

свой вклад» и «устранения и заполнения», непосредственно связанные с законом диалектики «перехода количественных изменений в качественные⁴⁵».

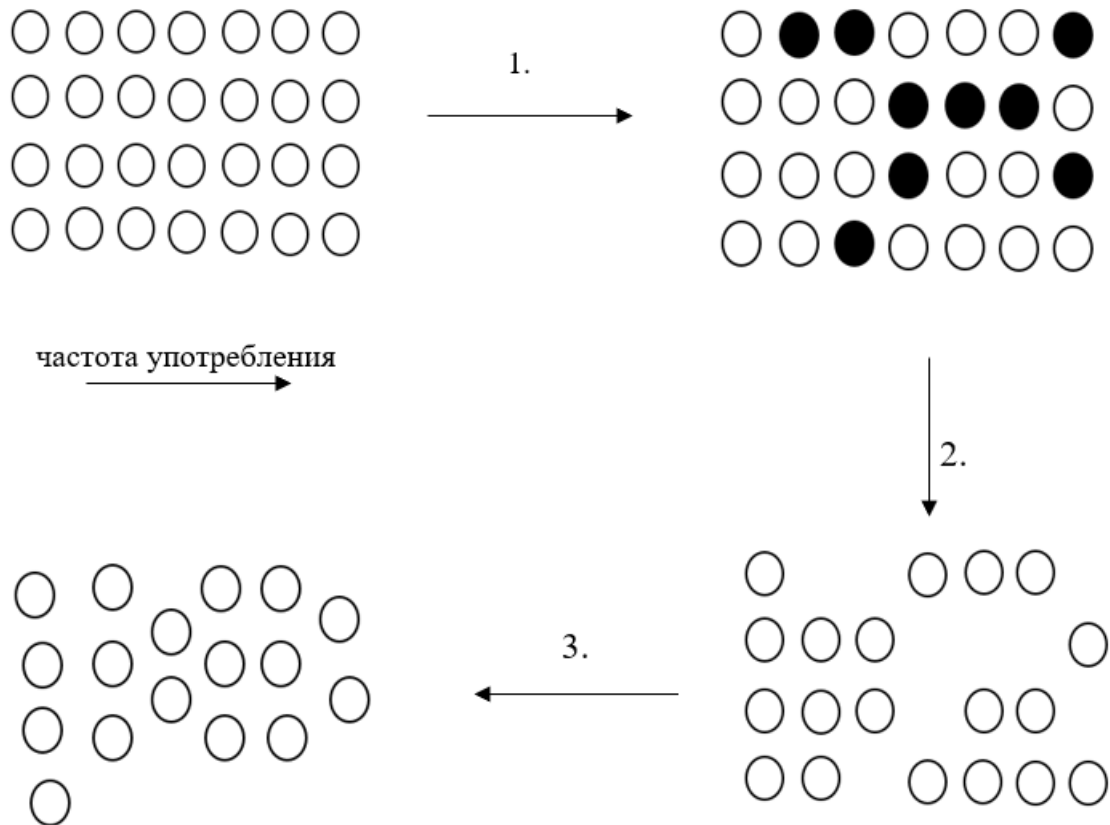
Рисунок 5. Принцип «все вносят свой вклад»

⁴⁵ В диалектике Гегеля и в диалектическом материализме данный закон характеризуется «всеобщим законом развития природы, материального мира, человеческого общества и мышления» [НФЭ 2010, электронный ресурс]. «Любое количественное изменение выступает как изменение элементов системы. Степень различия между старым и новым качеством зависит от количественных изменений в рассматриваемом объекте. «... Качественные изменения – точно определенным для каждого отдельного случая способом – могут происходить лишь путем количественного прибавления либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)» (Энгельс Ф. Диалектика природы, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т.20, с. 385; Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 586.).

Рисунок 6. Принцип «устранения и заполнения»

**Принцип
«устранения и заполнения»**

Гипотеза становления русского языка как аналитического

Данная гипотеза, вероятно, никогда не будет подтверждена, но при этом служит наглядным примером для данного принципа: если глаголы *брать*, *дать*, *ставить*, *класть* и другие общеупотребительные глаголы начнут использоваться в значениях их производных и им синонимичных глаголов, данный факт может служить доказательством аналитических тенденций, при которых глаголы будут пополнять свою сочетаемость. Данная гипотеза также должна быть подтверждена в рамках других критериев аналитизации.

3.2. Роль полисемии в языковой системологии на примере глаголов ЛСГ 'перемещение объекта'

В первой главе диссертационного исследования подверглись тщательному анализу различные типы полисемии в современной лингвистике, а также были систематизированы и критически осмыслены концепции моносемии и так называемой «моносемии на пределе», традиционно рассматриваемых в качестве антиподов полисемии. Автор работы, исходя из принципиально максималистской позиции в интерпретации данного феномена, понимает его как универсальный: полисемия не только конститутивна для естественного языка как динамической знаковой системы, но и постоянно актуализируется в повседневной речевой практике, что делает бессмысленным любые попытки её отрицания. Аргументация данной позиции обретает особую убедительность в рамках семантического подхода, согласно которому каждая конкретная реализация лексемы обнаруживает множественность соотнесённых значений, тем самым демонстрируя собственно полисемический характер языковой единицы.

Сомнения в реальном существовании полисемии, тем не менее, нередко обусловлены терминологическими затруднениями. Поскольку само понятие «полисемия» акцентирует внимание преимущественно на семемах, то есть на лексико-семантических вариантах (ЛСВ) слова, возникает ложная ассоциация с термином «сема». На эту концептуальную подмену указывает С. Kerbrat-Orecchioni, предлагая уточнённые обозначения «полисемемия» ('polysememy') и «моносемемия» ('monosememy') [Kerbrat-Orecchioni 1977: 251]. Однако современная лингвистическая традиция соотносит термин *сема* не с этимологическим источником греч. *σημα* 'знак', а с элементарным компонентом значения, что нивелирует доводы в пользу отрицания полисемии.

Напротив, если исходить из фундаментального положения о языке как о знаковой системе, неразрывно взаимодействующей с иными семиотическими

комплексами, то множественность интерпретаций одного и того же знака оказывается не только возможной, но и структурно неизбежной.

Эта закономерность получает дальнейшее эмпирическое подтверждение во второй главе настоящего исследования, где на материале сопоставительного анализа продемонстрировано, что ряд слов-знаков в ходе эволюции языка приобрёл дополнительные значения под воздействием социокультурных трансформаций. Указанные факты не только иллюстрируют внутреннюю подвижность семантической системы, но и служат убедительным аргументом в пользу признания полисемии одним из базовых механизмов языкового развития. В третьей главе мы рассмотрим роль полисемии в одном из её проявлений – метафоре в языковой системологии, поскольку мы считаем, что доказали несостоятельность понятия эврисемии и предоставили типологическое объяснение в пользу полисемии. В дальнейшем мы не будем исследовать семантическую структуру рассматриваемых глаголов, а сосредоточимся на грамматической метафоре, метафорическом переносе от конкретного к абстрактному объекту и сенсорной метафоре на основе коллокаций и номинализированных единиц в греческом и русском языках.

Полисемия исследуемых единиц в греческом и русском языках считается автором доказанной, исходя из трёх тезисов: 1) *теоретический*: автор принимает максималистский взгляд на полисемию и считает её роль основной. На это указывает современная когнитивная наука [Зализняк 2006, 2013]. Все характеристики, которые считались основой для её отрицания (широкое опустошение, широкая референция, диффузность), показывают, наоборот, размытость её границ; 2) *лексикографический*: в практике составления словарей выделение того или иного значения следует некоторым методическим процедурам, которые, как было показано в § 1.2., могут огрублять некоторые значения слов, однако данный факт не является поводом утверждения их однозначности; 3) *типологический*: во второй главе было показано, что в общеупотребительных глаголах в синтетическом русском языке полисемия сужается, в то время как в аналитическом греческом

расширяется, что находит отражение в большом количестве значений этих единиц в словаре.

Поэтому в продолжении мы не ставим перед собой цель подтверждения понятия полисемии в классическом смысле (выделение ЛСВ, мотивированности, топологии и др.), но, наоборот, на основе исследуемого материала принимаем тезис, что общеупотребительные динамичные глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ являются многозначными.

Идея рассмотрения роли полисемии в языковой системологии отвечает более общим задачам исследования: показать универсальный механизм номинализации общеупотребительных многозначных динамичных глаголов в сравнении с глаголами с конкретным значением; проанализировать метафорический перенос от конкретного к абстрактному объекту во флективных языках, показывающий связь лексического и фразеологического значений; описать механизм образования сенсорной метафоры в глаголах ЛСГ ‘перемещение объекта’ с целью демонстрации их связи чувственного опыта с языком и мышлением. Тем не менее, рассмотрение данных типов метафоры неизбежно приводит к признанию глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ многозначными, поскольку многозначность является не случайным свойством лексических единиц, а системно обусловленным следствием их высокой частотности, семантической абстрактности и функциональной нагруженности в языковой системе.

В этом смысле глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ выступают не как носители «широкого» или размывающегося значения, а как структурно устойчивые ядра семантических и фразеологических расширений, формирующихся на основе регулярных когнитивных и метафорических механизмов. Их полисемия не разрушает лексическое значение, а, напротив, обеспечивает его продуктивность, позволяя данным глаголам выполнять роль маркеров системно-типологических особенностей флективных языков.

Это обусловило структуру диссертационного исследования: первая глава служит теоретическим подтверждением дискуссионности понятия

эврисемии, на основе которой формулируются типологические характеристики синтетических и аналитических языков; доказывается, что эврисемия является иллюзией полисемии. Вторая глава служит практическим подтверждением первой главы, и в последующей главе на основе её результатов строится гипотеза «ярких представителей» языка. В третьей главе на первое место выдвигается роль полисемии в языковой системологии, исследуются номинализованные единицы и коллокации с целью демонстрации некоторых механизмов общеупотребительных многозначных динамичных глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’.

3.3. Грамматическая метафора (перенесение) в системно-функциональной грамматике М.А.К. Halliday на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Грамматическая метафора в понимании М.А.К. Halliday не соотносится с метафорой в её современном философско-лингвистическом значении. Термин *метафора* в данном контексте используется для обозначения процессов, связанных прежде всего с **номинализацией**, то есть с регулярным словообразовательным механизмом преобразования предикативных структур в именные. Данный процесс предполагает образование девербативов, т.е., отглагольных существительных. Грамматическая метафора, хотя и не связана с полисемией, исследуется в этой главе с целью установить некоторые универсальные правила для общеупотребительных глаголов с обобщенным и конкретным значением сквозь призму грамматической метафоры. Это позволит нам продолжить анализ многозначных динамичных глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ с позиции системного взгляда.

По М.А.К. Halliday, грамматическая метафора есть *перенесение* с «конгруэнтного» (то есть более прозрачного и естественного с точки зрения соотношения формы и значения) на «метафорический» уровень грамматики [Halliday 1985: 345]. Иными словами, она представляет собой замещение

одного грамматического класса или структуры другим пример, *his departure* вместо *he departed* [Halliday & Martin 1993: 79]. В российской и зарубежной синтаксической традиции аналогичные явления нередко описываются как «морфологическая трансформация» [Грибещенко 2013, электронный ресурс].

Конгруэнтные конструкции репрезентируют прототипические способы концептуализации опыта: глаголы кодируют действия или процессы, имена существительные – участников, наречия и предложные группы – обстоятельственные характеристики, а союзы устанавливают отношения между разными процессами. По мере эволюции языка эти изначальные соотношения подвергаются переосмыслению: глагольные предикаты замещаются именами, прилагательные – субстантивируются, а целые предложения свертываются в именные словосочетания. Подобные структурные преобразования М.А.К. Halliday квалифицирует как грамматическую метафору [Halliday 1985].

Среди выделенных М.А.К. Halliday разновидностей грамматической метафоры особое место занимает номинализация, которая представляет её главный источник. Номинализация образует отглагольные существительные и рассматривается как феномен, первоначально сформировавшийся в научном и техническом дискурсе, а впоследствии распространившийся на иные коммуникативные сферы [Halliday & Matthiessen 2004].

Несмотря на преимущественно текстологическую природу грамматической метафоры, она обнаруживает более глубокую когнитивную и культурно-историческую обусловленность. Становление научного мировоззрения после эпохи Возрождения сопровождалось необходимостью объективации динамических явлений, что выражалось в интенсивной номинализации: язык закреплял новые, абстрактные категории знания посредством имён, а не действий. Именно поэтому в математике (*отрицание, сложение, вычитание, деление*), химии (*реакция*), физике (*затемнение, радиация, излучение, загрязнение* и др.) столь значителен пласт номинализированных единиц. Нарастание подобных форм свидетельствует о

параллельном развитии **абстрактного мышления** и соответствующих языковых средств [Banks 2005; Bello 2016].

Примечательно, что номинализация в научном стиле преимущественно опирается на лексемы с конкретным значением (*сигнификат + / денотат –*): именно конкретные лексемы способны специализироваться и формировать устойчивые термины (например, *умножение, отрицание, сложение*). Такая избирательность объясняется требованием терминологической точности и однозначности. Лексемы же с изначально обобщённым значением не применяются в научном стиле речи, поскольку их номинализованные формы сохраняют тесную связь с исходной глагольной предикацией, в результате чего действие не получает конкретное обозначение. Также в некоторых случаях глаголы с обобщённым значением редко используются или даже не образуют девербативы.

Особенно показательны в этом отношении глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’. Так, греческие *βάζω, βγάζω, παίρνω, δίνω, δέχομαι* в силу своего широкого употребления практически не поддаются грамматической метафоре в научном стиле: *βγάζω το συμπέρασμα* \neg *το βγάλσιμο του συμπεράσματος* ‘досл.: снятие / вывода’, *παίρνω την απόφαση* \neg *το πάρσιμο της απόφασης* ‘досл.: взятие решения’, *δίνω το δέμα* \neg *το δόσιμο του δέματος* ‘досл. дача посылки’, *βάζω τα ρούχα* \neg *το βάλισμο των ρούχων* ‘досл.: загрузка одежды’ и др. Интересно, что данные девербативы (отглагольные существительные) применяются редко даже в разговорной речи, поскольку кажутся неправильными с точки зрения нормативного языка. Вместо вышесказанных девербативов реализуются параллельные, более специализированные глаголы, которые являются их синонимами: *βγάζω το συμπέρασμα* \rightarrow *η εξαγωγή του συμπεράσματος* (*εξάγω*) ‘досл.: вывод вывода’, *παίρνω την απόφαση* \rightarrow *η λήψη της απόφασης* (*λαμβάνω*) ‘досл.: получение решения’, *δίνω το δέμα* \rightarrow *η παράδοση του δέματος* (*παραδίδω*) ‘досл.: передача/доставка посылки’. Характерно также, что глагол *λαμβάνω*, постепенно вытесняясь из обиходной речи, активно закрепляется в научном и политическом дискурсе: *παίρνω την απόφαση* (*λαμβάνω την απόφαση*) \rightarrow *η λήψη*

της απόφασης ‘досл.: получение решения; принятие решения’, *λαμβάνω μέτρα* → *η λήψη μέτρων* ‘досл.: получение мер; принятие мер’, *λαμβάνω ειδοποιήσεις* → *η λήψη ειδοποιήσεων* ‘досл.: получение уведомлений’.

Сходная закономерность прослеживается в русском языке. Многозначные динамичные глаголы с обобщенным значением *брать*, *ставить*, *класть* не образуют продуктивных девербативов ни в разговорной, ни и в научной речи. Напротив, глаголы *получать* (*получить*), *принимать* (*принять*) и в ряде случаев *взять* регулярно участвуют в процессах номинализации: *принимать закон* → *принятие закона*, *принимать меры* → *принятие мер*, *получать подарок* → *получение подарка*, *получать паспорт* → *получение паспорта*. Примечательно, что девербатив *взятие* специализируется преимущественно в значении ‘захват’ (ср.: *взятие крепости*, *взятие города*), что подтверждают многочисленные литературные и исторические контексты: *однако часть городской стены оставалась в руках русских вплоть до времени завершения взятия крепости* (Группа авторов, Казань, 2003), *молниеносные взятия русских городов говорят о его силе и большом военном таланте* (Юрий Торубаров, Месть Аскольда, 2015), *этот его талант и лёг в основу амбициозного плана взятия столицы, составленного сестрой в минуты досуга – как известно, праздность является опасной питательной средой для женской фантазии* (Валерия Демина, Чарованная щепка, 2023)⁴⁶.

Исключение составляет также глагол *дать*⁴⁷, который может выразить значение ‘дать’ в научном стиле речи: *причем явка ревизора или специалиста по вызову прокурора и проведение ими соответствующих работ рассматриваются как их обязанность, неисполнение которой влечет ответственность по ст. 17.7 КоАП (непредставление документов, отказ от дачи объяснений, неявка по вызову прокурора и т. д.)*

⁴⁶Карта слова «взятие» доступно по: <https://kartaslov.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC/%D0%B2%D0%B7D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5>[Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 23.11.2025).

⁴⁷ От глагола *давать* не образуются существительные.

(Игорь Петрухин. Исторический очерк деятельности прокуратуры // «Отечественные записки», 2003) [НКРЯ]. Данное значение является непопулярным, поскольку обычно под словом *дача* понимаются значения омонимов: *дача* как ‘участок земли под лесом’ или ‘загородный дом для летнего проживания и отдыха городских жителей’ [БТССРЯ 2008, электронный ресурс], что также подтверждается в НКРЯ [НКРЯ].

Как А.А. Потебня отмечал в свое время: «в именах действия в их историческом движении совмещаются значения места действия, результата действия, орудия, а иногда и деятеля. Например, выход, вход, проход — получают значение места (см.: Потебня, из зап. по русск. грам., 3, с. 25); дача — вещи как результата или предмета действия (пожалованья подмосковных помещьев — дач), вероятно, уже во второй половине XVIII века дача — ‘подгородная барская усадьба’» [цит. по Виноградов 1975: 186].

В отличие от этого, производные исследуемых глаголов достаточно активно применяются в разговорной и научной речи, особенно в русском языке: 1) дать: *раздача, сдача, подача, выдача, передача* и др.; 2) брать: *подбирание, подбор, отбирание, отбор, прибирание, добирание, собирание, разбираение, убирание, выбор, выбирание* и др.; 3) ставить: *доставка, отставка, приставка, приставление, заставление, представление, расставление, переставление* и др.; 4) класть: *прикладывание, укладывание, укладка, откладывание, закладка, закладывание, перекладывание, приложение* и др.; 5) принимать (принять): *восприятие, предприятие* и др. В греческом языке отмечаются девербативы следующих производных глаголов, образованных от прошедшего времени СВ (‘аорист’) данных глаголов: 1) δίνω: *παράδοση* ‘передача’, *διάδοση* ‘распространение’, *απόδοση* ‘отдача’, *ανταπόδοση* ‘возмещение’, *ανάδοση* ‘возвращение’, *μετάδοση* ‘передача’, *έκδοση* ‘издание, выпуск’; 2) λαμβάνω: *επανάληψη* ‘повторение’, *ανάληψη* ‘снятие’, *αντίληψη* ‘восприятие’, *πρόληψη* ‘предвосхищение’, *πρόσληψη* ‘принятие на работу’; 3) βάζω: *αποβίβαση* ‘высадка’, *επιβίβαση* ‘посадка’, *διαβίβαση* ‘передача’, *διάβασμα* ‘чтение’, *έκβαση* ‘исход’, *ανάβαση* ‘подъем’, *υποβίβαση*

‘понижение’; 4) δέχομαι: *αποδοχή* ‘принятие’, *διαδοχή* ‘преемственность’, *εκδοχή* ‘версия’, *παραδοχή* ‘допущение’, *αναδοχή* ‘опекунство’, *υποδοχή* ‘встреча, прием’. В целом мы отмечаем, что глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ в русском языке формируют имена действия (или результата) с суффиксами *-ени-*, *-к-*, *-ни-*, а в греческом через *-μα*, *-ιμο* и *-ση* (*-ξη*, *-ψη*, *-φη*).

Подытоживая, можно заключить, что грамматическая метафора в большинстве случаев сопровождается переходом зависимого имени существительного из винительного в родительный падеж, что необходимо для грамматической интеграции девербативов. Её продуктивность тесно коррелирует с семантической спецификой лексем: **конкретные единицы** легче подвергаются номинализации и становятся терминологически значимыми, тогда как **обобщённые глаголы** либо постепенно утрачивают способность к образованию девербативов, либо устаревают, либо не употребляются в научном стиле речи. В этом заключается не только стилистическая, но и когнитивно-семиотическая роль грамматической метафоры: она не просто преобразует разговорный стиль в научный, а предикативные конструкции – в именные, но и репрезентирует фундаментальный вектор развития языка и мышления – **от конкретного к абстрактному**.

3.4. Метафорический перенос от конкретного к абстрактному объекту – от номинативного к фразеологическому значению на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Метафорический перенос от конкретного к абстрактному объекту в данном исследовании понимается не в традиционно риторическом смысле, а именно в духе грамматической метафоры М.А.К. Halliday: как перенос значения и функции внутри грамматической системы. Для дальнейшего развертывания данной мысли мы уточним понятия «конкретное» и «абстрактное»: под *конкретным* здесь понимается материальный,

эмпирически доступный объект, существующий в физической реальности; под *абстрактным* – идеализированный, умозрительный объект, лишённый чувственной осязаемости.

Исследуемый метафорический перенос от конкретного к абстрактному заключается в том, что утрата признаков конкретности/материальности существительного в словосочетании с глаголом, чувственно воспринимаемого, сигнализирует о разрыве непосредственной связи с действительностью и, как следствие, о перемещении с номинативного уровня значения на фразеологический (см. рисунок 7). Особенно показательным это для ЛСГ ‘перемещение объекта’, в которой фиксируется не только утрата материальной, но и утрата сенсорной (тактильной) характеристики, то есть исходного ощущения осязания (см. § 3.5.), которым оправдывается их «обобщенное значение» в словосочетаниях.

Наиболее наглядно это проявляется в сопоставлении коллокаций, т.е. полусвободных словосочетаний в терминологии И.А. Мельчука [Mel’čuk 2022: 4], и свободных словосочетаний, различие между которыми в разговорной речи порой едва уловимо: *беру стакан* → *беру ответственность*, *даю сигарету* → *даю возможность*. В сочетаниях типа *беру стакан*, *даю сигарету* реализуется номинативное значение, поскольку устанавливается прямая связь с действительностью: «номинативные значения как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание. Номинативное значение слова – опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [Виноградов 1977: 171]; такие сочетания свободны и отражают реальные отношения действительности. Напротив, в сочетаниях *беру ответственность*, *даю возможность* проявляется уже фразеологическое значение, которое реализуется в сочетании со строго ограниченным кругом слов, где употребление определяется не логическими отношениями, а закономерностями функционирования в языке: «фразеологически связанное

значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нем так рельефно, как в свободном значении; значение этого рода – «рассеянное»: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями» [Виноградов 1977: 176–177].

Следовательно, различие между приведёнными парами обусловлено семантическим статусом дополнения, конкретным или абстрактным, а не собственно лексическим значением глаголов *брать* и *давать*, которые в обоих случаях в обыденном общении воспринимаются как единые по основным словарным дефинициям: ‘брать кого-что – захватывать рукой (или каким-либо орудием), принимать в руки’; ‘давать кого-что кому – вручать; предоставлять’ [Ожегов 2025, электронный ресурс]. Однако то, что их, собственно, различает – это конкретность/абстрактность объекта, т.е. синтаксические дополнения, что и разделяет их значение на номинативное и фразеологическое соответственно. Таким образом, метафорический перенос от конкретного к абстрактному объекту, о котором мы говорили выше, является связующим звеном между номинативным и фразеологическим значением, между лексикологией и фразеологией.

Такого рода метафоры обладают высокой продуктивностью: именно через них формируется и расширяется коллокационный и фразеологический потенциал лексической единицы. Повторяемость таких переносов создаёт эффект «подсказки» высокой частотности употребления глагола в абстрактном значении, что фиксирует процесс его семантической генерализации и закрепления обобщённого употребления (см. Приложение 5).

Рисунок 7. Метафорический перенос от конкретного к абстрактному объекту

Все коллокации в той или иной мере вовлечены в метафору от конкретного к абстрактному, что позволяет рассматривать этот процесс как универсальный когнитивно-языковой механизм. Каждая коллокация либо уже находится на заключительной стадии десемантизации, либо пребывает в её преддверии. Под десемантизацией понимается постепенная утрата исходным глаголом собственной лексико-семантической «плотности» и перераспределение смысловой нагрузки на сочетание в целом.

Иногда семантика коллокаций остаётся относительно прозрачной. Этому способствует: 1) **полное или частичное совпадение актантной структуры** исходного глагола с актантной структурой коллокации, даже если глагол не управляет своими актантами и не играет особой роли; 2) **межъязыковое совпадение коллокаций**, которое облегчает интерпретацию и закрепляет типовые модели в нескольких языках. Детальную, формально ориентированную классификацию коллокаций предлагает П. Фому, которая на основе событийной и актантной структуры (по терминологии генеративной грамматики) выделяет пять стадий развития коллокаций, сопоставляя исходную структуру основного глагола с теми конструкциями коллокаций [Фóмов 2006]. Однако эта классификация в значительной степени опирается

на синтаксические трансформации и сдвиги семантических ролей, что не отвечает задачам исследования.

Вместо этого для анализа коллокаций предлагаются более «наивные» критерии, проверенные в ходе лингвистического опроса, проведённого автором диссертационного исследования (см. Приложение 6). Эмпирическая база исследования формировалась на основе нескольких источников: словарных дефиниций, корпусных данных греческого и русского языков, материала исследования Р. Thomou [Thomou, 2006], а также примеров, собранных автором во процессе преподавания греческого языка как иностранного. Отбор коллокаций осуществлялся методом сплошной выборки с последующей структурно-семантической классификацией. Для проверки предложенной классификации был проведён опрос среди 29 информантов, изучающих греческий язык на уровне В1–В2. Анкета включала список греческих коллокаций, сопровождавшихся буквальным переводом и/или русским соответствием. Шкала включала уровни от мгновенного понимания до полной невозможности установить значение. Участникам предлагалось распределить коллокации по шести уровням сложности восприятия.

Интерпретация результатов осуществлялась путем расчёта среднего значения сложности по каждой коллокации с последующим сопоставлением этих значений с выделенными категориями. Комментарии участников, полученные в ходе обсуждения после опроса, использовались как дополнительный качественный материал для уточнения критериев классификации, но не заменяли количественную обработку данных. Полученные данные использовались как эмпирический материал, позволяющий соотнести тип коллокации, степень десемантизации глагола и сложность восприятия значения. Таким образом, на основе вышесказанного опроса были выделены следующие критерии:

1. Наличие или отсутствие свободного словосочетания, совпадающего со структурой коллокации, но с другим (буквальным)

значением, например, *βυάζω λεφτά*, что переводится как ‘зарабатываю деньги’ или ‘снимаю деньги’ (буквальное значение).

2. Возможность перифразы по правилу⁴⁸: *сочетаемое существительное эквивалентно исходному глаголу*, если а) отсутствует свободное буквальное соответствие (по первому пункту), и б) существительное однокоренное с глаголом (даже без прямой синонимии).

3. Характер семантического сдвига: построена ли коллокация на метафорическом переносе или на десемантизации.

Следует отметить, что роль девербативов в данном параграфе отдельно не рассматривается. Во-первых, как показано далее, перифраза возможна не только в коллокациях с девербативами. Во-вторых, в повседневном общении носители языка редко осознают словообразовательную активность существительных, поэтому для наших целей учёт формального присутствия или отсутствия девербативной основы не является принципиальным. Тем не менее, с формальной точки зрения, в трактовке И.А. Мельчука коллокации с девербативами, выражающими событие, состояние или действие, могут описываться как конструкции **семантически опустошенных глаголов**, соответствующих схеме $V_o = So(V_o) \leftarrow V(\text{support})(So(V_o))$ [Mel'čuk 2022: 4]. Такой подход позволяет рассматривать их как аналитические дублеты, соответствующие синтетическим лексемам, и указывает на их **систематичность** в языке, что делает их релевантными для синтаксических исследований.

На основании предложенных критериев выделяются четыре категории коллокаций (см. таблицу 15).

1. Коллокации с абстрактным существительным и метафорическим значением глагола

В данной категории коллокации сочетаются с абстрактным существительным, при этом фразеологическое значение формируется на

⁴⁸ Данное правило создано для удобства классификации и не базируется на определенной теории.

основе метафоры глагола: *βάζω όρο* = *ставить условие*, *βγάζω κέρδος* = *извлекать прибыль*, *δίνω αγάπη* = *дать любовь*, *λαμβάνω ευχαρίστηση* = *получать*⁴⁹ *удовольствие*, *δίνω ευκαιρία* = *дать возможность*, *παίρνω την ευθύνη* = *брать ответственность*, *δίνω θάρρος* ‘досл.: дать смелость’, *δίνω δύναμη* ‘досл.: дать силу; набраться сил’, *δίνω άδεια* ‘дать разрешение’, *βάζω κανόνες* ‘устанавливать правила’, *βάζω φωτιά* ‘досл.: класть огонь (пожар); поджигать’ и др.

В этом случае, вследствие утраты признака конкретности, глагол перестаёт употребляться в буквальном значении и используется метафорически («псевдобуквально»). При этом абстрактный объект продолжает выступать в своем первичном значении, создавая такое заблуждение о буквальном употреблении коллокации. Например, в словосочетании *δίνω θάρρος* существительное *θάρρος* ‘смелость’ выступает в первичном значении ‘психическая сила, которую характеризуют презрение к опасности, отсутствие страха перед её возникновением и в целом перед любой сложной ситуацией’ и глагол *δίνω* в значении ‘предоставить что-либо в руки или распоряжение кого-либо’ [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. Смысл коллокации построен на основе концептуальной метафоры: конкретное осмысляется в терминах абстрактного. Существительное не является девербативом; оно описывает сущность, которая воспринимается мысленно и не имеет никакого отношения к конкретному объекту в реальном мире. Коллокации не поддаются перифразе или буквальной интерпретации.

2. Коллокации с метафорой обеих частей

Во второй категории значение коллокации формируется в результате метафоры обеих её частей. Примеры: *βάζω θεμέλια* = *класть фундамент*, *βάζω εμπόδια* = *ставить препятствие* ‘препятствовать’, *βάζω μυαλό* ‘досл.: класть (вкладывать) ум; образумиться’, *παίρνω μέτρα* = *принимать меры*, *δίνω σχήμα*

⁴⁹ Отдельное упоминание служат глаголы *принимать*, *получать* и *λαμβάνω* и *δέχομαι*, которые в своих значениях не всегда требуют физический объект, поэтому не всегда наблюдается утрата признака конкретности/материальности.

‘досл.: дать схему; придать форму’. Существительные соотносятся с конкретными объектами реального мира (*схема, ум, фундамент дома* и т.д.), однако в составе коллокации приобретают абстрактное значение, необходимое для метафорического употребления. При этом метафорически употребляются обе части коллокации, что и создаёт её фразеологическое значение.

Например, в словосочетании *κλαсть фундамент* существительное *фундамент* не употребляется в первичном значении ‘основание (из камня, бетона и т.п.), служащее опорой для стен здания, для машин и т.д.’, поскольку нет признака материальности, а также глагол *κλαсть* не выступает в первичном номинативном значении ‘приводить в лежащее положение’ [БТССРЯ 2008, электронный ресурс]. В греческом языке фразеологическое значение разрушается при добавлении определённого или неопределённого артикля: *δίνω το σχήμα στο παιδί* ‘досл.: даю схему ребёнку’ (буквальное значение). Также данные коллокации не поддаются перифразе согласно выделенному нами правилу.

3. Коллокации с преобладанием существительного и десемантизацией глагола

Третья категория характеризуется тем, что фразеологическое значение формируется через десемантизацию, а смысловую доминанту получает существительное: 1) *βάζω υπογραφή* – *υπογράφω* = *ставить подпись* – подписывать, *δίνω διαταγές* – *διατάζω* = *дать приказ* – приказывать, *δίνω υπόσχεση* – *υπόσχομαι* = *дать обещание* – обещать, *δίνω όρκο* – *ορκίζομαι* = *дать присягу* – присягать, *παίρνω απόφαση* – *αποφασίζω* = *принимать решение* – решать, *δίνω εξηγήσεις* – *εξηγώ* = *дать объяснение* – объяснять, *δίνω λύση* – *λύνω* = *дать решение* – решать, *βάζω τέλος* – *τελειώνω* = *ставить конец* – заканчивать; 2) *παίρνω όρκο* – *ορκίζομαι* ‘принимать присягу’, *βγάζω το συμπέρασμα* – *συμπεραίνω* ‘делать вывод’, *παίρνω εκδίκηση* – *εκδικούμαι* ‘досл.: брать месть; отомстить’, *δίνω τέλος* ‘досл.: дать конец; заканчивать’, *παίρνω γεύση* ‘досл.: брать вкус; пробовать’, *δίνω σχήμα, παίρνω μέρος* ‘досл.: брать

часть; участвовать’, *δίνω μάχη* ‘досл.: дать сражение (борьбу); бороться’, *δίνω προσοχή* ‘досл.: дать внимание; обращать внимание’; 3) *дать разрешение* – разрешать, *принимать участие* – участвовать, *ставить вопрос* – спрашивать, *ставить диагноз* – диагностировать.

В этой категории объект является абстрактным и синтаксически неперемещаемым [Θώμου 2006]. Глагол выполняет преимущественно синтаксическую функцию, поэтому такие глаголы обычно называют поддерживающими (‘support verbs’) [Mel’čuk 2012, 2022], так как они могут перифразировать основной глагол. В указанных коллокациях отсутствует буквальная интерпретация. Существительное при этом может быть девербативом, но это не является обязательным условием: перифраз возможен и без него, например: *ставить конец* ‘заканчивать’ = *βάζω τέλος*.

Кроме описанных выше категорий, выделяются ещё два случая, не соотносимых с вышесказанными. **В первом случае** глагол употребляется метафорически, тогда как существительное сохраняет буквальное значение. Такие коллокации имеют буквальную интерпретацию: существительное является конкретным, поэтому коллокации не подвергаются метафоре от конкретного к абстрактному. При этом существительное не преобладает над глаголом как в перифразирующихся коллокациях: *βγάζω χρήματα* ‘букв. снимать деньги’ означает *зарабатывать деньги*, *παίρνω διαζύγιο* ‘досл.: брать развод; разводиться’, *παίρνω ταξί* ‘брать такси’.

Подобные коллокации немногочисленны, однако достаточно частотны в разговорной речи. Так же, как и во второй категории, их фразеологическое значение разрушается в греческом языке при добавлении определённого или неопределённого артикля: например, *βγάζω τα χρήματα* означает ‘снимать деньги’, но не ‘зарабатывать деньги’. Эти коллокации можно охарактеризовать как **асистемные**, поскольку они не образуют регулярной модели метафоризации или десемантизации. Их значение остаётся одновременно метафорическим и десемантизированным.

Второй случай образуют парные с описанными выше коллокациями. Здесь глагол употребляется метафорически, а существительное сохраняет буквальное значение. Коллокации допускают буквальную интерпретацию: существительное называет конкретный предмет и не подвергается метафорическому переносу от конкретного к абстрактному. Однако смысл коллокации становится очевидным только при восприятии обеих её частей как единого целого. Он формируется на основе десемантизации глагола и семантического преобладания существительного: *παίρνω τηλέφωνο* ‘досл.: брать телефон; звонить’, *набрать номер*; *βγάζω φωτογραφία* ‘досл.: снимать фотографию; фотографировать’; *βγάζω φωτοτυπία* ‘досл.: вынимать фотокопию; делать ксерокопию’. Их фразеологическое значение разрушается при добавлении определённого или неопределённого артикля: например, *παίρνω το τηλέφωνο* означает ‘брать телефон’, но не ‘звонить’. В русском языке прямых соответствий этим моделям не обнаружено. Эти коллокации также можно охарактеризовать как **асистемные**.

Подводя итог, можно отметить, что все коллокации (за исключением описанных в двух последних случаях) основаны на **метафорическом переносе от конкретного к абстрактному объекту**, от материального к идеальному. В таких конструкциях объект является абстрактным и нематериальным, а глагол утрачивает свой исходный конкретный (в том числе сенсорный) признак. Именно такого рода регулярные и универсальные метафоры позволяют глаголу создавать фразеологические значения, сочетаясь с абстрактными существительными и отходя в той или иной степени от номинативного значения.

Таблица 15. Характеристики категорий коллокаций

1-я категория	2-я категория	3-я категория
абстрактный объект	абстрактный объект или конкретный, воспринимаемый идеально (метафорично)	девербатив/недевербатив (абстрактный), приводящий к перифразе
нет перифразы	нет перифразы	перифраза
нет буквальной интерпретации	буквальная интерпретация	нет буквальной интерпретации
смысл на основе метафоры глагола	смысл на основе метафоры обеих частей коллокации	смысл на основе десемантизации глагола и преобладания существительного
<p><i>βάζω όρο = ставить условие, βγάζω κέρδος = извлекать прибыль, δίνω αγάπη = дать любовь, λαμβάνω ευχαρίστηση = получать удовольствие, δίνω ευκαιρία = дать возможность, παίρνω την ευθύνη = брать ответственность, δίνω θάρρος ‘досл.: дать смелость’, δίνω δύναμη ‘досл.: дать силу; набраться сил’, δίνω άδεια ‘дать разрешение’, βάζω κανόνες ‘устанавливать правила’, βάζω φωτιά ‘досл.: класть огонь (пожар); поджигать’</i></p>	<p><i>βάζω θεμέλια = класть фундамент, βάζω εμπόδια = ставить препятствие ‘препятствовать’, βάζω μυαλό ‘досл.: вкладывать ум; образумиться’, παίρνω μέτρα = принимать меры, δίνω σχήμα ‘досл.: дать схему; придать форму’</i></p>	<p>1) <i>βάζω υπογραφή – υπογράφω = ставить подпись – подписывать, δίνω διαταγές – διατάζω = дать приказ – приказывать, δίνω υπόσχεση – υπόσχομαι = дать обещание – обещать, δίνω όρκο – ορκίζομαι = дать присягу – присягать, παίρνω απόφαση – αλοφασίζω = принимать решение – решать, δίνω εξηγήσεις – εξηγώ = дать объяснение – объяснять, δίνω λύση – λύνω = дать решение – решать, βάζω τέλος – τελειώνω = ставить конец – заканчивать; 2) <i>παίρνω όρκο – ορκίζομαι ‘принимать присягу’, βγάζω το συμπέρασμα – συμπεραίνω ‘делать вывод’, παίρνω εκδίκηση – εκδικούμαι ‘досл.: брать месть; отомстить’, δίνω τέλος ‘досл.:</i></i></p>

		дать конец; заканчивать’, <i>παίρνω γεύση</i> ‘досл.: брать вкус; пробовать’, <i>δίνω σχήμα, παίρνω</i> <i>μέρος</i> ‘досл.: брать часть; участвовать’, <i>δίνω μάχη</i> ‘досл.: дать сражение (борьбу); бороться’, <i>δίνω προσοχή</i> ‘досл.: дать внимание; обращать внимание’; 3) <i>дать разрешение</i> – разрешать, <i>принимать</i> <i>участие</i> – участвовать, <i>ставить</i> <i>вопрос</i> – спрашивать, <i>ставить</i> <i>диагноз</i> – диагностировать
--	--	---

3.5. Сенсорная метафора на примере глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Универсальным переносом, свойственным всем языкам, является метафора. В последние десятилетия особую популярность получила теория концептуальной (когнитивной) метафоры, объясняющая, как человек воспринимает мир и осмысляет многие его явления, интерпретируя одну идею в терминах другой [Lakoff & Johnson 1980].

Особым видом концептуальной метафоры считается **сенсорная метафора**: одно чувственное восприятие (ощущение) осмысляется через другое. Сенсорная метафора исследуется в когнитивной лингвистике, а также в сенсорной лингвистике (лингвосенсорике), которая неотделима от первой [Харченко 2012; Нагорная 2017; Winter 2019]. Обычно под сенсорными метафорами понимаются слова, содержащие прямую или косвенную отсылку к вкусовым, тактильным, обонятельным, зрительным и иным ощущениям. Сенсорная метафора – это тип метафоры, в которой перенос значений происходит между разными сенсорными (чувственными) областями восприятия или с использованием сенсорных характеристик для описания

чего-то вне сенсорного опыта. Она связывает элементы опыта, основанные на ощущениях (зрении, слухе, вкусе, обонянии, осязании), с концепциями, которые могут быть как чувственными, так и абстрактными [Winter 2019].

R. Gibbs утверждал, что сенсорный опыт человека лежит в основе его мышления [Gibbs 1999: 145–146]. Как было отмечено ранее (см. § 3.1.), чувственный опыт всегда служил связующим звеном между действительностью и мышлением. Поэтому в советской лингвистике он занимал важное место в исследованиях, стремившихся описать его через язык. В онтологии и теории познания эта идея также была распространена. Так, А.А. Артеменков пишет: «в отражении действительности участвуют не только чувственный опыт, но и сознательный элемент отражения действительности» [Артеменков 2021: 23]. В настоящей работе мы сосредоточиваем внимание на **осязании (тактильности)**.

Осязание особенно значимо для глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’, так как они описывают действия с прямым тактильным контактом. Эта чувственная область отражена в большинстве общеупотребительных глаголов с обобщённым значением и широким коллокационным потенциалом: *брать, оставлять, ставить, дать, бросать, кидать, принимать, выносить, нести, держать, хватать* и др. К этой группе в известной мере примыкают базовые глаголы *делать* и *иметь*, характерные для всех языков.

Первостепенная роль осязания объясняется потребностями повседневной жизни и постоянными изменениями в физическом мире. Человек, действуя руками и телом, устанавливает связь с действительностью, создаёт предметы и организует пространство. Осязание важно не только для практических действий, но и для самовыражения. С помощью прикосновений человек исследует текстуры, форму, температуру и плотность объектов, что помогает ему адаптироваться к условиям среды. Оно играет ключевую роль в обучении и познании: с раннего возраста дети познают мир через тактильные ощущения, развивая мелкую моторику и когнитивные навыки.

С физиологической точки зрения обоняние, вкус и слух более субъективны, чем осязание. Один и тот же звук разные люди могут воспринимать по-разному; одинаковое блюдо кому-то кажется слаще, кому-то – горче; запах может вызывать различные ассоциации; визуальное произведение – разные интерпретации. Напротив, прикосновение к одному и тому же предмету в большинстве случаев даёт идентичное ощущение всем, кто его трогает. Это делает осязание особенно объективным. Дополнительное подтверждение этой мысли находим у С. Classen, который указывает, что даже зрение связано с физически ощутимым движением глаз [Classen 2012: xiv], а также у Аристотеля, утверждавшего, что вкус является особым видом осязания, поскольку для восприятия вкуса необходимо предварительно ощутить текстуру и плотность объекта [цит. по Нагорная 2017: 19].

А.В. Нагорная пишет, что, согласно некоторым лингвистам [Noth 1995: 407], «тактильность относится к самым примитивным формам коммуникации, и прикосновение имеет лишь ограниченный коммуникативный потенциал» [цит. по Нагорная 2017: 44], и после этого делает две оговорки: «во-первых, это наблюдение валидно в отношении только культур западного типа. А во-вторых, ограниченность коммуникативного потенциала наблюдается лишь в сфере физического опыта, в опыте же дискурсивном, речевом, коммуникативный потенциал тактильности оказывается практически неограниченным» [Нагорная 2017: 44–45].

С учётом этой ключевой роли осязания можно отметить важный лингвистический факт: **глаголы, описывающие тактильные действия, как правило, динамичны и переходны**, что отражает характер изменений в жизни и языке. Убедительным примером служит семантическая эволюция глаголов с исходным значением ‘хватать, овладевать’ в значение ‘постигать умом, понимать’, что наблюдается во многих языках: *get* (англ.), *begreifen*, *fassen* (нем.), *понимать* (рус., от праслав. **jьmъ* : **jęti* ‘взять’), *αντιλαμβάνομαι*

(греч., от *λαμβάνω* ‘получать’), *καταλαμβάνω* (греч., от *βάζω* ‘ставить’ / *βαίνω* ‘идти’) [Μπαμπινιώτης 2010: 645].

После такого разъяснения рассмотрим особый тип⁵⁰ сенсорной метафоры в глаголах ЛСГ ‘перемещение объекта’, в котором **осязание переносится на другую сенсорную сферу**: слово, описывающее одно ощущение, начинает называть другое. Например: *бросаю взгляд* (перенос *осязание* → *зрение*). Такой тип метафоры можно назвать **межсенсорным**; он характерен для глаголов, которые не обязательно прямо связаны с тактильностью (*нюхать, слушать, трогать* и др.).

Исследования глаголов ощущения (а также существительных) обычно сосредоточены на том, как ощущения концептуализируются и переходят в сферу мышления [Харченко 2012; Нагорная 2017]: *увидеть значит поверить; не верь всему, что слышишь* [Нагорная 2017: 3]. Мы же акцентируем внимание на обратном направлении – на том, как осязание, выраженное глаголом, переходит в область другого ощущения, а не на том, как ощущения вербализуются в мышлении. Подход остаётся **словоцентрическим**, ориентированным на глагол.

Например, в идиоме *дать в ухо* глагол *дать* сохраняет исходный сенсорный признак осязания, поскольку выражает прямое физическое действие ‘ударить’. В большинстве случаев переход осязания на другую сенсорную область осуществляется благодаря существительному, которое прямо обозначает другое ощущение или его продукт. Такие метафоры особенно ярко проявляются во фразеологии аналитических языков, прежде всего в коллокациях и идиомах. Не вдаваясь в детали, далее перейдём к их практическому анализу.

⁵⁰ Существуют разные типы сенсорной метафоры, например: от несенсорного (ментального) к сенсорному: слово, не описывающее какое-то ощущение (т.е. выражающее ментальный процесс), теперь описывает его, например, *думать глазами*.

1. Осязание → Вкус

Переход от осязания к вкусу можно рассматривать как переход от целого к части, поскольку вкус является особым его видом согласно Аристотелю [цит. по Нагорная 2017: 19]. В этом переходе особое место занимают глаголы *принимать, брать, получать* и соответствующие им *παίρνω, λαμβάνω*. Глагол *δέχομαι* ‘принимать’ не подвергается сенсорной метафоре в таком смысле. Ещё один глагол, попадающий в эту категорию – это *βγάζω*. Вероятно, простое объяснение того, почему *класть, ставить, βάζω, дать, δίνω* не подвергаются сенсорной метафоре в этом направлении, лежит в основе актантной структуры: глаголы *принимать, брать, получать* и соответствующие им *παίρνω, λαμβάνω* имеют валентностную конструкцию **X** хватает что-то **Z** от, из, с какого-то места **Y**, в которой каузатор является получателем этого действия.

В первую очередь отмечаем коллокацию *παίρνω γεύση* ‘беру вкус’ – ‘пробовать’, в которой больше нет сенсорного признака тактильности. Парадоксально, словосочетание *δίνω γεύση* ‘досл.: даю вкус; придаю вкус’ с конверсивом *δίνω* не относится к данной категории, поскольку обозначает физическое, тактильное действие: человек (агент) добавляет что-либо к пище для придания ей вкуса, а не использует свой вкусовой аппарат.

С лексемой *вкус* фиксируется широкий спектр примеров, преимущественно идиоматических: *получать вкус к жизни = παίρνω γεύση από τη ζωή* ‘досл.: беру вкус от жизни’, *брать вкус победы = παίρνω τη γεύση την νίκης*, *получить вкус опыта* и др. [НКРЯ]. Ещё существует идиома *взять на зуб*, означающая действие пробования [Фёдоров 2008, электронный ресурс]. Смысл данных идиом является фигуративным, однако замечается переход от осязания к вкусу, хотя метафорически.

К этой же группе относятся идиомы, описывающие вкус с использованием прилагательных *горький* и *сладкий* или их производных существительных. Так, *παίρνω πίκρα* ‘досл.: беру горечь’ может употребляться как буквально, так и, значительно чаще, метафорически, что в первом случае

соотносится с выражением *получить горькое послевкусие*. Метафорический переход от осязания ко вкусу проявляется также в словосочетаниях *βγάζω πικρία* ‘досл.: вынимаю горечь’, *принимать сладость момента* и подобных, где действие не предполагает реального физического «принятия» или «извлечения». Особый интерес представляют безличные конструкции типа *μου βγάζει πικρό / γλυκό / αλμυρό* ‘досл.: мне выдаёт горьким / сладким / солёным; мне кажется горьким / сладким / солёным’. Здесь выражено прямое отношение к вкусу, так как такие выражения употребляются в ситуациях, когда, попробовав что-либо, человек воспринимает определённое вкусовое качество.

2. Осязание → Обоняние

Переход от осязания к обонянию особенно свойственен словосочетаниям с существительными *запах* и *μυρωδιά* ‘запах’: *воспринять запах* = *παίρνω μυρωδιά, βγάζω μυρωδιά* ‘досл.: вынимаю запах; испускаю запах’, в примерах которых сенсорный признак тактильности утрачивается и переходит в обонятельный. Примечательно, что *παίρνω μυρωδιά* может быть употреблено как коллокация в значении ‘нюхать’ или как идиома ‘улавливать, понимать’, например, *η ληστεία έγινε στις 2 το μεσημέρι, ο φρουρός δεν πήρε μυρωδιά* ‘досл.: ограбление произошло в 2 часа дня, охранник не взял запах; ограбление произошло в 2 часа дня, охранник ничего не уловил’. Парный случай отмечаем в словосочетании *παίρνει άρωμα* ‘досл.: берет аромат’. В этом подразделе, как и в предыдущем, особое место занимают глаголы подгруппы ‘получение’ по актантным причинам. В греческом языке отмечается близкое по смыслу к этому выражение *παίρνω μυτιά* ‘досл.: беру в нос; понюхать быстро’, однако оно является арготизмом, связанным с употреблением наркотических веществ.

3. Осязание → Зрение

Метафора от осязания на зрение свойственна словосочетаниям, в которых употребляется преимущественно соответствующий орган ощущения *глаз-μάτι*: идиома *βάζω στο μάτι* ‘досл.: ставлю в глаз’ имеет два значения: 1)

приглядываться, иметь на что-то виды (искать или стремиться к чему-то, что не принадлежит тебе по праву); 2) стремиться к чему-то, преследовать (пытаться совершить что-то негативное) [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс]. Частные эквивалентные идиомы в русском языке представляют собой: 1) *класть глаз на что-то* ‘обратить особое внимание; заприметить’; 2) *поставить на вид* ‘сделать кому-либо замечание, выговор за некоторое действие’ [Фёдоров 2008, электронный ресурс]. Во всех вышеупомянутых словосочетаниях тактильное превращается в зрительное. Существуют ещё идиомы *παίρνω με καλό μάτι* ‘принимать кого-то с благоприятным взглядом’ и *παίρνω με κακό μάτι* ‘принимать кого-то с плохим взглядом’, которые метафорически осмысляются по отношению к зрительному аппарату по принципу: «первое видение – первое впечатление». Словосочетание *βγάζει μάτια* ‘вытаскивает глаза’ употребляется в трех значениях: 1) идиоматически – что-то станет ясным; 2) буквально – вынимать глаза; 3) вульгарно, как сленговое выражение – заниматься сексом. К тому можно добавить ещё одно сленговое выражение *παίρνω μάτι* ‘досл.: беру глаз; подсматривать за кем-то, когда раздевается’. Отмечаются также различные примеры с использованием, в первую очередь, существительных, связанных со зрением: словосочетание *παίρνω το βλέμμα μου = παίρνω τα μάτια μου από* ‘досл.: отвожу взгляд от’ по форме похоже на словосочетание *παίρνω των ομματίων* ‘отвожу взгляд’, хотя последний имеет совсем другое значение: ‘ухожу разочарованным’ и не является сенсорной метафорой.

4. Осязание → Слух

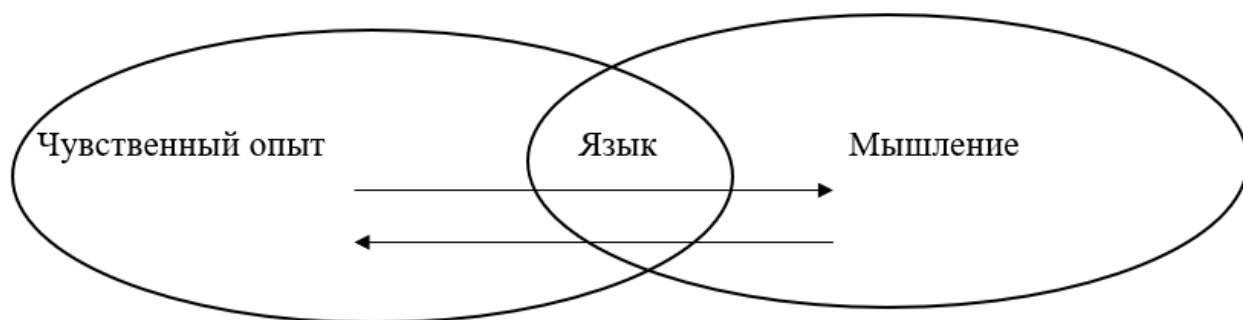
Метафора от осязания к слуху становится очевидной, когда исследуемые глаголы сочетаются со словами, воспринимаемыми слуховым аппаратом, как, например, словом *φωνή-голос*: в коллокации *βγάζω μια φωνή* ‘досл.: выношу/вынимаю голос; издаю крик’, нет существительного, которое мы можем перемещать, но есть продукт, который может издать звук. Парные случаи отмечаются в коллокациях *βγάζω μια κραυγή* досл.: ‘выношу/вынимаю крик; издаю крик’, *βγάζω ήχους* ‘издаю звуки’, а также в коллокации *βάζω τις*

φωνές ‘досл.: кладу голоса; кричать’. Интересная также идиома *(δε) βγάζω κих* досл.: не выношу/вынимаю слово (ких - звукоподражание); не говорить, молчать’, в результате которой не принимается никакой звук слуховым аппаратом.

Существуют словосочетания, в которых употребляется преимущественно соответствующий орган ощущения *ухо-αυτί: παίρνει το αυτί μου* ‘досл.: берет мое ухо’ и *παίρνω τα αυτιά κάποιου* ‘досл.: беру у кого-то уши’, которые имеют совершенно различные значения: первое значит ‘что-то слышал, узнал’, а второй – ‘я сильно кричу на ушах у кого-то’. В обоих случаях тактильное превращается в слуховое. Кроме того, существует словосочетание *принимать сигналы = λαμβάνω σήματα*, выражающее либо зрительное восприятие, либо слуховое.

Подводя итоги, следует отметить, что глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ подвергаются сенсорной метафоре, что становится наглядным фактом во фразеологии языка, которая является следом живого общения народа, живущего в определенном обществе. Принадлежащие фразеологии единицы служат доказательством образа мышления народа. В этом заключается суть сенсорной метафоры, которая играет главенствующую роль в феноменологии, связывающей наш чувственный опыт с мышлением и показывающей, как выражаются и переносятся наши ощущения с одной области на другую (см. рисунок 8). В этой системе язык играет роль посредника в понимании окружающего нас мира.

Рисунок 8. Взаимодействия языка с чувственным опытом и мышлением

Выводы по Главе 3.

Глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’, выступающие в роли «ярких представителей» языковой системы, наглядно показывают, что язык не является набором изолированных единиц, а представляет собой целостный организм, реагирующий на изменения материальной действительности и общества. Их ключевая особенность – это чрезвычайная частотность, широкая сочетаемость и обобщённость значения. Эти черты обеспечивают способность быстро терять исходную «вещественность» семантики (десемантизация), переходить от конкретного к абстрактному и формировать новые фразеологические конструкции. Именно поэтому такие глаголы первыми сигнализируют о системных сдвигах в языке. При этом важную роль играют принципы «все вносят свой вклад» и «устранения и заполнения»: исчезновение или ослабление одних элементов неизбежно сопровождается расширением функций других, и именно на этих точках возникают новые грамматические и лексические связи.

Типологическое сопоставление русского и греческого языков подтверждает эту идею. В русском, который остаётся преимущественно синтетическим, значения ‘брать’, ‘давать’, ‘класть’, ‘ставить’, ‘принимать’, ‘получать’ и др. распределяются по множеству приставочных и производных глаголов, что усиливает парадигматическую ось системы. В греческом, напротив, наблюдается концентрация этих значений и активное перераспределение фразеологического фонда вокруг нескольких общеупотребительных многозначных динамических глаголов (*παίρνω, δίνω, βάζω, βυάζω, δέχομαι/λαμβάνω*), что указывает на аналитические тенденции и синтагматическую ориентацию. Диахронический аспект показывает, что расширение сочетаемости некоторых глаголов основного фонда языка и уход их конкурентов на периферию является признаком перехода количественных изменений в качественные, то есть признаком сдвига к аналитизму.

Другой важный аспект – грамматическая метафора в понимании М.А.К. Halliday. Номинализация и другие типы грамматического переноса особенно

активны в научно-официальном дискурсе, где закрепляются новые абстрактные категории знания. При этом именно общеупотребительные многозначные динамические глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ редко дают терминологически значимые девербативы. В русском языке продуктивно номинализуются глаголы типа *получать*, *давать* или *принимать*, но не *брать*, *ставить*; в греческом: *λαμβάνω*, но не *παίρνω* или *δίνω*. Это подтверждает их ориентацию на разговорную, фразеологическую сферу и косвенно указывает на то, что функции научного стиля берут на себя более специализированные синонимы. Таким образом, различие между парадигматической «моделью русского» и синтагматической «моделью греческого» находит подтверждение и на уровне грамматической метафоры.

Фразеология делает эти изменения наглядными. Когда глагол сочетается с абстрактным существительным, теряя связь с материальным объектом, он переходит от номинативного значения к фразеологическому. Так, *беру стакан* – это прямое действие, а *беру ответственность* уже идиоматическая конструкция. Греческие примеры: *δίνω ευκαιρία* ‘дать возможность’, *βάζω τέλος* ‘ставить конец’, *παίρνω απόφαση* ‘принимать решение’. Такие сочетания не только отражают семантический сдвиг от конкретного к абстрактному, но и задают новые модели коллокаций, в которых смысл фиксируется не столько в отдельном слове, сколько в устойчивом сочетании. Сенсорная метафора усиливает эту тенденцию: тактильное восприятие, лежащее в основе глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’, легко переносится на другие чувственные области – вкус (*παίρνω γεύση*), обоняние (*παίρνω μυρωδιά*), зрение (*βάζω στο μάτι*), слух (*βγάζω μια φωνή*). Это подтверждает мысль о языке как посреднике между чувственным опытом и мышлением.

В совокупности эти наблюдения показывают, что общеупотребительные многозначные динамические глаголы представляют собой не просто часто употребляемые элементы лексикона, но и структурные индикаторы грамматического строя. Через их полисемию, фразеологизацию, участие или неучастие в грамматической метафоре становится видимой общая

направленность языковой эволюции: в русском – укрепление парадигматической оси и сохранение синтетизма, в греческом – развитие синтагматической организации и усиление аналитизма. Глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ тем самым подтверждают ключевую установку диалектического материализма: язык, мышление и материальная действительность образуют единую систему, где каждое изменение – от небольших семантических изменений до крупных типологических сдвигов – есть результат всеобщей связи и взаимодействия структурных элементов.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить, как теоретические представления о лексическом значении, семантическая организация многозначных глаголов и типологические свойства русского и греческого языков взаимно обуславливают друг друга, формируя широкую картину функционирования общеупотребительных многозначных динамичных глаголов. Комплексный характер работы, объединяющий теоретический анализ понятийного аппарата и терминологии современной лексической семантики и сопоставительное описание конкретного языкового материала, позволил прийти к ряду обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение для лингвистики.

Дискуссия о природе лексического значения и о границах между значением и употреблением сохраняет свою фундаментальную значимость. Показано, что противопоставление максималистских и минималистских подходов к понятию «значение слова» существенно влияет на трактовку многих явлений – от статуса полисемии и моносемии до интерпретации так называемого «широкого значения».

Анализ работ, посвящённых широкому значению, присущему явлению эврисемии, позволил показать, что понятие «широкого значения» как абстрактное, обобщённое, инвариантное ядро не имеет чётких методологических критериев. Широта значения не может быть адекватно описана через толкование: она проявляется не столько в понятийном содержании, сколько в диапазоне употребления и сочетаемости лексической единицы. Признаки, традиционно приписываемые эврисемии (высокая частотность, широкая сочетаемость, обобщённость, широкая референция и др.), являются свойствами также многозначных слов, в нашем исследовании – глаголов, и не могут служить основанием для выделения эврисемии как особого явления. В действительности данные признаки являются следствием более общих типологических и грамматических тенденций, прежде всего – движения языка по оси «синтетизм – аналитизм» и перераспределения

функций словообразовательных и синтаксических средств. Таким образом, исследование показало, что понятие «широкое значение» и «эврисемия» не обладают самостоятельным методологическим статусом.

Практическое изучение глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в двух типологически различных языках подтвердило несостоятельность трактовки эврисемии как особого языкового явления. Исследование их словообразовательных возможностей, исторических сдвигов, валентностных свойств и семантической структуры показало, что различия между русскими и греческими глаголами объясняются прежде всего типологическими характеристиками языков. Русский язык, сохраняющий синтетическую организацию, распределяет значения между множеством производных глаголов, что приводит к детальной парадигматической дифференциации. Греческий язык, напротив, демонстрирует тенденцию к аналитизму: функции производных форм часто концентрируются вокруг ограниченного набора базовых глаголов, что усиливает их синтагматическую позицию и расширяет область сочетаемости. Диахронический анализ показал, что расхождение между двумя сопоставляемыми языками формируется исторически: в греческом многие конкретные производные глаголы исчезли или сузили свое употребление, уступая место более общим глаголам, например *δίνω*, *παίρνω*, *βάζω*, *βγάζω*, тогда как в русском система приставочных образований остаётся продуктивной, семантически разветвлённой, и позволяет уточнять семантику в рамках одной лексемы (*давать – отдавать, брать – забирать, ставить – проставить* и др.).

Дополнительным аргументом в пользу типологического объяснения несостоятельности эврисемии стал анализ валентности, сочетаемости и контекстов глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’. Греческие глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ способны охватывать большое количество значений, реализуются в самых разнообразных контекстах и сочетаются с огромным числом существительных. Они часто десемантизируются и заменяют другие синонимичные им глаголы, в результате чего обладают широкой

синтагматической свободой. Глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ в русском языке чаще подвергаются семантическому «расщеплению», поскольку синонимичные им или производные глаголы используются для обозначения более конкретных значений. Глагол *παίρνω* может перефразировать множество других глаголов и заменять даже синонимичные ему *δέχομαι* и *λαμβάνω*. Он может покрывать значения как глагола *брать* и его производных, так глаголов *принимать* и *получать*. Напротив, глагол *брать* более развит на парадигматической оси, поскольку активно употребляются его производные формы. Глаголы *βάζω*, *κλαсть* и *ставить* являются общеупотребительными в повседневной разговорной речи и употребляются активнее, чем их гиперонимы, однако глагол *βάζω* имеет более широкое употребление, поскольку его семантика не накладывает ограничений на способ размещения объекта и десемантизируется. Глагол *δίνω* имеет более широкое употребление, чем глагол *давать*, поскольку не нуждается в конкретизации его значений с помощью производных форм. Глагол *βυάζω* имеет максимально широкое употребление, охватывая огромное количество значений, что подтверждается дистрибутивным и семантическим анализом.

Более широкая сочетаемость греческих глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ подтверждается также частотой употребления: все глаголы в греческом языке, кроме *λαμβάνω*, *δέχομαι* и отчасти *βάζω*, появляются чаще, чем их русские аналоги. Исключение глаголов *λαμβάνω* и *δέχομαι* объясняется тем, что первый постепенно выходит из активного употребления, в то время как второй противостоит процессам аналитизации. Напротив, глагол *принимать*, будучи аналогом глагола *δέχομαι*, выступает главным «перифразатором» и активно участвует в коллокациях с абстрактными существительными, что указывает на его особую роль в формировании идиоматического языка, научного, официально-делового и публицистического стиля.

Таким образом, в рамках данного исследования гипотеза о дискуссионности эврисемии была подтверждена не только на теоретическом

уровне, но и на практическом – в пользу полисемии. Тем не менее накопленный опыт и рассмотрение работ о понятии эврисемии позволили выдвинуть гипотезу об особом функционировании глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’, получившую название гипотеза «ярких представителей» языка.

В рамках данной гипотезы показано, что общеупотребительные многозначные динамичные глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’, обозначающие тактильное действие и обладающие широкой сочетаемостью, первыми реагируют на семантические и структурные сдвиги в языковой системе и тем самым отражают некоторые эволюционные процессы в языке. Именно через них становятся видимыми перераспределение функций между словообразовательными и синтаксическими средствами, а также изменения в соотношении парадигматической и синтагматической осей. Эти глаголы выступают не просто часто употребляемыми единицами, а структурными индикаторами, позволяющими фиксировать направление развития к синтетизму или аналитизму. Важную роль здесь играют принципы «все вносят свой вклад» и «устранения и заполнения», непосредственно связанные с законом диалектики о переходе количественных изменений в качественные, а также параллелизм с реальными фазами и процессами, происходящими в обществе.

Особое внимание в работе уделено проблеме грамматической метафоры и её связи с общеупотребительными многозначными динамичными глаголами ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках. Показано, что общеупотребительные многозначные динамические глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ сравнительно редко образуют терминологически значимые девербативы: в русском языке активно номинализуются *получать*, *дать*, *принимать*, но не *брать*, *давать*, *ставить*; в греческом – *λαμβάνω*, но не *παίρω* или *δίνω*. Это свидетельствует о том, что наиболее частотные и разговорно ориентированные глаголы остаются преимущественно в сфере

фразеологии и бытового дискурса, тогда как функции научного стиля передаются более специализированным синонимам и абстрактным глаголам.

Отдельный блок выводов связан с фразеологизацией глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках, а именно с метафорическим переносом от конкретного к абстрактному объекту и сенсорной метафорой. На наш взгляд, метафорический перенос от конкретного к абстрактному объекту происходит за счет утраты признака конкретности/материальности у существительного, сочетающегося в коллокациях с глаголами ЛСГ ‘перемещение объекта’. Утверждается, что смысл всё в большей степени закрепляется не в отдельном слове, а в коллокации, в результате чего границы между лексической и фразеологической семантикой размываются.

Исследование сенсорной метафоры позволило подтвердить идею об особом функционировании общеупотребительных многозначных динамичных глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’, обозначающих тактильное действие, и о языке как посреднике между чувственным опытом и мышлением. Глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ в греческом и русском языках оказываются чрезвычайно продуктивными в переносе значений в другие сенсорные модальности: вкус, обоняние, зрение, слух. Конструкции типа *παίρνω γεύση, βάζω στο μάτι* демонстрируют, как базовые телесные схемы (*взять, положить*) становятся основой для концептуализации сложных перцептивных и когнитивных ситуаций. Эти данные подтверждают универсальность механизмов метафорического переноса во флективных языках и одновременно позволяют уточнить конкретные пути их реализации в греческом и русском.

Таким образом, исследование показало, что эврисемия не может быть признана самостоятельной категорией лексической семантики, так как её признаки являются следствием типологических свойств конкретного языка и особенностей функционирования многозначных слов. Глаголы ЛСГ ‘перемещение объекта’ являются маркерами системно-типологических

характеристик русского и греческого языков, показывая, каким образом язык реагирует на исторические, когнитивные и структурные изменения. Их полисемия, фразеологизация и участие в метафорических механизмах позволяют увидеть общие направления языковой эволюции: укрепление парадигматической оси в русском и усиление синтагматической организации в греческом языке, что подтверждает представление о языке как целостной динамической системе, в которой изменения отдельных элементов свидетельствуют о глубинных процессах, происходящих в структуре языка в целом.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением круга анализируемых глагольных групп и привлечением других языков с различными типологическими характеристиками. Представляется продуктивным проверить гипотезу «ярких представителей» языка в языках нефлективного строя и определить параметры их выявления; проверить универсальность метафорического переноса от конкретного к абстрактному объекту на материале других языков; разработать более формализованные критерии описания границы между значением и употреблением, между лексической и фразеологической семантикой; включить в сопоставительный анализ коллокации с непереходными общеупотребительными многозначными динамичными глаголами ЛСГ 'движение' с целью выявления универсалий их функционирования; продолжить исследование сенсорной и грамматической метафоры как универсальных механизмов, связывающих чувственный опыт, мышление и языковую форму, с опорой на более широкий межъязыковой материал.

Библиографический список

1. Авдеев, А. А. Проблемы широкозначности и её соотношение с полисемией и дейксисом (на материале имен существительных английского, русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Авдеев. – Воронеж, 2002. – 172 с.
2. Алпатов, В. М. История лингвистических учений : учебное пособие / В. М. Алпатов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 368 с.
3. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
4. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры» ; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
5. Аралов, А. М. К вопросу соотношения широкого и узкого значения слова (на материале глагола *run* в английском языке и глаголов *laufen*, *rennen* в немецком языке) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. М. Аралов. – М. :, 1979. – 148 с.
6. Арнольд, И. В. Лексикология английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. – 352 с.
7. Арнольд, И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования / И. В. Арнольд // Учёные записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1966. – Т. 295. – С. 192.
8. Артеменков, А. А. Чувственный опыт как элемент сознательного отражения действительности / А. А. Артеменков // Современные философские исследования. – 2021. – № 4. – С. 23–32.
9. Барсук, Л. В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. В. Барсук. – Саратов, 1991. – 16 с.
10. Беляева, Е. П. Когнитивные аспекты широкозначности / Е. П. Беляева // Когнитивные исследования языка. – 2001. – Вып. 9. – С. 85–94.

11. Березин, Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1975. – 304 с.
12. Березин, Ф. М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка : хрестоматия для филологических специальностей институтов / сост. Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1981. – 351 с.
13. Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar-russkikh-glagolov> (дата обращения: 23.11.2025).
14. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 23.11.2025).
15. Бондарко, А. В. Содержание и типы аспектуальных отношений / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1987. – С. 40–45.
16. Боровик, М. А. Развитие значений глаголов do и take в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / М. А. Боровик. – Л., 1958. – 339 с.
17. БТСРГ — Большой толковый словарь русских глаголов : свыше 10 000 глаголов : идеографическое описание, синонимы, антонимы, английские эквиваленты / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 2008. – 573 с.
18. БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных : идеографическое описание, синонимы, антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 2005. – 862 с.
19. БТССРЯ — Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Инт ; Дом XXI век, 2008. – VII, 1239 с.
20. Васильев, Л. М. Парадигматические и синтагматические поля / Л. М. Васильев // Актуальные проблемы лексикологии : тезисы докладов III

лингвистической конференции (3–7 мая 1971 г.). – Новосибирск, 1971. – С. 102–104.

21. Васильев, Л. М. Современные способы формального описания семантики языковых единиц / Л. М. Васильев // Теория содержательной формы. – Тамбов : Тамбовский государственный педагогический институт, 1981. – С. 3–20.

22. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.

23. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.

24. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике : избранные труды / В. В. Виноградов ; ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1975. – 558 с.

25. Власова, Л. В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий / Л. В. Власова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 1, № 2. – С. 128–132.

26. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.

27. Гак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В. Г. Гак. – Л. : Просвещение, 1976. – 286 с.

28. Гросул, Л. Я. Широкозначные глаголы динамического состояния в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. Я. Гросул. – Кишинёв, 1977. – 137 с.

29. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / В. фон Гумбольдт ; общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.

30. Денисенко, В. Н. Семантическая типология: история и теория вопроса / В. Н. Денисенко, М. А. Рыбаков // *Russian Journal of Linguistics*. – 2009. – № 1. – С. 25–31.

31. Денисенко, В. Н. Сопоставительно-типологическое языкознание : морфология : учебное пособие / В. Н. Денисенко, М. А. Рыбаков. – М. : Российский университет дружбы народов, 2006. – 167 с.

32. Джоломанова, Б.Д. Имя существительное с широким значением в лексической системе современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 : защищена в Моск. гос. пед. ин-те иностр. яз. имени Мориса Тореза / Б.Д. Джоломанова. - М., 1978. - 189 с.

33. Дианова, Е. М. Взаимодействие лексико-семантических вариантов в семантической структуре слова (на примере английских существительных с широкой понятийной основой) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. М. Дианова. – М., 1979. – 202 с.

34. Димова, С. Н. О полифункциональности слова с широким значением (на материале английского существительного way) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Н. Димова. – М., 1972. – 22 с.

35. Добровольский, Д. О. Между лексиконом и грамматикой: о синтаксисе идиом / Д. О. Добровольский // *Международная научная филологическая конференция, посвященная памяти Людмилы Алексеевны Вербицкой (1936–2019). Избранные доклады* / под ред. В. П. Казакова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2023. – (St. Petersburg University Studies in Social Sciences & Humanities. Vol. 3). – С. 85–99.

36. Друзина, Н. В. Фундаментальные глаголы бытия и обладания : дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Друзина. – Саратов, 2005. – 352 с.

37. Дудина, А. М. О широкозначности глагольных единиц в диахроническом аспекте (на материале французского и белорусского языков) / А. М. Дудина // *Вестник МГЛУ. Сер. 1: Филология*. – 2019. – № 1 (98). – С. 20–26.

38. Евдокимова, Е. А. Местоимение *it* как широкозначное слово / Е. А. Евдокимова // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2 (59). – С. 176–178.
39. Евтеева, М. Ю. Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением *делать* в естественном языке : дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Евтеева. – М., 2014. – 293 с.
40. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
41. Жуков, А. В. Семантика неопределенности (о словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) / А. В. Жуков, К. А. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. – Великий Новгород, 2003. – № 25. – С. 17–28.
42. Загородняя, В. А. Глаголы широкой семантики в научно-технических текстах на английском языке и их перевод на русский язык : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / В. А. Загородняя. – М., 2003. – 475 с.
43. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
44. Зализняк, А. А. Русская семантика в типологической перспективе / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 640 с.
45. Зильберман, Л. И. К вопросу о словарном и контекстном значении слова / Л. И. Зильберман // Особенности языка научной литературы. – М. : Наука, 1965. – С. 95–121.
46. Иванова, С. В. Терминосистема искусствоведения: широкозначность и многозначность в действии / С. В. Иванова, П. Е. Гапиенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 4. – С. 38–46.
47. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : Туманит ; ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

48. Иевлева, Н. В. Фундаментальный глагол действия в языках различных групп. Семантический, функциональный и когнитивный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. В. Иевлева. – Саратов, 2010. – 193 с.
49. Иорданская, Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
50. Каратаракис, Н. Семантическое развертывание имен существительных, обозначающих профессию в XVIII веке / Н. Каратаракис // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика : сб. статей Международной научно-практической конференции (Москва, 14–15 апреля 2022 г.). – М. : Российский университет дружбы народов, 2022. – С. 601–609.
51. Карта слова «взятие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC/%D0%B2%D0%B7D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 23.11.2025).
52. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон // – М. ; Л. : Наука, 1965. – С. 50–51.
53. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М. : Едиториал УРСС, 2011. – 112 с.
54. Квеселевич, Д. И. Интеграция словосочетания в современном английском языке / Д. И. Квеселевич. – Киев : Вища школа, 1973. – 82 с.
55. Кибрик, А. А. 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Xllhev4xoGc> (дата обращения: 1.11.2025).
56. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебное пособие / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
57. Колобаев, В. К. О некоторых смежных явлениях в области лексики / В. К. Колобаев // Иностранные языки в школе. – 1983а. – № 1. – С. 11–13.
58. Колобаев, В. К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских

публикаций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. К. Колобаев. – Л., 1983б.
– 14 с.

59. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 152 с.

60. Копотев, М. В., Стексова, Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре / М. В. Копотев, Т. И. Стексова. – М. : Языки славянской культуры ; Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 168 с.

61. Корпус греческого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 23.11.2025).

62. Кронгауз, М. А. Семантика : учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

63. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. – СПб. : Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.

64. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 23.11.2025).

65. Кудинова, В. И. Широкозначные глаголы в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Кудинова. – М., 1994. – 16 с.

66. Кудреватых, Л. П. Моносемия: узкозначность – широкозначность / Л. П. Кудреватых // Вопросы германской филологии. – Киров : ВГПУ, 1997. – С. 35–40.

67. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / под ред. Э. В. Кузнецовой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1989. – 216 с.

68. Курилович, Е. Очерки по лингвистике : сб. статей / Е. Курилович. – М. : Издательство иностранной литературы, 1962. – 456 с.

69. Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика : введение / Дж. Лайонз ; пер. с англ. В. В. Морозова, И. Б. Шатуновского ; под общ. ред. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
70. Ленца, А. Л. Широкозначность глагола и контекст / А. Л. Ленца. – Кишинёв : Штиинца, 1987. – 99 с.
71. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 23.11.2025).
72. Лотова, И. С. Синтаксические структуры с десемантизированным существительным *thing* в современном английском языке (к проблеме заместительной функции широкозначных существительных) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. С. Лотова. – М., 1973. – 22 с.
73. Лысякова, М. В. Лексикология современного русского языка: учебное пособие / М. В. Лысякова. – М. : Изд-во РУДН, 2020. – 118 с.
74. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
75. Майсак, Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т. А. Майсак. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 481 с.
76. Маковский, М. М. Системность и асистемность в языке : опыт исследования антиномий в лексике и семантике / М. М. Маковский. – 2-е изд., стер. – М. : URSS ; ЛЕНАНД, 2006. – 209 с.
77. Малютина, Е. И. Глаголы широкой семантики в когнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. И. Малютина. – СПб., 2008. – 198 с.
78. Мельников, Г. П. Системная лингвистика и её отношение к структурной // Проблемы языкознания: доклады и сообщения советских учёных на X Международном конгрессе лингвистов. — М. : Наука, 1967. — С. 98–102.

79. Мельников, Г. П. Системная типология языков / Г. П. Мельников. – М. : Наука, 2003. – 395 с.
80. Мельников, Г. П. Системная типология языков. Синтез морфологической классификации языков со стадийной : курс лекций / Г. П. Мельников. – 2-е изд. – М. : URSS, 2014. – 89 с.
81. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту / И. А. Мельчук. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – 174 с.
82. Москалева, М. В. Расширение значения слова как один из основных семантических процессов (на примере имен существительных) / М. В. Москалева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 33. – С. 180–184.
83. Нагорная, А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор / А. В. Нагорная. – М. : ИНИОН РАН, 2017. – 86 с.
84. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.11.2025).
85. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
86. Никитин, М. В. Полисемия на пределе (широкозначность) / М. В. Никитин // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр., посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 101–111.
87. Николаевская, Р. Р. Проблема широкозначности и перевод / Р. Р. Николаевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2003. – Вып. 480 : Перевод как когнитивная деятельность. – С. 83–99.
88. Новая Философская Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b7ec01008dba3d6c128fb7> (дата обращения: 1.11.2025).

89. Новиков, Л. А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения / Л. А. Новиков. – М. : Изд-во РУДН, 2001а. – 672 с.
90. Новиков, Л. А. Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea / Л. А. Новиков. – М. : Изд-во РУДН, 2001б. – 842 с.
91. НФЭ — Новая философская энциклопедия : в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. С. Стёпина, А. А. Гусейнова, Г. Ю. Семигина, А. П. Огурцова. – М. : Мысль, 2010. – 2816 с.
92. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 23.11.2025).
93. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М. : АСТ ; Мир и Образование, 2025. – 1360 с.
94. Оксфордский словарь английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oed.com/?tl=true> (дата обращения: 1.11.2025).
95. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла, современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павилёнис. – М. : Мысль, 1983. – 285 с.
96. Панкина, М. Ф. Широкозначность и полисемия / М. Ф. Панкина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного института. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 10. – С. 7–12.
97. Перцов, Н. В. Инварианты в русском словоизменении / Н. В. Перцов. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 279 с.
98. Песина, С. А. Полисемия в когнитивном аспекте : монография / С. А. Песина. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 325 с.
99. Плоткин, В. Я. Строй английского языка / В. Я. Плоткин. – М. : Высшая школа, 1989. – 239 с.
100. Плоткин, В. Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория / В. Я. Плоткин, Л. Я. Гросул // Теоретические проблемы семантики и её отражение в одноязычных словарях. – Кишинёв : Штиинца, 1982. – С. 81–86.

101. Плоткин, В. Я. Широкозначность как особый тип семантики слова / В. Я. Плоткин // Номинация и контекст : сб. науч. тр. – Кемерово : КемГУ, 1985. – С. 94–99.
102. Поливанов, Е. Д. За марксистское языкознание : сборник популярных лингвистических статей / Е. Д. Поливанов. – М. : URSS, 2023. – 184 с.
103. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике : в 4 т. Т. 1–2 / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 536 с.
104. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 627 с.
105. Пятева, Н. В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд ем- и бер- «брать, взять» в истории русского языка / Н. В. Пятева // Этимология 1994–1996 / отв. ред. О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 1997. – С. 140–147.
106. Радбиль, Т. Б. Аналитизм vs синтетизм в активных процессах в грамматике современного русского языка / Т. Б. Радбиль // Мир русского слова. – 2020. – № 1. – С. 7–12.
107. Резникова, Ж. И. Интеллект и язык : животные и человек в зеркале эксперимента / Ж. И. Резникова. – М. : Наука, 2000. – 280 с.
108. Рыбаков, М. А. Современный русский язык в сопоставительно-типологическом освещении : электронный учебно-методический комплекс / М. А. Рыбаков. – М. : Изд-во РУДН, 2008. – 524 с.
109. Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка / А. В. Семёнов. – М. : ЮНВЕС, 2003. – 703 с.
110. Семёнов, А. В. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://evartist.narod.ru/text15/001.htm> (дата обращения: 23.11.2025).
111. Семина, И. А. Широкозначность в аспекте универсальности и аналитизма / И. А. Семина. – М. : Московский государственный лингвистический университет, 2019. – 186 с.

112. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.
113. Соболева, Е. Л. Развитие широкозначности у глаголов *turn* и *grow*. Опыт системного диахронического анализа : дис. ... канд. филол. наук / Е. Л. Соболева. – Иркутск, 2001. – 146 с.
114. Соколова, В. М. К проблеме слов широкой семантики / В. М. Соколова // Вопросы германской филологии. – Волгоград, 1967. – С. 22–36.
115. Степанова, А. Н. Широкозначные слова в функциональном аспекте (на материале французского языка) / А. Н. Степанова, Л. Ф. Кистанова // Романские языки: семантика, прагматика, социоллингвистика. – Л., 1990. – № 4. – С. 49–57.
116. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин // Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1985. – 138 с.
117. Стернин, И. А. Психоллингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Саарбрюккен : Ламберт, 2011. – 192 с.
118. Судакова, О. Н. Семантика и функционирование широкозначных имен существительных (на материале английского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Судакова. – М., 1990. – 21 с.
119. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
120. Торжок, А. Г. Еще раз о широкозначности и многозначности / А. Г. Торжок // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования : сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол.: С. В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. – Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2021. – С. 211–215.
121. Тресорукова, И. В. Греческий язык. Справочник по глаголам / И. В. Тресорукова. – М. : Живой язык, 2009. – 224 с.

122. Тресорукова, И. В. Теория и практика перевода на материале греческого языка / И. В. Тресорукова, А. Ю. Гришин, Д. А. Гришин. – М. : Изд-во МГУ, 2021. – 255 с.
123. Ульман, С. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология / С. Ульман // Новое в лингвистике. – М. : Издательство иностранной литературы, 1962. — Вып. 2. – С. 17–43.
124. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Либроком, 2010. – 242 с.
125. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семантического описания лексики / А. А. Уфимцева ; под ред. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
126. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1968. – 272 с.
127. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 864 с.
128. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 23.11.2025).
129. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13 000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – М. : АСТ ; Астрель, 2008. – 878 с.
130. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 23.11.2025).
131. Федюк, П. С. Глаголы размещения предметов в пространстве в языках различных групп : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / П. С. Федюк. – Саратов, 2011. – 186 с.

132. Феодосова, О. Е. Теория сигнификативного значения / О. Е. Феодосова. – М. : МГУ, 2010. – 180 с.
133. Харченко, В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты / В. К. Харченко. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 216 с.
134. Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М. : Издательство Московского университета, 1972. – 122 с.
135. Частотный словарь современного русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 23.11.2025).
136. ЧССРЯ — Ляшевская, О. Н., Шаров, С. А. Частотный словарь современного русского языка... – М. : Азбуковник, 2009. – 1087 с.
137. Шапошникова, И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте / И. В. Шапошникова. – Иркутск, 1999. – 243 с.
138. Шкапенко, Т. М. Семантическая диффузность в двуязычном аспекте / Т. М. Шкапенко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 8. – С. 42–47.
139. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
140. Acquaviva, P. Models of lexical meaning / P. Acquaviva, A. Lenci, C. Paradis and I. Raffaelli // V. Pirrelli, I. Plag and W. U. Dressler (eds). Word Knowledge and Word Usage: A Cross-Disciplinary Guide to the Mental Lexicon. – Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2020. – P. 353–404. <https://doi.org/10.1515/9783110440577-010>
141. Alexiadou, A. On the Properties of Some Greek Word Order Patterns / A. Alexiadou // A. Alexiadou, G. Horrocks, M. Stavrou (eds) Studies in Greek Syntax. – Dordrecht : Springer, 1999. – P. 45–65. https://doi.org/10.1007/978-94-015-9177-5_3

142. Austin, J. L. *Philosophical Papers* / J. L. Austin ; ed. by J. O. Urmson, G. J. Warnock. – Oxford : Oxford University Press, 1961. – 320 p.
143. Banks, D. On the historical origins of nominalized process in scientific text / D. Banks // *English for Specific Purposes*. – 2005. – Vol. 24, № 3. – P. 347–357.
144. Béjoint, H. *Monosemy and the Dictionary* / H. Béjoint // Tamás Magay, Judit Zigány (eds). *BudaLEX'88 Proceedings. Papers from the 3rd International EURALEX Congress*. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1988. – P. 13–26.
145. Bréal, M. *Essai de sémantique (Science des significations)* / M. Bréal. – Paris : Librairie Hachette et Cie, 1897. – 372 p.
146. Browning, R. *Medieval and Modern Greek* / R. Browning. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 158 p.
147. Brugman, C. *Light verbs and polysemy* / C. Brugman // *Language Sciences*. – 2001. – Vol. 23, No. 4–5. – P. 551–578.
148. Bubka, A. *Resolving Semantic Ambiguity: An Introduction* / A. Bubka, D. S. Gorfein // *Resolving Semantic Ambiguity* / ed. by D. S. Gorfein. – New York : Springer, 1989. – P. 1–12.
149. Caramazza, A. *Polysemy and the Structure of the Subjective Lexicon* / A. Caramazza, E. Grober // *Georgetown University Round Table on Language and Linguistics*. – Washington, DC, 1976. – P. 181–206.
150. Catford, J. C. “Insects are free”: reflections on meaning in linguistics / J. C. Catford // *Language Learning*. – 1984. – Vol. 33, No. 5. – P. 1–32.
151. Catford, J. C. *A Linguistic Theory of Translation* / J. C. Catford. – Oxford : Oxford University Press, 1965. – 103 p.
152. Chomsky, N. *The Concept of Language* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=hdUblwHRkY&ab_channel=UWVideo (дата обращения: 1.11.2025).

153. Classen, C. *The Deepest Sense: A Cultural History of Touch* / C. Classen. – Urbana ; Chicago ; Springfield : University of Illinois Press, 2012. – 296 p.
154. Cohen, L. J. Some remarks on Grice's views about the logical particles of natural language / L. J. Cohen // Bar-Hillel (ed.). *Pragmatics of Natural Languages*. – Dordrecht : D. Reidel Publishing Co., 1971. – P. 50–68. https://doi.org/10.1007/978-94-010-1713-8_3
155. Cowie, A. P. — далее по списку нет новых позиций (оставляю как есть)
156. Cowie, A. P. Polysemy and the structure of lexical fields / A. P. Cowie // *Nottingham Linguistic Circular*. – 1982. – Vol. 11, No. 2. – P. 51–64.
157. Cruse, D. A. *Lexical Semantics* / D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 1986. – 310 p.
158. Dopkins, S. Lexical Ambiguity and Eye Fixations in Reading: A Test of Competing Models / S. Dopkins, R. Morris, K. Rayner // *Journal of Memory and Language*. – 1992. – Vol. 31, No. 4. – P. 461–476.
159. Evans, V. Semantic representation in LCCM Theory / V. Evans // *New Directions in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam : John Benjamins, 2009. – P. 27–55.
160. Falkum, I. L. Polysemy: Current perspectives and approaches / I. L. Falkum, A. Vicente // *Lingua*. – 2015. – Vol. 157. – P. 1–16. <http://dx.doi.org/10.1016/j.lingua.2015.02.002>
161. Fewster, G. P. *Creation Language in Romans 8 : A Study in Monosemy* / G. P. Fewster. – Leiden : Brill, 2013. – 204 p.
162. Fillmore, C. J. Types of Lexical Information / C. J. Fillmore // *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology* / eds. D. Steinberg, L. Jacobovitz. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – P. 370–392.
163. Firth, J. R. *Papers in Linguistics* / J. R. Firth. – London : Oxford University Press, 1957. – 233 p.

164. Gibbs, R. W. Taking metaphor out of our heads and putting it into the cultural world / R. W. Gibbs // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / eds. R. W. Gibbs, G. Steen. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – P. 145–166.
165. Grimshaw, J. Light verbs and θ -Marking / J. Grimshaw, A. Mester // *Linguistic Inquiry*. – 1988. – Vol. 19, No. 2. – P. 205–232.
166. Gruber, J. *Studies in Lexical Relations* / J. Gruber. – Massachusetts : Massachusetts Institute of Technology, 1965. – 606 p.
167. Halliday, M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar* / M. A. K. Halliday. – London : Edward Arnold, 1985. – 384 p.
168. Halliday, M. A. K., Martin, J. R. *Writing Science: Literacy and Discursive Power* / M. A. K. Halliday, J. R. Martin. – London : The Falmer Press, 1993. – 434 p.
169. Halliday, M. A. K., Matthiessen, C. *An Introduction to Functional Grammar* / M. A. K. Halliday, C. Matthiessen. – 3rd ed. – London : Edward Arnold, 2004. – 480 p.
170. Haspelmath, M. Analytic and synthetic: Typological change in varieties of European languages / M. Haspelmath, S. Michaelis // *Language Variation – European Perspectives VI : Selected Papers from ICLAVE-8 (Leipzig, 2015)* / ed. by I. Buchstaller, B. Siebenhaar. – Amsterdam : John Benjamins, 2017. – P. 3–22.
171. Haspelmath, M. Revisiting the anasynthetic spiral / M. Haspelmath // *Grammaticalization from a Typological Perspective* / ed. by H. Narrog, B. Heine. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – P. 97–115.
172. Horrocks, G. *Greek: A History of the Language and Its Speakers* / G. Horrocks. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2010. – xx + 505 p.
173. Jackendoff, R. *Semantic Interpretation in Generative Grammar* / R. Jackendoff. – Cambridge (MA) : MIT Press, 1972. – 412 p.
174. Jackendoff, R. *Semantic Structures* / R. Jackendoff. – Cambridge (MA) : MIT Press, 1990. – 338 p.
175. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition* / R. Jackendoff. – Cambridge (MA) : MIT Press, 1983. – 283 p.

176. Karatarakis, N. Δистрибуτιβνύ ανάλυς γλαγολών ΛΣΓ ‘περμεχένε οβύκτα’ в греческом и русском γλάκα на матерιале корпусов / Distributive Analysis of Verbs of the Lexico-Semantic Group ‘Object Movement’ in Greek and Russian Based on Corpus Data [Data set] [Электронный ресурс]. – Режым достуπα: <https://zenodo.org/records/20101792> (дата обращения: 10.05.2026).

177. Kennedy, C. Ambiguity and Vagueness: An Overview / C. Kennedy // C. Maienborn, K. Heusinger, P. Portner (eds). Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning. Vol. 1. – Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2011. – P. 507–535.

178. Kerbrat-Orecchioni, C. La Connotation / C. Kerbrat-Orecchioni. – Lyon : Presses Universitaires de Lyon, 1977. – 256 p.

179. Kiklewicz, A. Zrozumieć język. Szkice z filozofii języka, semantyki, lingwistyki komunikacyjnej / A. Kiklewicz. – Łask : Leksem, 2007. – 454 p.

180. Kreidler, C. Introducing English Semantics / C. Kreidler. – London : Routledge, 1998. – 332 p.

181. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 308 p.

182. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things / G. Lakoff. – Chicago ; London, 1987. – 632 p.

183. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I : Theoretical Prerequisites / R. W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 516 p.

184. Liddell, H. G., Scott, R. A. Λεξικό της Αρχαίας Ελληνικής Γλώσσας : επιτομή του Μεγάλου Λεξικού / H. G. Liddell, R. A. Scott. – Αθήνα : Πελεκάνος, 2007. – 1476 σ.

[Лидделл, Х. Г., Скотт, Р. А. Словарь древнегреческого языка: краткая версия Большого словаря / Лидделл, Х. Г., Скотт, Р. А. – Афины : Пелеканос, 2007. – 1476 с.].

185. Liddell, H. G., Scott, R. A. Λεξικό της Αρχαίας Ελληνικής Γλώσσας : επιτομή του Μεγάλου Λεξικού [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/tools/liddell-scott/index.html (дата обращения: 23.11.2025).
186. Liefrink, F. *Semantico-Syntax* / F. Liefrink. – London : Longman Linguistics Library, 1973. – 178 p.
187. Lyons, J. Γλωσσολογική σημασιολογία / J. Lyons ; μτφρ. Γ. Ανδρουλάκης ; επιμ. Γ. Καρανάσιος. – Αθήνα : Εκδόσεις Πατάκη, 1999. – 396 σ. [Лайонз, Дж. Лингвистическая семантика / Дж. Лайонз ; пер. Г. Андрулакиса ; ред. Г. Каранасиоса. – Афины : Издательство «Патакис», 1999. – 396 с.].
188. Mackridge, P. Η Νεοελληνική Γλώσσα / P. Mackridge ; μτφρ. Κ. Πετρόπουλος. – Αθήνα : Εκδόσεις Πατάκη, 1990. – 532 σ. [Макридж, П. Новогреческий язык / П. Макридж ; пер. К. Петропулоса. – Афины : Издательство «Патакис», 1990. – 532 с.].
189. Matsumoto, M. *From Simple Verbs to Periphrastic Expressions : The Historical Development of Composite Predicates, Phrasal Verbs and Related Constructions in English* / M. Matsumoto. – Bern : Lang, 2008. – 231 p.
190. Mel'čuk, I. *General Phraseology. Theory and Practice. (Lingvisticae Investigationes Supplementa ; 36).* / I. Mel'čuk. – Amsterdam : John Benjamins, 2023. – 281 p.
191. Mel'čuk, I. *Language : From Meaning to Text* / I. Mel'čuk. – Moscow ; Boston : Academic Studies Press, 2016. – 270 p.
192. Mel'čuk, I. *Phraseology in the Language, in the Dictionary, and in the Computer* / I. Mel'čuk // K. Kuiper (ed.). *The Yearbook of Phraseology. Vol. 3.* – New York ; Berlin : De Gruyter Mouton, 2012. – P. 31–56.
193. Mel'čuk, I. *Support (= Light) Verbs* / I. Mel'čuk // *Neophilologica.* – 2022. – № 34. – P. 1–30. <https://doi.org/10.31261/NEO.2022.34.03>
194. Moon, R. *Monosemous words and the dictionary* / R. Moon // A. Cowie (ed.). *The Dictionary and the Language Learner.* – Berlin, Boston : Max Niemeyer Verlag, 1987. – P. 173–182.

195. Noth, W. *Handbook of Semiotics* / W. Noth. – Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1995. – 576 p.
196. Ogden, C. K. *The Meaning of Meaning* / C. K. Ogden, I. A. Richards. – London : Routledge & Kegan Paul, 1923. – 386 p.
197. Posner, R. *Semantics and pragmatics of sentence connectives in natural language* / R. Posner // J. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch (eds). *Speech Act Theory and Pragmatics*. – Dordrecht : D. Reidel Publishing Co., 1980. – P. 169–203.
198. Pustejovsky, J. *The Generative Lexicon* / J. Pustejovsky. – Cambridge (MA) : MIT Press, 1995. – 312 p.
199. Quirk, R. *A Comprehensive Grammar of the English Language* / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London : Longman, 1985. – 372 p.
200. Rosh, H. E. *Human Categorisation* / H. E. Rosh // *Studies in Cross-Cultural Psychology*. – 1977. – Vol. 1, No. 4. – P. 32–76.
201. Rosh, H. E. *Principles of Categorization* / H. E. Rosh // *Cognition and Categorization*. – New York ; Toronto ; London ; Sydney ; Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.
202. Ruhl, C. *On Monosemy : A Study in Linguistic Semantics* / C. Ruhl. – Stony Brook : State University of New York Press, 1989. – 299 p.
203. Schmid, H. J. *English Abstract Nouns as Conceptual Shells : From Corpus to Cognition* / H. J. Schmid. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. – 468 p.
204. Searle, J. R. *The Philosophy of Language* / J. R. Searle ; ed. by J. R. Searle. – Oxford : Oxford University Press, 1971. – 149 p.
205. Sledd, J. *Dollars and Dictionaries: The Limits of Commercial Lexicography* / J. Sledd // H. D. Weinbrot (ed.). *New Aspects of Lexicography*. – Carbondale : Southern Illinois University Press, 1972. – P. 119–137.
206. Smith, C. S. *The Parameter of Aspect* / C. S. Smith. – Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer, 1991. – 486 p.

207. Stump, G. Morphological Typology: From Word to Paradigm / G. Stump, R. A. Finkel. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – xxiv + 402 p.
208. Talmy, L. Towards a Cognitive Semantics. Vol. 1 : Concept Structuring Systems / L. Talmy. – Cambridge (Mass.) : MIT Press, 2000. – 565 p.
209. Traugott, E. Approaches to Grammaticalization / E. Traugott, B. Heine. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1991. – 227 p.
210. Vicente, A. Polysemy and word meaning: An account of lexical meaning for different kinds of content words / A. Vincente // Philosophical Studies. – 2018. – Vol. 175, No. 4. – P. 947–968.
211. Weinreich, U. On the Semantic Structure of Language / U. Weinreich // Universals of Language. – Cambridge, MA : MIT Press, 1963. – P. 114–171.
212. Wierzbicka, A. Semantics : Primes and Universals / A. Wierzbicka. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 1996. – 500 p.
213. Wierzbicka, A. Why Can You Have a Drink When You Can't Have an Eat? / A. Wierzbicka // Language. – 1982. – Vol. 58, No. 4. – P. 753–799.
214. Winter, B. Sensory Linguistics / B. Winter. – Amsterdam : John Benjamins, 2019. – 289 p.
215. Wishart, R. A. Monosemy in biblical studies: a critical analysis of recent work / R. A. Wishart // Biblical and Ancient Greek Linguistics. – 2017. – No. 6. – P. 81–106.
216. Wittgenstein, L. The Philosophical Investigations / L. Wittgenstein. – Oxford : Blackwell, 1953. – 250 p.
217. Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main (дата обращения: 23.11.2025).
218. Θώμου, Π. Λεξι(λογι)κές συνάψεις (lexical collocations) στη Νέα Ελληνική ως ξένη γλώσσα : διδακτορική διατριβή / Π. Θώμου. – Πανεπιστήμιο Κρήτης, 2006. – 232 σ.
[Фому, Π. Лексические (лексикологические) сочетания (lexical collocations) в

новогреческом языке как иностранном : кандидатская диссертация / Π. Φому.
– Университет Крита, 2006. – 232 σ.].

219. Κριαράς, Ε. Επίτομο λεξικό της μεσαιωνικής ελληνικής δημόδους γραμματείας (1100–1669) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greek-language.gr/greekLang/medieval_greek/kriaras/search.html?lq= (дата обращения: 23.11.2025).

220. Κριαράς, Ε. Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημόδους Γραμματείας, 1100–1669. Τόμος Δ΄ / Ε. Κριαράς. – Θεσσαλονίκη : Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 1975. – 431 σ. [Κριαрас, Э. Словарь средневековой народной греческой литературы, 1100–1669. Т. 4. / Э. Кριαрас. – Салоники : Институт новогреческих исследований, 1975. – 431 σ.].

221. Κριαράς, Ε. Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημόδους Γραμματείας, 1100–1669. Τόμος Ε΄ / Ε. Κριαράς. – Θεσσαλονίκη : Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 1977. – 421 σ. [Κριαрас, Э. Словарь средневековой народной греческой литературы, 1100–1669. Т. 5. / Э. Кριαрас. – Салоники : Институт новогреческих исследований, 1977. – 421 σ.].

222. Κριαράς, Ε. Λεξικό της Μεσαιωνικής Ελληνικής Δημόδους Γραμματείας, 1100–1669. Τόμος Θ΄ / Ε. Κριαράς. – Θεσσαλονίκη : Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών, 1985. – 414 σ. [Κριαрас, Э. Словарь средневековой народной греческой литературы, 1100–1669. Т. 9. / Э. Кριαрас. – Салоники : Институт новогреческих исследований, 1985. – 414 σ.].

223. Μπαμπινιώτης, Γ. Ετυμολογικό Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας / Γ. Μπαμπινιώτης. – Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 2010. – 1652 σ. [Μπαμπиниотис, Γ. Этимологический словарь новогреческого языка / Γ. Μπαμπиниотис. – Αфины : Центр лексикологии, 2010. – 1652 σ.].

224. Μπαμπινιώτης, Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας: με εισαγωγή στην ιστορικοσυγκριτική γλωσσολογία / Γ. Μπαμπινιώτης. – Αθήνα : Κέντρο Λεξικολογίας, 1985. – 234 σ. [Μπαμπиниотис, Γ. Краткая история греческого языка: с введением в историко-

сравнительное языкознание / Γ. Μπαμπινιώτης. – Αθήναι : Центр лексикологии, 1985. – 234 σ.].

225. Τριανταφυλλίδης, Μ. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής / Μ. Τριανταφυλλίδης. – Θεσσαλονίκη : Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών (Ίδρυμα Μ. Τριανταφυλλίδη), 1998. – 1220 σ. [Τριανταφυλλίδης, Μ. Σловарь новогреческого языка / Μ. Τριανταφυλλίδης. – Σαλονίκαι : Ινστιτούτο новогреческих исследований (Φонд Μ. Τριανταφυλλίδη), 1998. – 1220 σ.].

226. Τριανταφυλλίδης, Μ. Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.greeklanguage.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html (дата обращения: 23.11.2025).

227. Χριστίδης, Α.-Φ. Ιστορία της αρχαίας ελληνικής γλώσσας / Α.-Φ. Χριστίδης. – Θεσσαλονίκη : Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών [Ίδρυμα Μ. Τριανταφυλλίδη], 2005. – 251 σ. [Χριστιδής, Α.-Φ. История древнегреческого языка / Α.-Φ. Χριστιδής. – Θεσσαλονίκη : Ινστιτούτο новогреческих исследований [Φонд Μ. Τριανταφυλλίδη], 2005. – 251 σ.].

228. Χριστίδης, Α.-Φ. Ιστορία της ελληνικής γλώσσας: από τις αρχές έως την ύστερη αρχαιότητα / Α.-Φ. Χριστίδης ; επιμ. Μαρία Θεοδωροπούλου, Μαρία Αραποπούλου. – Θεσσαλονίκη : Ίδρυμα Μ. Τριανταφυλλίδη, 2014. – 1292 σ. [Χριστιδής, Α.-Φ. История греческого языка: от истоков до поздней античности / Α.-Φ. Χριστιдής ; под ред. Марии Теодоропулу, Марии Арапопулу. – Σαλονίκαι : Φонд Μ. Τριανταφυλλίδη, 2014. – 1292 σ.].

Приложения

Приложение 1. Логическая схема аргумента против эврисемии

Далее покажем наш логический аргумент против эврисемии, используя правило логики «**Modus tollens**», которое означает «путь исключения исключением» и гласит: «Если А, то В; неверно В. Неверно А. Здесь А и В – некоторые высказывания; «если А, то В» и «неверно, что В» («не-В») – посылки; «неверно, что А» («не-А») – заключение; горизонтальная черта стоит вместо слова «следовательно». Другая запись: Если А, то В. Не-В. Следовательно, не-А» [Ивин, Никифоров 1997]. В нашем случае данное правило обеспечивает принцип фальсификации предположения о существовании эврисемии.

1-й случай

Эврисемия имеет в своей основе одно «общее», «широкое», «абстрактное» значение (А) и противопоставляется полисемии (В).

Эврисемия не имеет в своей основе одно «общее», «широкое», «абстрактное» значение.

Эврисемия не противопоставляется полисемии (В).

2-й случай

Эврисемия противопоставляется полисемии (В) и эврисемия является разновидностью моносемии в прямом или косвенном смысле (С).

Эврисемия не противопоставляется полисемии (В).

эврисемия не является разновидностью моносемии ни в прямом, ни в косвенном смысле (С).

3-й случай

Эврисемия является разновидностью моносемии в прямом или косвенном смысле (С) и эврисемия является обособленным лексико-семантическим явлением (D).

эврисемия не является разновидностью моносемии ни в прямом, ни в косвенном смысле (С).

эврисемия не является обособленным лексико-семантическим явлением (D).

4-й случай

Эврисемия является обособленным лексико-семантическим явлением (D) и эврисемия является отношением языковой системы (E).

Эврисемия не является обособленным лексико-семантическим явлением (D).

эврисемия не является отношением языковой системы (E).

Приложение 2. Производные формы глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Таблица 1. Производные формы производящих русских глаголов

<i>Глагол</i>	Ставить	Давать (дать*)	Класть	-Ложить*	Брать
Производные глаголы	выкладывать, , закладывать, , раскладывают, ь, прикладывают, ь, складывать, докладывать, , перекладывают, ть, вкладывают	передавать, , отдавать, раздавать, выдавать, подавать(с я), сдавать(ся ,), вдаваться, придавать, задавать, предавать, издавать, преподавать	выставлять, , заставлять, доставлять, , поставлять, , расставляют, ь, переставлять, ть, вставлять, представлять, ть, приставляют ь	приложить, , выложить, заложить, доложить, вложить, сложить, разложить, , переложить, ь, расположить, ть	подбирать, выбирать, набирать, забирать, отбирать, собирать, разбирать(с я), добирать(ся ,), избирать, убирать(ся), взбирать(ся ,), вбираться, перебирать(с я)
Глагол-предок	<i>*stāvīti</i>	<i>*dātī;</i> <i>*dājātī;</i> <i>*dāvātī</i>	<i>*klādō,</i> <i>*klāstī;</i> <i>*klādъ</i>	<i>*ložiti</i>	<i>*bъrati</i>
Вид	НСВ	НСВ	НСВ	СВ	НСВ
Парный глагол	поставить	дать	положить	-лагать	взять
Общий индоевропейский корень	<i>*stāw-</i>	<i>*do-</i>	<i>*klā-</i>	ЭТИМОЛОГИ Ю НЕ НАШЛИ	<i>*bher-</i>

РУССКИЙ ЯЗЫК – производящие глаголы

Таблица 2. Производные формы производящих греческих глаголов

<i>Глагол</i>	βάζω	Δίνω	Δέχομαι	Λαμβάνω
<i>Производные глаголы</i>	ανεβάζω, κατεβάζω, διαβάζω εμβάζω, βγάζω *μεταβιβάζω, διαβιβάζω, συμβιβάζομαι, αποβιβάζω, επιβιβάζομαι, προβιβάζω, υποβιβάζω	παραδίδω, αποδίδω, διαδίδω, ανταποδίδω, προδίδω, αναμεταδίδω, εκδίδω, καταδίδω	αποδέχομαι, διαδέχομαι, αναδέχομαι, παραδέχομαι, ενδέχεται, υποδέχομαι, καταδέχομαι	απολαμβάνω, αναλαμβάνω, επαναλαμβάνω, καταλαμβάνω, μεταλαμβάνω, προλαμβάνω, παραλαμβάνω
<i>Глагол-предок</i>	βιβάζω	δίδωμι (δίδω)	δέχομαι, δέκομαι	λαμβάνω
<i>Общий индоевропейский корень</i>	ЭТИМОЛОГИЮ не нашли	*do-	*dek-	*sleg

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК – производящие глаголы

Таблица 3. Производные формы производных русских глаголов

<i>Глагол</i>	принять	взять	получать
<i>Производные глаголы</i>	предпринять, допринять	-	заполучать, недополучать
<i>Глагол-предок</i>	*jъmǝ : jęti	*jъmǝ : jęti	*klādǝ, *klāstī; *klādъ
<i>Вид</i>	СВ	СВ	НСВ
<i>Парный глагол</i>	принимать	брать	получить
<i>Общий индоевропейский корень</i>	*em-	*em-	ЭТИМОЛОГИЮ не нашли

РУССКИЙ ЯЗЫК – производные глаголы

Таблица 4. Производные формы производных греческих глаголов

<i>Глагол</i>	Παίρω	Βγάζω
<i>Производные глаголы</i>	<i>αποπαίρω, παραπαίρω</i>	-
<i>Глагол-предок</i>	<i>αἶρω / ἀεῖρω</i>	<i>βιβάζω</i>
<i>Общий индоевропейский корень</i>	этимологию не нашли	этимологию не нашли

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК – производные глаголы

Приложение 3. Типовая ситуация глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Типовая ситуация, характерная для всех исследуемых глаголов, представляет собой следующее: **имеется объект X, который до события находится в одной сфере, а после события – в другой сфере**, т.е. $X:A \rightarrow B$. Анализ однотипной ситуации глаголов произведен исходя из первого толкования словаря новогреческого языка М. Триантафиллидиса [Τριανταφυλλίδης 1998, электронный ресурс] для греческих глаголов и БТСРГ [БТСРГ 2008, электронный ресурс] для русских. В качестве материала взято первичное, главное значение, поскольку оно «находится в позиции наименьшей обусловленности от окружения, в наименьшей степени зависит от контекста» [Новиков 2001а: 538], на основе первого толкования для каждой лексической единицы. Толкования греческих глаголов даются с выполненным нами переводом на русский язык.

Таблица 5. Типовая ситуация глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Глагол	Толкование	Типовая ситуация
Παίρνω ‘брать’	хватать что-то рукой / руками	Α παίρνει Χ от Β1 (человек) или из Β2 (место)
Δίνω ‘давать’	класть кому-то что-то в руку, подать, передать	Α δίνει Χ Β1 (человек) или в\на Β2 (место)
Βάζω ‘ставить, класть’	класть, ставить, помещать что-то в какое-то место	Α βάζει Χ в\на Β2 (место)
Βγάζω ‘вынимать, вытаскивать и т.п.’	перемещать что-то изнутри наружу	Α βγάζει Χ от Β1 (человек) или из Β2 (место)
Δέχομαι ‘принимать’	брать то, что мне дают, предлагают	Α δέχεται Χ от Β1 (человек) или из Β2 (место)
Λαμβάνω ‘получать’	принимать, брать что-то от кого-то как адресат	Α λαμβάνει Χ от Β1 (человек) или из Β2 (место)
Брать	захватывать, схватывать рукой, руками или каким-либо инструментом, орудием, находящимся в руках; принимать в руки	Α берет Χ от Β1 (человек) или из Β2 (место)
Давать	к <i>дать</i> . Передать из рук в руки; вручить	Α дает Χ Β1 (человек) или в\на Β2 (место)
Ставить	помещать (поместить) что-либо куда-либо в стоячем положении, располагать где-либо	Α ставит Χ в\на Β2 (место)
Класть	помещать (поместить) кого-, что-либо куда-либо в лежачем положении, приводить (привести) в лежачее положение	Α кладет Χ в\на Β2 (место)
Получать	к <i>получить</i> . Взять, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое.	Α получает Χ от Β1 (человек) или из Β2 (место)
Принимать	к <i>принять</i> . Взять из рук у того, кто даёт, отдаёт.	Α принимает Χ от Β1 (человек) или из Β2 (место)

Глагол	Обладание	Изменение посессора	Активная позиция агенса	Пассивная позиция агенса	Локализация в месте	Извлечение	Локализация у субъекта	Каузация объекта	Перемещение объекта
παιρνῶ	+	+	+	+	-	-	+	+	+
δίνω	+	+	+	-	-	-	-	+	+
δέρωμαι	+	+	-	+	-	-	+	+	+
λειτουργῶ	+	+	-	+	-	-	+	+	+
братъ	+	+	+	+	-	-	+	+	+
давать	+	+	+	-	-	-	-	+	+
получать	+	+	-	+	-	-	+	+	+
принимать	+	+	-	+	-	-	+	+	+
βάζω	-	-	+	-	+	-	-	+	+
ставитъ	-	-	+	-	+	-	-	+	+
κλάσθαι	-	-	+	-	+	-	-	+	+
βυζῖω	-	-	+	-	+	+	-	+	+

Таблица 6. Подгруппы ситуаций глаголов ЛСГ ‘перемещение объекта’

Приложение 4. Глагол *βγάζω*: толкования слова по словарю М.

Триадафиллидиса. Соответствия в русском языке.

Значение	Пример	Перевод
I. Перемещение – Удаление		
1α. Доставать, вынимать что-то изнутри наружу	Έβγαλα τα ρούχα απ' το μπαούλο.	Я достал одежду из сундука.
1β. Выражать, выпускать наружу чувства, эмоции	Έβγαλε όλη την αγανάκτηση που έκρυβε.	Он выплеснул всё скрытое возмущение.
1γ. Откачивать, черпать жидкость	Έβγαζαν νερό απ' το πηγάδι.	Они черпали воду из колодца.
2α. Снимать с себя одежду, маску и т.п.	Έβγαλα τα παπούτσια μου γιατί βράχηκαν.	Я снял ботинки, потому что они промокли.
2β. Удалять, устранять, выводить (пятна, мысли)	Βγάλε το από το μυαλό σου.	Выкинь это из головы.
2γ. Удалять хирургически (зуб, орган)	Ο γιατρός μου έβγαλε το δόντι.	Врач удалил мне зуб.
2δ. Вычитать (в арифметике)	Από τα πέντε αν βγάλουμε δύο, μένουν τρία.	Если из пяти вычесть два, останется три.
3. Исключать, вычеркивать, выводить из состава	Ο προπονητής τον έβγαλε από την ομάδα.	Тренер исключил его из команды
4. Вытаскивать (шип, слова)	Βγάλε το αγκάθι από το δάχτυλό μου.	Вытащи занозу из моего пальца.
5. Вывихивать (конечность)	Στραβοπάτησα κι έβγαλα το πόδι μου.	Я подвернул ногу и получил вывих.
6. Выбивать глаз, наносить серьёзное повреждение	Με την απροσεξία του λίγο έλειψε να μου βγάλει το μάτι.	Из-за своей неосторожности он чуть не выбил мне глаз.
II. Производство – Созидание		
1. Производить, выпускать продукцию; готовить специалистов	Η νότια Ελλάδα βγάξει πολύ λάδι.	Южная Греция производит много оливкового масла.
2α. Рожать, выводить (детёнышей, птенцов)	Η γάτα μας έβγαλε τρία γατάκια.	Наша кошка родила трёх котят
2β. Выполнять большое количество работы	Καλός εργάτης, βγάξει πολλή δουλειά.	Хороший работник, выполняет много работы.

Значение	Пример	Перевод
3. Получать продукт из сырья, преобразовывать	Από τα μήλα βγάζουν ωραίο κρασί.	Из яблок делают отличное вино.
4. Давать побег, корни; выделять дым, искры; покрываться сыпью	Το μαχαίρι έβγαζε σπίθες στον τροχό.	Нож при заточке на круге искрил.
III. Ογλaшение – Публикация	κάνω γνωστό, δημοσιοποιώ, αποκαλύπτω	делать известным, обнародовать, раскрывать
IV. Издание – Оформление документов	εκδίδω/εκπληρώνω διαβατήριο, βεβαίωση, βγάζω φωτογραφία	оформлять паспорт, справку; делать фотографию
V. Освобождение – Удаление		
1. Выручать, избавлять от трудного положения	Η βοήθειά της τον έβγαλε από το αδιέξοδο.	Её помощь вывела его из тупика.
2. Увольнять с работы, с должности	Τον έβγαλαν από τη δουλειά του.	Его уволили с работы.
3. Выгонять, выводить силой	Τον έβγαλε έξω με τις κλοτσιές.	Он выгнал его пинками.
4. Удалять с соревнования (спорт)	Ο διαιτητής τον έβγαλε από τον αγώνα.	Судья удалил его из матча.
5. Устранять, ликвидировать (букв. и перен.)	Έβγαλε από τη μέση πολλά εμπόδια.	Он устранил множество препятствий.
VI. Заработок – Приобретение		
1. Зарабатывать деньги, средства к жизни	Βγάζει πολλά λεφτά από τη δουλειά του.	Он зарабатывает много денег своей работой
2. Приобретать, обзаводиться (вещью, партнёром и т.п.)	Έβγαλε καινούριο αυτοκίνητο.	Он приобрёл новый автомобиль.
3. Произносить речь, крик, издавать звук	Ανέβηκε στο τραπέζι κι έβγαλε λόγο.	Он поднялся на стол и произнёс речь.
4. Не произносить ни слова (при отрицании)	Μη βγάζεις λέξη.	Не произноси ни слова
5. Изматывать, выматывать (кого-то)	Μου έβγαλε την ψυχή.	Он меня измучил (букв. «он мне душу вынул»).

Значение	Пример	Перевод
VII. Направление – Завершение		
1. Вести, выводить (дорога ведёт куда-то)	Πού βγάξει αυτός ο δρόμος;	Куда ведёт эта дорога?
2. Провожать, сопровождать	Να σε βγάλω ως την πόρτα.	Проводить тебя до двери.
3. Делать вывод, заключение	Τι βγάζεις απ' όσα σου είπα;	Какой вывод ты делаешь из того, что я сказал?
4. Разбирать, читать (текст)	Δεν μπορώ να βγάλω τα γράμματα σου.	Не могу разобрать твой почерк.
5. Выдерживать, дотягивать (по времени или расстоянию)	Πώς θα βγάλουμε το μήνα με τόσα λίγα λεφτά;	Как мы протянем месяц с такими малыми деньгами?
6. Заканчивать школу, курс	Έβγαλε το γυμνάσιο.	Он окончил гимназию (среднюю школу).
VIII. Устойчивые выражения	Τα βγάζω πέρα, τη βγάζω καθαρή, βγάζω συμπέρασμα.	Справляюсь; выхожу сухим из воды; делаю вывод.
IX. Называние – Характеристика		
1. Давать имя, прозвище	Του έβγαλαν Γιάννη.	Его назвали Яннис.
2. Называть, объявлять (лжецом, вором и пр.)	Τον έβγαλαν ψεύτη.	Его назвали лжецом.
3. Признавать, квалифицировать (инвалидом, неспособным)	Τον έβγαλαν ανάπηρο.	Его признали инвалидом.
4. Выдвигать, избирать, определять победителя	Η κλήρωση έβγαλε το νικητή.	Жеребьёвка определила победителя.
5. Считать, подсчитывать, вычислять	Έβγαλε λάθος τον λογαριασμό.	Он неправильно посчитал счёт.

Соответствия в русском языке по словарным данным

доставать, вынимать, вытаскивать, извлекать, удалять, выбрасывать, вычеркивать, исключать, снимать, выводить, вычитать, выражать, выплёскивать, выпускать, испускать, черпать, откачивать, вывихивать, выбивать, производить, изготавливать, делать, рожать, выполнять, получать, добывать, покрываться, публиковать, оглашать, раскрывать, обнародовать, оформлять, выдавать, освобождать, избавлять, спасать, увольнять, выгонять, устранять, зарабатывать, приобретать, произносить, издавать, измучивать, вести, провожать, заключать, разбирать, читать, выдерживать, протягивать, заканчивать, оканчивать, справляться, выживать, называть, объявлять, признавать, определять, подсчитывать, вычислять

Приложение 5. Характеристики высокочастотных и низкочастотных глаголов

Рисунок 2. Характеристики высокочастотных и низкочастотных глаголов

Частота употребления

низкая

высокая

- конкретное значение ($\frac{\text{сигнификат}^+}{\text{денотат}^-}$)	- обобщенное значение ($\frac{\text{сигнификат}^-}{\text{денотат}^+}$)
- узкая сочетаемость	- широкая сочетаемость
- узкая референция	- широкая референция
- не развитая полисемия (мало значений)	- развитая полисемия (много значений)
- мало коллокаций	- много коллокаций
- высокая активность девербативов в научном и разговорном стиле речи	- низкая активность девербативов в научном и разговорном стиле речи

Приложение 6. Проведенный опрос

Проведённый нами опрос служит убедительным эмпирическим подтверждением выдвинутого в диссертации метафорического переноса от конкретного к абстрактному (и сопровождающей его десемантизации глаголов). Полученные данные позволили установить критерии построения классификации коллокаций, продолжить аргументирование системности глагольных моделей, а также согласиться с тезисом о том, что степень утраты глаголом исходного номинативного значения напрямую отражается на сложности восприятия коллокаций. На этой основе был построен метафорический перенос от конкретного к абстрактному как переход от номинативного к фразеологическому.

Перед опросом была организована встреча со студентами, чтобы объяснить им инструкции и решить возникшие вопросы. Количество опрошенных составляло **29 человек**. Выбранная нами аудитория – обучающиеся греческому языку продвинутого уровня В1-В2. Данный выбор имеет двойное оправдание: 1) носители языка часто воспринимают язык интуитивно и не задумываются о сложных лексических или грамматических аспектах. Они не фокусируются на различиях между словами или выражениями, в результате чего многие особенности языка могут оставаться незамеченными; 2) уровень В1-В2 является достаточным, поскольку, с одной стороны, обучающиеся А1-А2 пока не освоили основы языка, а с другой, обучающиеся С1-С2 уже владеют языком на высоком уровне и не задумываются об использовании той или иной коллокации, ведь, вероятно, они их знают.

Относительно выбранного материала, т.е. коллокаций, они были получены из исследования Р. Thomou (2006), корпуса новогреческого языка (http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=ru), НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/results?search=Cs4BEp4BCpsBChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJrChMKA2xleBIMCgr>

[QsdGA0LDRgtGMCgoKBGZvcm0SAgoACgsKBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHNlbXgKDAoGc3ludGF4EgIKAAoLCgVmbGFncxICCGAqJAoICAAQChgyIAoQBSAAKJihs6Ddwt4CQAVqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQE=](#)), из толкового словаря М. Триадафилидиса и из

личного материала автора, полученного во время проведения занятий по греческому как иностранному. Материалы получены методом сплошной выборки.

Инструкции к опросу были следующие: необходимо распределить представленные словосочетания по степени сложности восприятия их значения.

Предусмотрено шесть уровней сложности:

- 1 уровень – значение словосочетания определяется мгновенно, без задержки;
- 2 уровень – значение устанавливается быстро с минимальными усилиями;
- 3 уровень – требуется умеренное время для осмысления;
- 4 уровень – требуется значительное время для понимания;
- 5 уровень – понимание достигается с большим трудом после длительного размышления.

Если значение словосочетания совершенно непонятно и не может быть установлено, следует присвоить уровень 6.

Критерием отнесения к тому или иному уровню является время и усилия, затраченные на распознавание и интерпретацию значения.

Во-первых, анализ распределения ответов по уровням сложности показывает чёткую зависимость между категорией коллокации и временем, которое участники тратили на её понимание. Коллокации **1-й категории** (метафора глагола с абстрактным дополнением: например *Β Δίνω σχήμα*, *Γ Δίνω κουράγιο*, *Δ Παίρνω δύναμη*, *Η Δίνω άδεια*, *Π Κρατάω την υπόσχεση μου*, *Ρ Κρατάω την αξιοπρέπεια μου*) получили в среднем **2.66** балла, при индивидуальных средних от **1.79** до **3.62**.

Это указывает на относительно лёгкое и быстрое восприятие: фразеологическое значение уже устойчиво закреплено в языке, а метафора глагола распознаётся без значительных когнитивных усилий.

Во-вторых, коллокации **2-й категории** (метафоризация обеих частей, например *A Βάζω μυαλό, Θ Δίνω τέλος, Ν Βάζω εμπόδιο, Ξ Παίρνω μέτρα*) демонстрируют среднее значение **2.84** при разбросе от **2.17** до **3.83**. Это отражает промежуточный характер их семантики: фразеологическое значение уже сформировано, но исходная конкретная образность частично сохраняется. Поэтому часть респондентов реагирует быстро (1–2), а часть требует больше времени (3–4).

В-третьих, коллокации **3-й категории** (глубокая десемантизация глагола и доминирование существительного: *Ε Παίρνω εκδίκηση, Λ Βάζω υπογραφή, Ο Δίνω εξηγήσεις*) имеют наивысшее среднее **3.07** и наибольший диапазон индивидуальных средних (**1.55–4.45**). Испытуемые часто отмечали, что «глагол сам по себе ничего не значит», что полностью подтверждает гипотезу о перераспределении смысловой нагрузки на существительное и о максимально глубокой утрате исходной лексической «плотности» глагола.

Особый случай составляют **асистемные коллокации (0-я категория**, например *Ζ Δίνω εξετάσεις, Ι Παίρνω διαζύγιο, Κ Παίρνω τηλέφωνο, Μ Βάζω τα κλάματα*), со средним **2.41** и диапазоном от **1.34** до **3.55**. Для них характерен сильный разброс оценок: от мгновенного узнавания до полного затруднения. Это указывает на отсутствие устойчивой модели метафоризации или перифразы и на решающую роль индивидуального языкового опыта респондентов.

Полученные результаты полностью подтверждают теоретическую модель метафорического переноса от конкретного к абстрактному и процесс десемантизации глагола:

- по мере перехода от категории 1 через 2 к 3 **средний уровень сложности растёт** (2.66 → 2.84 → 3.07),

- 0-я категория демонстрирует нерегулярность и непредсказуемость восприятия.

После завершения опроса была проведена беседа с участниками, чтобы обсудить результаты, которые представлены ниже в таблицах. Ответы и сама беседа играли критическую роль в построении классификации не только по принципу десемантизации, но также и по другим основаниям.

Во-первых, при обработке ответов было обнаружено, что **степень трудности восприятия тесно связана с наличием или отсутствием буквального, свободного соответствия** коллокации. Там, где существовало свободное словосочетание с тем же формальным строением, участники быстрее улавливали значение и давали низкие уровни сложности. Например, сочетание *βυάζω λεφτά* могло пониматься как ‘снимаю деньги’ (буквально) или ‘зарабатываю деньги’ (фразеологически), и именно возможность такого двойного чтения облегчала понимание. Это наблюдение показало, что различие между свободным и фразеологическим употреблением является ключевым показателем стадии семантической эволюции, что и привело к формулированию первого критерия.

Во-вторых, в ряде коллокаций респонденты прямо указывали, что глагол «ничего не значит сам по себе», а смысл «задаёт существительное». При этом нередко существительное оказывалось **однокоренным с исходным глаголом** и позволяло перефразировать конструкцию: *βυάζω το συμπέρασμα* → *συμπεραίνω* ‘делаю вывод’. Случаи такого ‘перехода значения’ от глагола к имени выявлялись статистически как зона максимальных сложностей (4–6 баллов). Это продемонстрировало, что возможность или невозможность **перифразы** является надёжным инструментом для диагностики глубины десемантизации глагола, что легло в основу второго критерия.

В-третьих, сопоставление всех ответов показало, что **характер семантического сдвига** – метафорический перенос или десемантизация – определяет не только уровень сложности, но и сам способ формирования

значения. Так, коллокации с метафорическим употреблением глагола (1-я категория) воспринимались легче, тогда как конструкции, где глагол утрачивал своё значение и превращался в «грамматическую опору» (3-я категория), требовали гораздо большего времени на интерпретацию. Это наблюдение стало основой третьего критерия, который фиксирует принципиальное различие между метафорическим расширением значения и его постепенным «обнулением».

Таким образом, три предложенных критерия возникли как результат необходимости объяснить эмпирические данные, которые подтверждают, что чем глубже коллокация продвинута на пути утраты номинативного значения глагола и формирования фразеологического, тем выше когнитивная нагрузка при её восприятии. Асистемные коллокации фиксируют пограничную зону, которая требует отдельного анализа, но не опровергает основную теоретическую модель.

Таблица 7. Распределение ответов по категориям

	Κολлоκαция	Κατηγορία	Среднее значение
A	Βάζω μυαλό ‘досл.: кладу ум; образумиться’	2	3.03
B	Δίνω σχήμα ‘досл.: даю форму; придаю форму’	1	3.83
Γ	Δίνω κουράγιο ‘досл.: даю мужество; подбадриваю’	1	2.59
Δ	Παίρνω δύναμη ‘досл.: беру силу; набираюсь сил’	1	2.24
E	Παίρνω εκδίκηση ‘досл.: беру мечь; мщю’	3	4.45
Z	Δίνω εξετάσεις ‘досл.: даю экзамены; сдаю экзамены’	0	1.66
H	Δίνω άδεια ‘даю разрешение’;	1	1.79
Θ	Δίνω τέλος ‘досл.: даю конец; прекращаю’	2	3.03
I	Παίρνω διαζύγιο ‘досл.: беру развод; развожусь’	0	3.55
K	Παίρνω τηλέφωνο ‘досл.: беру телефон; звоню’	0	1.34
Λ	Βάζω υπογραφή ‘досл.: ставлю подпись; подписываю’	3	2.07
M	Βάζω τα κλάματα ‘досл.: кладу плач; разрыдаюсь / начинаю плакать’	0	4.48
N	Βάζω εμπόδιο ‘ставлю препятствие’	2	1.38
Ξ	Παίρνω μέτρα ‘досл.: беру меры; принимаю меры’	2	1.38
O	Δίνω εξηγήσεις ‘досл.: даю объяснения; объясняю’	3	3.79
Π	Κρατώ την υπόσχεση μου ‘досл.: держу своё обещание; выполняю своё обещание’	1	3.45
P	κρατάω την αξιοπρέπεια μου ‘досл.: держу своё достоинство; сохраняю достоинство’	1	3.45

Таблица 8. Значения выделенных категорий

Категория	Среднее средних значений	Минимальное среднее	Максимальное среднее
0 – асистемные	2.41	1.34	3.55
1 – метафора глагола (абстрактный объект)	2.66	1.79	3.62
2 – метафора обеих частей	2.84	2.17	3.83
3 – десемантизация глагола, доминирование существительного	3.07	1.55	4.45

Ссылка на опрос:
https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeEEAkFmgOGLnaQKGwwZEiLi8BggqRili8OjxHde8rkDeC_deQ/viewform?usp=sf_link